

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2006

Общественно-политическое издание

Выходит раз в квартал

Наш электронный адрес:

e-mail: mspskniga@co.ru

http: //www.msps.ru

Журнал зарегистрирован в министерстве РФ

по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

Е.В. Барабанов

Р. Брейтвейт (Великобритания)

И.М. Бусыгина

С.А. Васильев

М. Мертез (ФРГ)

Б.Н. Миронов

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Д. Пинто (Франция)

Б. Рубл (США)

В.А. Рыжков

Ю.П. Сенокосов

Л.П. Скопцов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Заместитель главного редактора *Ю.А. Гиренко*

Ответственный секретарь *А.А. Захаров*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Редактор: *Людмила Бусуек*

Верстка: *Ольга Козак*

Фото: *Олег Начинкин*

This publication is made possible by the generous support of the American people through the United States Agency for International Development (USAID). The contents are the responsibility of Moscow School of Political Studies and do not necessarily reflect the views of USAID or the United States Government.

Журнал выходит при бескорыстной поддержке со стороны народа Соединенных Штатов Америки, оказываемой через Агентство США по международному развитию. Московская школа политических исследований несет полную ответственность за содержание публикаций. Точка зрения авторов журнала может не совпадать с позицией Правительства США и Агентства США по международному развитию.

Издание осуществлено при поддержке Комиссии Европейских Сообществ

Содержание

№ 2 (37) 2006

<i>Международная премия основателю и директору Московской школы политических исследований Елене Немировской Выступления участников церемонии</i>	5
--	---

Семинар

<i>Коррупция и глобализация Георгий Сатаров</i>	13
<i>Дискуссия Заметки с семинара Ольга Петрова</i>	25
	30

Тема номера

<i>Патриотизм и всеобщие ценности Михаэль Мертес</i>	34
<i>Гражданская нация как универсальная ценность Юрий Сенокосов</i>	41

Концепция

<i>Средний класс на Западе и в России Александр Согомонов</i>	48
---	----

Дискуссия

<i>Ренессанс социального дарвинизма Александр Волков</i>	55
<i>Общественное мнение и демократия Хесус Эллой Бедоя Чокан</i>	61
<i>Количество качества Андрей Перла</i>	66

Наш анонс

<i>Дарованная демократия Владимир Рыжков</i>	68
<i>"Вторая философия" русского человека Составитель: С.К. Иванов</i>	69

Свобода и культура

<i>Это странное слово "свобода" Сергей Егоров</i>	72
---	----

Личный опыт

Наталья Лосева: "Спасибо, ребята!"
Индира Дунаева 78

Идеи и понятия

Суверенитет
Ирина Бусыгина, Андрей Захаров 82

Горизонты понимания

Уроки власти
Джефф Малгэн 90

Не упустить главного
Александр Мордовин 100

Книги

Москва, 1941-й
Юрий Гиренко 104

Региональное книжное обозрение
Юрий Гиренко 106

Контрапункт
Александр Архангельский 108

Nota Bene

Двенадцать апостолов демократии
Диана Пинто 112

**Международная премия
основателю и директору
Московской школы
политических исследований
Елене Немировской**

2 апреля 2006 года в столице Швеции в Стокгольмском драматическом театре состоялась церемония вручения престижной международной премии Фонда Хиросимы ради мира и культуры (*The Hiroshima Foundation Award for Peace and Culture*). Ее лауреатом стала основатель и директор Московской школы политических исследований Елена Немировская. Премия, которую учредили супруги Эдита Моррис (1902–1988) и Айра Виктор Моррис (1903–1972), вручается за особый вклад в развитие культурного диалога, взаимопонимания и миротворчества во всем мире. Среди тех, кто получал премию в прошедшие годы, – известные поэты, художники, писатели, общественные деятели. Елена Немировская была награждена премией Фонда Хиросимы в знак признания ее заслуг в деле развития гражданской культуры, толерантности и диалога в России и других постсоветских странах.

**Выступления
участников церемонии**

*Даниэль Таршиц,
профессор Стокгольмского университета,
Генеральный секретарь Совета Европы (1996–2000)*

Дамы и господа, дорогие друзья, дорогой лауреат!
Премия Фонда Хиросимы основана Эдитой Моррис – шведской женщиной, вышедшей замуж за американца, ставшей успешным англоязычным писателем, много лет прожившей во Франции и имевшей особые отношения с Японией. Ее шведский издатель Гертруда Гидлунд еще расскажет нам об этой потрясающей личности.
Лауреат этого года – Лена Немировская, основатель и директор замечательного института под названием «Московская школа политических исследований». Школа была основана почти пятнадцать лет назад и за это время не только внесла огромный вклад в развитие демократии в России, но также вдохновила создание подобных организаций в дюжине других посткоммунистических стран.

Позвольте предварить нашу церемонию несколькими краткими замечаниями.

В начале 90-х годов Френсис Фукуяма сказал нам, что история подошла к своему концу. Теперь, говорил он, нас ожидает длительный период глобального консенсуса в основных ценностях. Тоталитаризм умер или умирал, демократия шагала по миру, старые барьеры рушились. Идеи и люди получили небывалую свободу передвижения; распространились новые медиа. На место насильственных однопартийных режимов, обладавших монополией на разрешенные мнения, пришли многообразие и плюрализм. Мы даже получили возможность заново открыть некоторые части прошлого, поскольку внезапно распахнулись двери архивов.

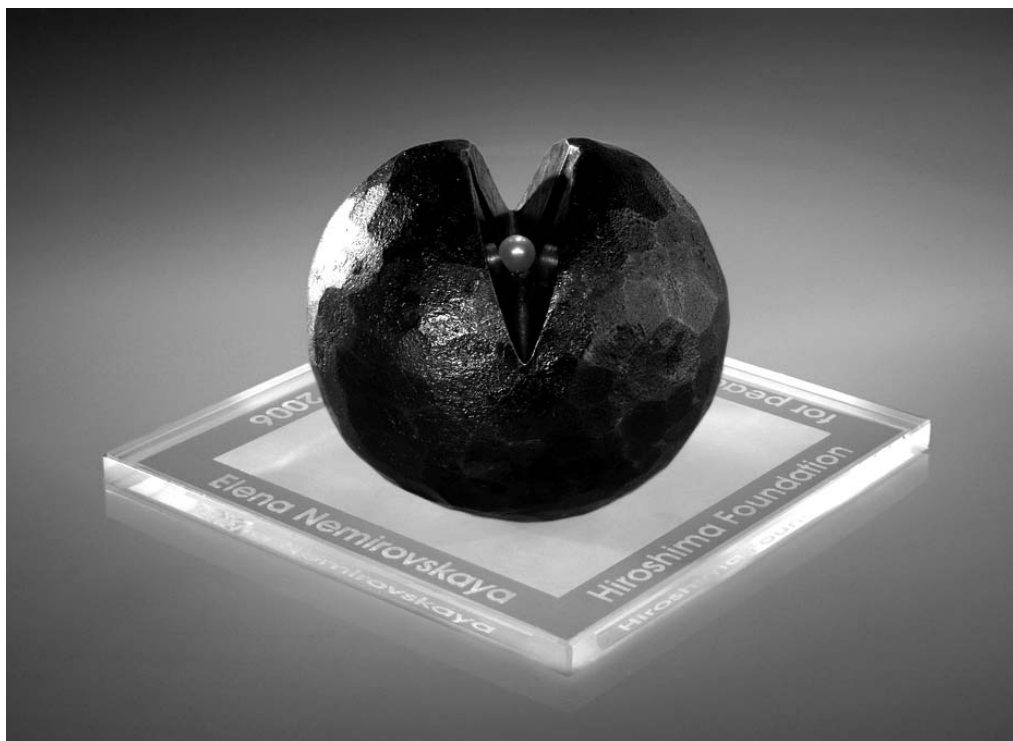
Кроме того, происходило что-то вроде экономической революции. Отменялись ограничения, подавлялись монополии, а свободный рынок обещал процветание для всех. Больше не было бедных стран — только развивающиеся экономики. Это было время великих надежд и открытых перспектив.

Но затем история вернулась и отомстила. Через каких-то пятнадцать лет мы стали более искушенными, немного более мудрыми и несколько сконфуженными. Да, многое стало лучше: бедность, казалось бы, отступила, границы стали проницаемее, дешевые авиабилеты дали нам крылья. Электронная революция сделала мир существенно меньше. Слова и образы из одного угла мира достигают противоположного угла за считанные секунды. Но появились и новые заботы, порожденные возросшей мобильностью и взаимосвязанностью; многие беспокойства самого разного свойства.

Экономические проблемы — в первую очередь. Большинство экспертов по-прежнему сходятся в том, что конкуренция способствует инновациям, что в долгосрочной перспективе свобода торговли и открытые рынки хороши для всех. Но избиратели живут не в долгосрочной перспективе, а в уязвимой реальности и болезненно переносят изменения. Отсюда — громкие призывы к защите, и, под разными масками, старые барьеры укрепляются или восстанавливаются. Протекционизм возвращается под многими именами. Самое популярное сегодня — «экономический патриотизм».

Беспокойство вызывает проблема безопасности. Преступники тоже выигрывают от возросшей мобильности. Отсюда — новые угрозы и страхи, а также новые попытки защититься от них. По-видимому, совершенно не случайно, как говаривали марксисты, мистер Фукуяма, который некогда рассказал нам о конце истории, недавно выпустил книгу под названием «Строительство государства».

Сейчас кругом много строителей государства и много школ политической архитектуры. Среди них есть минималисты и максималисты. Несколько лет назад, в разгар либертарианской революции, нам говорили, что все будет расти и расцветать, если свести политические институты к минимуму. Сейчас мы об этом слышим реже, и стало общепри-

нятым считать, что публичные институты и публичная политика необходимы для укрепления экономики и общества. Но какие институты и какая политика? Предлагаются разные модели, жесткие и не очень. Некоторые из строителей государства стремятся возвести здания без окон. Это плохой рецепт: чтобы хорошо жить, нужны воздух и свет. Открытость жизненно необходима. А некоторые слишком зацикливаются на открытости, куда больше, чем то нужно гражданам. И это тоже плохой рецепт.

Совет Европы, как организация, глубоко вовлеченная в процесс государственного строительства, не устает повторять, что хорошее управление требует уважения к правам человека, к плюралистической демократии и верховенству права. Верховенство права не означает, что любой закон хорош, — это принцип недопущения произвола и злоупотреблений властью. Эти три принципа должны работать в гармонии, но как достичь такой гармонии? Как построить достойное государство и достойные институты? Как обеспечить эффективность политики и мудро использовать публичные ресурсы? Именно поиск ответов на эти вопросы и составляет существо демократии. В цивилизованном обществе мы обязаны обсуждать эти вопросы серьезно и без страха.

Фонд Хиросимы стремится к «миру через культуру», и в этом году его премией отмечается вклад в развитие политической культуры России и других постсоветских стран. Московская школа политических ис-

следований нацелена на расширение пространства дискуссии по всем вопросам, важным для общества, ищущего свой путь: дискуссии о своем и чужом опыте в свете либеральных, демократических и гуманистических принципов. Школа — это воплощение духа реальной демократии.

Выражение «новые русские» обычно связывают с сумасшедшим богатством и разгульным образом жизни, но я лично настаивал бы на другой интерпретации. Для меня по-настоящему новые русские — это люди, которых собирает вокруг себя Московская школа политических исследований: открытые к разговору, свободно мыслящие, любознательные, целеустремленные и отважные. Эти качества необходимы для будущего российской демократии, как и для будущего европейской демократии.

Поздравляя лауреата этого года с безусловно заслуженной ею наградой, хочу надеяться, что демократические достижения, обретенные Россией за последние два десятилетия, будут сохранены. И позвольте выразить мое глубочайшее уважение настоящим новым русским.

Гертруда Гидлунд,

издатель, член правления Фонда Хиросимы

Был январь 1971 года. В Париже шел снег с дождем, когда однажды вечером мы впервые встретились с Айрой и Эдитой Моррис в их уютной квартире недалеко от парка Монсури. Айра был добрейшим человеком, встречавшим каждого как самого дорогого гостя. Он был американским писателем и выдающимся шахматистом, уроженцем Чикаго, сыном священника из Оук Хилл. Рядом с ним была Эдита. Обоим было около 70 лет, оба высокие, худощавые, всегда молодые. Писательство по природе своей — одинокий труд. Эти два писателя любили компанию — но только по вечерам, после долгого дня, проведенного за пишущими машинками. Их сын Иван Моррис жил в Нью-Йорке и работал профессором японологии в Колумбийском университете. Мой муж Кристер Гидлунд и я, молодые и зеленые издатели, восприняли их жизнь и мир как идеальные. Магически привлекательные. Но все оказалось не так просто...

На следующий день в нашем маленьком отеле на улице Вавен раздался телефонный звонок. Звонила Эдита, которая попросила нас зайти. «Если вы устали, работайте больше», — процитировала она Брехта. Так началась наша совместная работа. Книги, дружба, необычайные события: ее жизнь была столь же насыщенной, как и ее романы, направленные против войны и разрушений. Она тогда уже была широко известной писательницей. Роман «Цветы Хиросимы», опубликованный в 1960 году, стал бестселлером и вышел более чем трехмиллионным тиражом. Он принес ей богатство и премию мира имени Альбера Швейцера.

Почему Хиросима? Постепенно я узнала о трагедии Эдиты. Она родилась и 21 год прожила в Швеции. В 1923 году Айра Моррис женился на юной шведской красавице Эдите Толл, и ее стали звать Эдитой Моррис. Они отправились за границу — в Лондон, Берлин, Нью-Йорк. В 1925-м родился сын Иван. Отучившись в британских и американских школах, он стал изучать Японию в Гарвардском университете. Во время атомных бомбардировок в августе 1945-го он служил переводчиком в американской военно-морской разведке. Тогда ему было 19 лет. Позже он никогда не рассказывал, что он увидел в разбомбленной Хиросиме. Только однажды обмолвился: «Там пахло жареным беконом...».

Всю жизнь он посвятил Японии. Как говорила мне Эдита, тогда, в Хиросиме, он получил дозу радиации, а потому не мог иметь детей. Он написал много книг о древней японской культуре и ее одиноких трагических героях. Его шедевром стала книга «Благородство поражения». Иван впервые привез своих родителей в Хиросиму в 1955 году. Два года спустя Айра и Эдита построили дом отдыха для жертв бомбардировки Хиросимы...

Айра умер в 1973 году. Иван — два года спустя, прожив всего 50 лет... Нет горя большего, чем горе матери, оплакивающей своего ребенка. Она поручила своим друзьям ответственность за премию мира и культуры, учрежденную ею и Айрой. Эдита Моррис умерла 14 марта 1988 года в Париже. Ее тело погребено во Франции. Ее душа живет в Швеции.

*Михаил Сульман,
исполнительный директор Нобелевского фонда,
член попечительского совета
Московской школы политических исследований*

Премия Фонда Хиросимы сегодня вручается Лене Немировской в знак признания ее первопроходческих заслуг в развитии гражданской культуры, политического диалога и уважения к правам человека в России и республиках бывшего Советского Союза. В 1993 году она создала и поставила на ноги весьма своеобразный институт: Московскую школу политических исследований. Ее цель — способствовать становлению в России открытого общества, основанного на верховенстве права, сильных демократических институтах, уважении к независимым средствам массовой информации, приверженности рыночной экономике.

Школа достигает поставленных целей, проводя интенсивные серии семинаров на региональном и федеральном уровне, а также в странах ЕС и в США. Участники этих семинаров — политики и гражданские служащие, бизнесмены и журналисты, а также представители неправительственных организаций. Они принадлежат к разным партиям или не при-

надлежат ни к одной. Есть возрастной лимит — не старше 40 лет. Региональные семинары проходят по всей России: от Зеленогорска (бывшие Териоки) на Карельском перешейке до Барнаула, Красноярска и Иркутска в Сибири. Но самый главный, федеральный, семинар проводится в подмосковном Голицыно.

Формат семинара предполагает, что участники (от 50 до 150 человек) от трех до семи дней включены в программу, начинающуюся в девять утра и продолжающуюся почти до полуночи. Разные уровни семинаров служат средством набора участников для более высоких ступенек. Так, самые активные участники регионального уровня приглашаются на федеральный семинар, а те, кто преуспел в Голицыно, приглашаются на международные семинары в различных западных столицах.

За годы работы Школы ее выпускниками стали более 6000 человек. Школа ведет активную издательскую работу, публикуя исторические, политические и экономические труды фундаментального значения российских и зарубежных авторов, а также издавая журнал, информационный бюллетень и, конечно, веб-сайт.

Разумеется, этот краткий обзор дает лишь внешнее, формальное представление о работе Школы и не может передать ощущение ее уникальности. Чтобы попытаться ощутить реальную жизнь Школы, надо оглянуться на ее истоки: подвижническую работу Лены и ее мужа и «товарища по оружию» по созданию Школы Юрия Сенокосова — философа, чье мировоззрение основано на идеалах Просвещения и сформировано под сильным влиянием грузинского философа Мераба Мамардашвили и чешско-британского социолога Эрнеста Геллнера. Одним из практических следствий этих идей стало осознание важности открытого диалога как метода познания реальности. Сегодня это может показаться банальным, но во времена «реального социализма» брежневской эры было не так. Этот метод разрабатывался в квартире Лены и Юры, ставшей чем-то вроде философского «салона».

Их видение и надежда на будущее получили шанс на воплощение после крушения путча в августе 1991 года. Школа была создана при активной поддержке Катрин Лалюмьер, тогдашнего Генерального секретаря Совета Европы. С тех пор Совет Европы помогает Школе, а особенно помогал тогда, когда его руководителем был Даниэль Таршис.

Метод диалога — сердце семинаров. Эксперты или лекторы обычно выступают по 30 минут, а остальная часть двухчасовой сессии отводится для дискуссии. По вечерам впечатления, идеи и споры дня «перевариваются» в ходе игровых сессий, проводимых Сашей Согомоновым. Здесь логичность различных взглядов проходит проверку диалогом, в котором участники отстаивают различные позиции.

Самым важным достижением Лены и ее друзей можно считать создание особого сообщества, привлекающего выдающихся людей. Участники Школы — это, как правило, активные, умные, стремящиеся уз-

нать больше о своей стране и об окружающем мире. Что касается лекторов (или, как их называют в Школе, экспертов), Лена способна привлечь самых ярких личностей из политической и академической среды из России и с Запада и убедить их потратить время и приехать (иногда очень издалека), чтобы встретиться с этими талантливыми и успешными молодыми людьми.

Список лекторов длинен. Из россиян, занимающих высокие посты, можно назвать помощника президента Сергея Ястржембского, председателя Счетной палаты Сергея Степашина, уполномоченного по правам человека Владимира Лукина, бывшего министра экономики Евгения Ясина, бывшего министра финансов Михаила Задорнова. Из иностранцев можно начать с Генри Киссинджера и Збигнева Бжезинского — с одного края политического спектра — и закончить баронессой Ширли Вильямс и большинством шведских экспертов на другом краю. На семинарах часто выступал комиссар Совета Европы по правам человека Альваро Хиль-Роблес, и можно надеяться, что его преемник Томас Хаммарбергер продолжит эту традицию.

Возникает вопрос: что заставляет всех этих занятых людей приезжать и тратить время, иногда в не слишком комфортабельных условиях? (Вспоминаю летнюю сессию в Голицыно, когда безжалостное солнце раскаляло температуру в аудитории до условий сауны!) Причин много. Возможность и удовольствие встретиться с особенными молодыми русскими — одна из них. Но решающий фактор — присущая Лене неодолимая сила убеждения в том, что для тебя это важно, важно внести свой вклад в развитие знаний о политической истории, социальной системе и экономическом развитии России и остального мира; что такое знание, возникающее на основе применения метода диалога, важно для будущего России.

Размышляя о заслугах Лены в историческом контексте, нельзя не вспомнить о прогрессивных женщинах из русского высшего общества, основывавших школы во времена реформ 1860-х годов. Но сегодня мне приходит в голову другая аналогия. Я думаю о политике Петра Великого и Екатерины Великой. Лена и ее друзья продолжают дело этих двух монархов в том смысле, что расширяют окно в Европу, которое Петр и Екатерина пытались открыть. Как известно, не все в политике этих правителей удалось. Но Петр пытался улучшить управление Россией, заимствуя административный опыт Швеции (организация коллегий). А Екатерина приглашала Дидро и Вольтера (первый приезжал, второй уклонился). Лена и Школа учатся на историческом опыте, но смотрят в будущее.

От имени старых и новых друзей, особенно членов попечительского совета Школы, присутствующих здесь, я хочу поздравить Лену с престижной и высоко ценимой премией Фонда Хиросимы.

*Перевод с английского
Юрия Гифенко*

*Елена Немировская,
директор и основатель
Московской школы политических исследований*

Дорогие друзья!

Прежде всего хочу поблагодарить руководителей Hiroshima Foundation for Peace and Culture и в первую очередь его президента Даниэля Таршиса за ту честь, которую они оказали мне и делу, которому я служу, присудив эту высокую награду.

Я также хочу сказать спасибо всем тем, кто был вовлечен в Московскую школу с момента ее основания: моим друзьям, присутствующим здесь сегодня, и тем, кого нет, моей семье и в особенности Юре Сенокосову за постоянную поддержку и мудрость, которые с первого дня вдохновляли работу Школы.

Без него и всех вас я бы не стояла здесь.

Это необыкновенное событие останавливает меня, чтобы еще раз задуматься над одной удивительной темой.

Когда-то, отвечая на вопрос: «Живем ли мы в просвещенный век?» — Иммануил Кант ответил: «Нет, мы живем в век Просвещения».

Перефразируя эти слова Канта, я бы сказала, что сегодня мы еще не живем в век демократии, а живем в эпоху продолжающейся демократизации, которая сопровождается опасной коммерциализацией всех видов человеческой деятельности, включая культуру, образование, искусство и т.д.

И что самое страшное — мы начинаем жить в эпоху демократизации насилия.

Насилие осуществлялось традиционно государством, имевшим эту монополию и, к сожалению, вынужденным легитимизировать его после 11 сентября 2001 года, когда насилие стали осуществлять группы экстремистов во всем мире.

Однако, понимая все это, мы все-таки продолжаем отправляться в долгий поход во имя жизни, свободы и благоденствия, во имя Справедливости.

Справедливость — это право, основой которого является совесть, и, следовательно, оно не представляет никаких полномочий на принуждение другого. Это право, но не право принуждения.

Справедливость, право и свобода — это законность.

Верховенство права — это реальные институты, гарантирующие свободы граждан.

Современную демократическую Россию характеризует состояние освобождения от «смеси чувств гордости и неудачи» и именно это составляет суть мышления российской политической элиты.

Просвещение молодой элиты, которой не безразличны судьбы страны, которая понимает, что высшей общественной ценностью и источником человеческого благосостояния является свобода, только свобода и ничего кроме свободы, — это цель той деятельности, которая сегодня отмечается наградой.

И мне хочется сказать искреннее спасибо основателям Фонда Edita and Iga Mogriš, которые отдали свои средства для того, чтобы в нашем меняющемся и очень часто недружественном мире продолжало жить стремление к Свободе, Справедливости, к пониманию и признанию другого.

Низкий им поклон за акт мужества и бесконечная благодарность.

Коррупция и глобализация*

Здравствуйте, я очень рад вас видеть. Давайте поговорим на очень интересную тему: **коррупция и глобализация**. По отдельности эти два сюжета, коррупция и глобализация, довольно банальны. Но когда они сталкиваются, высекаются такие искры, что что-то начинает гореть. Это как две половинки ядерного вещества в атомной бомбе, два компонента бинарного газа: когда они смешиваются, получается смертоносный продукт. Вот, собственно, это я и хочу вам продемонстрировать.

О чем мы будем говорить? Сначала мы немножко поговорим о том, что такое коррупция в рамках агентской модели. Затем поговорим о коррупции как об индикаторе неэффективности управления и проанализируем это на очень интересном историческом примере. Чтобы не обижать наше время и нашу страну, мы возьмем другую страну и другое время. Затем перейдем к собственно глобализации, но поговорим не о глобализации вообще, а об одном ее аспекте, который имеет отношение к нашему сюжету, а именно о модернизационных процессах как части глобализации. Именно это связывает ее со вторым компонентом нашего бинарного газа, а именно с коррупцией. Мы посмотрим, как происходит рост коррупции в процессе глобализации, а потом перейдем к обсуждению альтернатив, чтобы не просто стенать и рвать на себе волосы, а подумать, что же следует из наших размышлений.

Итак, по порядку.

1. Сначала академическая часть про агентские отношения.

Итак, в агентских отношениях наличествует два персонажа, первый из которых называется **принципал**. Если вас это академическое слово не устраивает, вы можете мыслить его просто как начальника. Принципал — это тот, кто располагает некими ресурсами и целями. Но целей много, ресурсы настолько разнообразны, и сам он, в общем-то, существо довольно ограниченное, как все мы, поэтому он не в состоянии один реализовать все

Георгий Сатаров,
президент Фонда ИНДЕМ

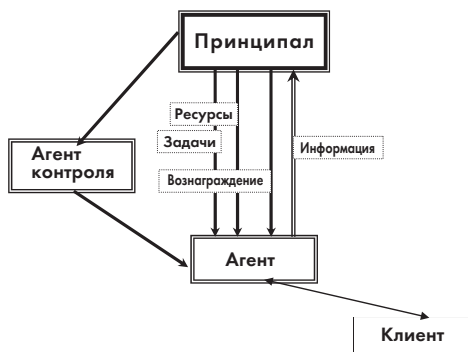
* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в г. Зеленогорске (Ленинградская область) 15 февраля 2006 года.

свои цели и использовать все свои ресурсы. И он нанимает второго персонажа — **агента** и передает ему часть своих ресурсов для достижения некоторых целей, которые он перед этим агентом ставит. Для того чтобы агент «пахал» как следует, принципал назначает ему вознаграждение, тем самым формулируя некий контракт, который может быть написан на бумаге, а может подразумеваться. Это может быть традиция, обычай и т.д. Если агент нарушает этот контракт, то могут следовать какие-то санкции. Ну и, естественно, организуется некий контроль, как бывает в жизни.

Теперь агент. Он обязуется работать в рамках контракта на достижение цели принципала и использовать для этого переданные им ресурсы — это его главная задача. Наконец, агент должен постоянно информировать принципала о том, как идет процесс достижения цели и используются переданные ему ресурсы.

Простейшая бытовая ситуация: вы хозяин квартиры (принципал), у вас течет сливной бачок. У вас нет времени либо умения справиться с этим бачком, и потому вы приглашаете слесаря-сантехника (агента) и на время передаете ему свой ресурс под названием «бачок», чтобы решить задачу — починить его, назначаете ему вознаграждение и так далее. Что может последовать из этого, вы знаете сами.

На рисунке приведена формальная схема того, что я сейчас описал.

А теперь пример более величественный, который следует из третьей статьи Конституции. В соответствии с этой статьей

народ является принципалом, а власть — агентом. Все по определению, точно так же как ваши взаимоотношения со слесарем, который чинит бачок, — разницы с точки зрения модели никакой.

Красивая модель, которая вроде бы должна работать, но в жизни, естественно, все не так идеально, поэтому теория агентских отношений как часть институциональной экономики все описывает и трактует дефекты агентских отношений. Итак, в чем может выражаться неэффективность принципало-агентских отношений, а значит неэффективность управления в целом?

У одного принципала может быть много агентов, как у нас с вами есть агент-президент, есть агенты-депутаты, слесарь-сантехник и так далее. Со всеми ними непросто: мы можем неудачно подобрать агента и он будет попросту неэффективен, что часто бывает; мы можем перед ним плохо поставить задачу. Еще один величественный пример из нашей советской истории: «план по валу». Агенту под названием «экономика» партией и правительством ставится задача — план. Насколько это неэффективно, мы знаем.

Система может усложняться, а стало быть, все проблемы, которые мы перечисляем, могут множиться, потому что вся иерархия растет. Агент может сам набрать себе агентов и стать их принципалом.

Далее. Агент — это не абстрактный элемент в схеме, это человек, у которого всегда есть цели, отличные от целей принципала. Эти цели могут вступать в конфликт с целями принципала, и агент может решить, что его собственные цели важнее, чем цели принципала, и начнет работать на них, используя переданный ему ресурс не для достижения целей принципала, а своих целей.

Например, если какой-то агент во власти, нанятый в качестве принципала, начинает работать не на нас, а на себя — это как раз та самая ситуация. Допустим, мы собираем из налогов бюджет, а он, агент, этот бюджет раскрадывает — вот типичная ситуация.

Наконец, чрезвычайно важный эффект принципало-агентских отношений — **асимметрия информации**.

Для иллюстрации я верну вас к примеру с бачком. Предположим, что вы, как это чаще всего бывает, наняли агента под названием «слесарь», потому что вы плохо разбираетесь в бачках. Как дальше развиваются ваши отношения? Битый час прокопавшись в уборной, слесарь выходит к вам и говорит: «Хозяин, есть проблема — нужна прокладка и, честно говоря, таких прокладок в продаже нет. Но я для себя одну купил и могу пожертвовать, это недорого стоит».

Что произошло в данном случае? Агент воспользовался тем, что он владеет информацией о бачке: как он устроен, как его можно починить, есть ли прокладки, сколько они стоят на рынке и так далее. Он специалист, а вы нет. Это и есть пример асимметрии информации. Чтобы снять проблему асимметрии информации, вы учреждаете, например, контроль над агентом, — конечно, с помощью другого агента.

Итак, теперь мы можем в рамках нашей модели определить коррупционное поведение. Сразу хочу подчеркнуть, что это одно из многих возможных определений, потому что коррупция — сложное явление.

Коррупционным поведением называется разновидность оппортунистического поведения агента, при котором последний использует ресурсы принципала не для достижения его целей, а для достижения своих собственных. (Часто говорят: «Использовать в корыстных целях». Вот это та самая ситуация, переведенная на более или менее научный язык.)

Итак, признаки коррупционного поведения:

1. Агент нарушает контракт.
2. Он предаёт интересы принципала.
3. Он крадёт его ресурсы.

Вы здесь не видите взяточничества, так как это широкое определение коррупции, которое включает взяточничество как частный случай. Просто весьма распространённая ситуация, в том числе и в поручениях принципала агенту, когда за-

Коррупция является сигналом о неэффективности управления и не позволяет выявить суть этой неэффективности

дачи, которые решает агент, связаны с его контактами с какими-то третьими лицами, и ресурсы, которые должен использовать агент, направлены на этих третьих лиц. Например, гаишник на дороге обладает таким ресурсом, как власть. Часть власти, переданная ему его начальником патрульной службы, — возможность останавливать вас и штрафовать — это ресурс. Этот ресурс работает только тогда, когда появляется третий персонаж — **клиент**. И вот здесь появляется возможность сговора между клиентом и агентом, а также та самая разновидность коррупционного поведения, которую мы называем взяточничеством. В случае гаишника на дороге, он предаёт интересы принципала, кстати, наши с вами интересы, и вместо того, чтобы обеспечивать безопасность на дороге, обеспечивает свое благополучие, используя ресурс под названием власть. Это частный случай.

2. Теперь, имея это в виду, перейдем к историческому примеру. Он взят из книжки нашего соотечественника, историка Левинсона, который изучал бюрократию в немецком городке Бамберге. (Эта история относится к XVI–XVII векам, к очаровательному городку в южной Германии, существующему по сию пору.) Так вот, в то время в этом городке принципалом был епископ, и вся история длилась примерно 75 лет, когда епископы сменяли друг друга и все были в общем примерно одинаковы. Они радели за паству, хотели ей лучшего,

одинаково понимали мир, природу явлений и принципы управления. Но дело в том, что в этом городке был рынок, и в какой-то момент епископу сказали, что на рынке начали исчезать продукты, поскольку появились перекупщики, которые раненько утром на подступах к городу перекупают у крестьян продукты, увозят в другие места и продают подороже. Епископ, напоминая, движимый благими намерениями, издает распоряжение, он вводит правила торговли, так называемый мандат. Этим мандатом перекупка запрещалась и вводились штрафы, а определенным чиновникам вменялось в обязанность эти штрафы собирать. А дальше, поскольку продукты не появлялись, штрафы начали увеличиваться: естественно, что еще делать? Сегодня любой наш депутат знает, что если что-то плохо, то надо увеличить штрафы. Точно так же думал и епископ в г. Бамберге.

Но через некоторое время ему докладывают, что штрафы, конечно, увеличили, но продуктов нет, а перекупщики вместе с крестьянами начали давать взятки тем самым чиновникам, которые должны эти самые штрафы собирать. И в результате издается следующий мандат, которым расписываются новые процедуры контроля и вводится материальная заинтересованность. А именно: часть штрафов отдается секретным агентам, которые осуществляют контроль (помните наших агентов контроля?) над другими чиновниками. И, естественно, назначаются чиновники, которые должны эти собранные штрафы распределять.

Как вы думаете, кто начал получать взятки? Во-первых, агенты контроля, а во-вторых, чиновники, которые распределяли собранные штрафы между другими чиновниками. Поэтому следующий мандат издается уже по поводу борьбы со злоупотреблениями при распределении штрафов.

Но продуктов все равно нет, а коррупция растет. Ну не работают административные механизмы! И мудрый (напоминая — обобщенный) епископ разрешает тогда вывозить за пределы города небольшое

количество товара, с уплатой необходимой пошлины, по лицензиям. В результате этого появились чиновники, которые стали выдавать разрешение на вывоз части товара и собирать пошлины. Однако продукты не появились, а взятки стали получать, помимо всех прочих, теперь уже эти чиновники еще и за разрешения. Тогда, движимый благими целями и снова поразмыслив, епископ вводит разрешение на перекупку продовольствия и назначает чиновников, которые должны выдавать такие разрешения перекупщикам (вывоз касался крестьян). То есть совсем уже почти рыночные отношения появились. А взятки теперь стали получать те чиновники, которые выдавали разрешение.

И тут у епископа лопнуло терпение и начались карательные меры. Был у него свой ОМОН под названием «драгуны»: судьям и драгунам новым мандатом предписывается досматривать средства перевозки товаров и преследовать контрабандистов. Однако товары на рынке так и не появились, зато теперь взятки стали брать судьи и драгуны. И тогда произошло следующее: поскольку понятно, что во всем виноват народ, то судьям и драгунам разрешили выйти за пределы рынка и досматривать уже улицы, трактиры, гостиницы, пристани, дома, скотные дворы, телеги и все что угодно.

История эта началась в 1574 году, а описание ее закончилось в 1650-м, в тот момент, когда продукция на рынке так и не появилась, а коррупция выросла фантастически. Вот чем хорош этот пример, который описан по архивным материалам города Бамберга.

Таким образом, перед нами типичный случай разрастания коррупции вследствие неэффективных управленческих решений, когда экономические отношения пытались регулировать административными методами. И то, как была запущена эта машина бюрократического идиотизма, так она и раскручивалась, умножая коррупцию.

Поскольку наша тема более широкая и не касается только коррупции, я не буду даль-

ше приводить примеры. Надеюсь, что, по крайней мере, этого примера достаточно, чтобы мы приняли следующий тезис.

Коррупция — это не проблема, это сигнал о проблемах, о неэффективности управления, о неэффективности социальных отношений и так далее.

И в связи с этим же примером маленькое обобщение, давно сделанное социальными мыслителями, о том, как вообще развивается подобная ситуация. В

ней всегда есть три фазы отмеченного благими намерениями административного воздействия.

Фаза 1. Власти вводят регулирование каких-то социальных отношений. При этом они всегда уверены, что это идет на пользу людям, а их намерения и представления о пользе и методах должны разделяться теми, кого регулируют.

Фаза 2. Вслед за первыми неудачами начинается работа с чиновниками: повышение их дисциплины, профессионализма, чувства долга (как писали в докладных записках ЦК КПСС — преодоление упущений в работе с кадрами).

Фаза 3. Поскольку совершенствование чиновников не прервало полосу провалов, регулирование перебрасывается на неблагоприятное население, начинается его тотальное дисциплинирование, зона регулирования расширяется.

Эта трехчленка абсолютно постоянная, работающая везде и всегда. Бамберг — только один из красивых, хорошо описанных примеров.

3. Теперь пойдем дальше, не забывая о том, что, когда мы говорим о власти, мы всегда верим в ее благие намерения, причем абсолютно искренние. Поэтому перейдем собственно к глобализации и к той части моего доклада, которая называется «**высокий модернизм**». Этот термин введен замечательным современным английским социологом Джеймсом Скоттом.

Говоря о глобализации, я принципиально не буду давать определения. Это процесс

сложный, и любое из частных определений будет напоминать нам притчу со слепцами и сломом. Поэтому я остановлюсь лишь на самом важном ее аспекте: процессе модернизации. Это когда под мудрым руководством, Всемирного банка или еще

Неэффективность агентских отношений порождает неэффективность управления и коррупцию

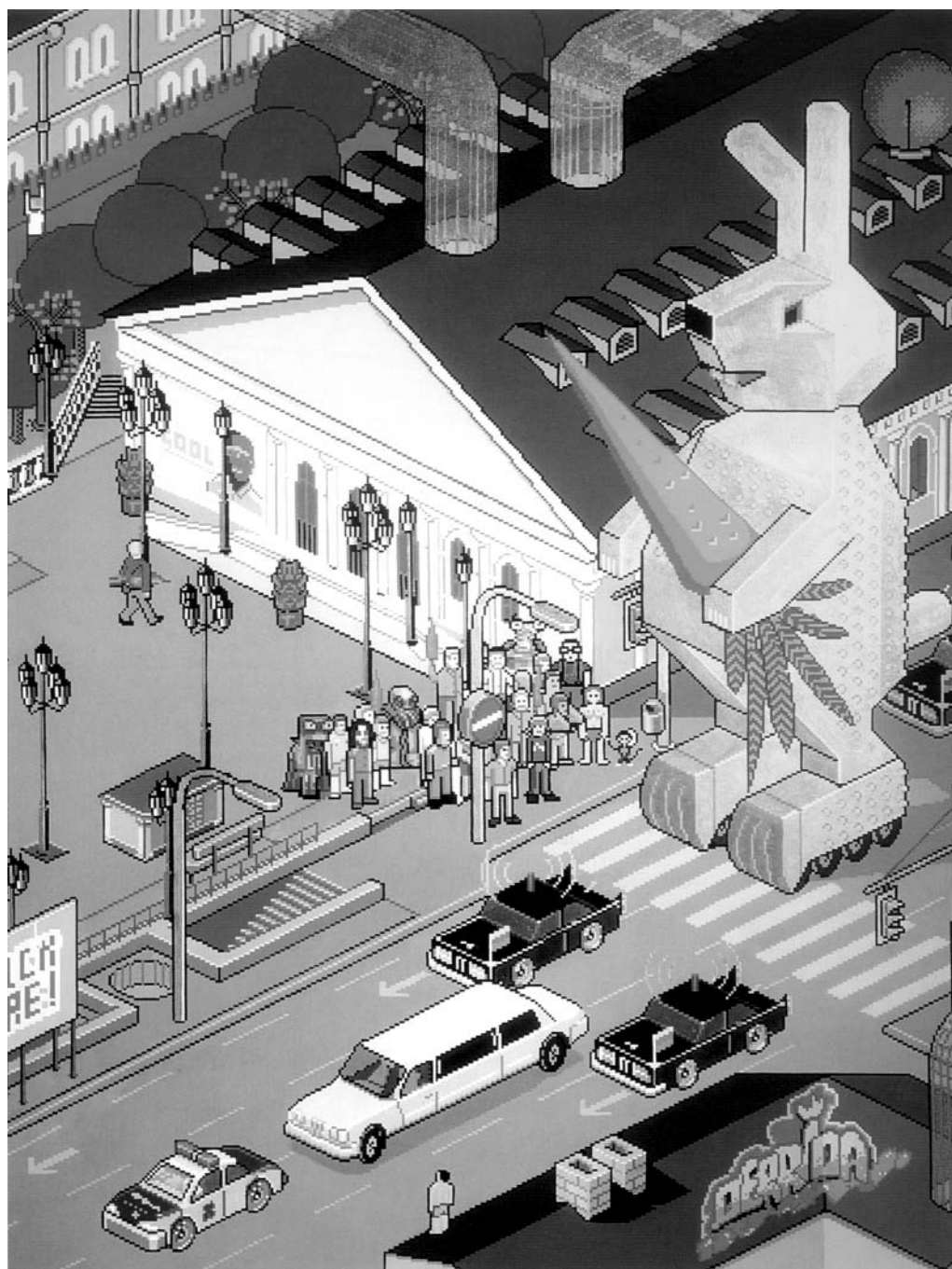
каких-то там организаций, недоразвитые страны обретают как бы цивилизованный вид, цивилизованные институты и приобщаются к западной цивилизации. Я это говорю без иронии, просто называю вещи своими именами, не более того. Модернизация эта насчитывает уже лет пятьдесят. Она сопровождает глобализацию, является ее частью и тем ее аспектом, который можно назвать **уподоблением**, то есть подведением большого числа стран под единый цивилизационный стандарт.

А теперь небольшой экскурс в теорию Джеймса Скотта. В одной из своих книг он описывает всевозможные государственные проекты, которые заканчивались в лучшем случае крахом, а в худшем — трагедиями. Он характеризует эти проектные трагедии тремя ключевыми компонентами.

Первый. Административное рвение, стремящееся навести порядок в природе и обществе. Эта тенденция проявилась еще в конце XVIII века. Сначала наводили порядок в природе, потом поняли, что достигли полного успеха и решили, что точно такими же методами это можно делать и в обществе. И началось...

Второй. Формирование сильных национальных государств, в которых неограниченная власть рассматривалась в качестве инструмента реализации подобных проектов.

Третий. Как правило, трагедии происходили, когда государству не противостояло достаточно сильное гражданское общество.

Наталья Стручкова. Из проекта Futurussia. 2002–2004

Собственно, «высоким модернизмом» или «идеологией высокого модернизма» Скотт называет первую часть этой трехчленки: административное рвение, стремящееся навести порядок в природе и обществе. Еще раз подчеркиваю, оно всегда движимо благими намерениями.

Немного о природе: Джеймс Скотт приводит очень интересный пример. В XIX веке в Германии появилось научное лесоводство. Лес был одним из основных строительных материалов, приносил большие прибыли, и вот тогда была введена идея регулярных посадок какой-либо монокультуры. На огромных площадях квадратно-гнездовым методом сажалась, в частности, альпийская сосна, одни сосны и больше ничего. Предусматривалась ротация с периодом в 80 лет. Первый цикл показал колоссальную эффективность затеи: было очень легко вырубать и вывозить лес. Стандартные деревья, которые примерно одинаково растут и под стандарт продаются. Вводились формулы замера объема древесины по числу деревьев и т.д. Но как только началась вторая ротация, надвинулась катастрофа, так как выяснилось, что рекультивированный лес растет плохо: оказывается, ему нужны другие деревья, то есть соответствующая среда. Выяснилось также, что по просекам гуляет такой ветер, что даже когда нет урагана, деревья легко падают. Не говоря уже о пожарах, которые из-за ветра распространяются здесь гораздо легче, чем в нормальном лесу. И вредителям в таком лесу тоже раздолье. И так далее. Я уже не говорю о том, что в коммерческом плане проект был совершенно бессмысленным, поскольку экстраполировал имевшуюся тогда тенденцию. Никому не приходило в голову, что в конце второго цикла, через 160 лет, спрос на строительный лес может резко упасть.

О масштабе катастрофы говорит такой факт: в немецкий язык вошел новый термин: «смерть леса» (Waldsterben) как метафора для обозначения какой-нибудь катастрофы.

Вот некоторые известные идеологи и практики «высокого модернизма»: философ Анри де Сен-Симон с его утопией — гимном зарождавшемуся «высокому модернизму», Вальтер Ратенау — чрезвычайно интересная личность, автор плановой мобилизационной экономики, которую он вводил в Германии во время Первой мировой войны. Кстати, Вальтер Ратенау в 1922 году подписал мир с Россией, но это другая песня, к «высокому модернизму» не имеющая отношения. Ленин учился на его опыте, восторгался им и подражал ему. Идея Ленина «Государство как фабрика» была навеяна работами Ратенау.

Следующий герой — сам Владимир Ленин. Его «Государство и революция» типичный бред свихнувшегося «высокого модерниста».

Адольф Гитлер с его проектом «Третий рейх» и множеством частных проектов. Ле Карбюзе — чистый идеолог «высокого модернизма» в архитектуре с его городами, похожими на кристаллическую решетку.

Роберт Макнамара — генерал США. Напомню, он был военным министром и свои идеи «высокого модернизма» реализовывал, уже став директором Всемирного банка.

Шах Ирана — Реза Пехлеви.

Последние два примера: две совершенно разные культуры, разные личности, но единая идеология.

Теперь о судьбе проектов этих героев. Вы знаете про жуткую, губительную гиперинфляцию в Германии в 20-х годах. Это было прямым следствием проектов Ратенау. Чем закончился проект Ленина и Гитлера, мы тоже знаем. По Карбюзе уже никто не строит. О макнамаровской модернизации мы будем говорить дальше. Колоссальные социальные проекты модернизации страны шаха Ирана закончились его свержением и установлением в Иране теократии.

Теперь о характере «высокой модернизации».

Первое. Это, безусловно, стремление к благу сообщества людей при полном пре-

небрежении к отдельной личности. Стандартная сцепка: когда хочешь облагодетельствовать человечество, то личность для тебя ничто.

Второе. Идеология порядка и рациональности, победа порядка над случайностью. Безусловно, должно быть научное обоснование, должна быть единственно правильная теория, всепобеждающее учение. Оно может быть глобальным или локальным, относиться только к проекту, но оно всепобеждающее.

Третье. Эти проекты всегда ориентированы в будущее при полном игнорировании прошлого. «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем...» — вот типичный лозунг «высокой модернизации».

Четвертое. Эти проекты пользовались колоссальным успехом у населения по совокупности причин. Во-первых, они были направлены на благо людей. Во-вторых, все эти всепобеждающие учения были просты и понятны, доступны людям и потому находили народную поддержку.

Пятое. Очень важное обстоятельство, которое я уже частично отмечал. Идеология «высокого модернизма» фактически не имеет политической окраски. Это универсальная идеология, касается ли она либерализма, фашизма или коммунизма.

Шестое. Любые всепобеждающие учения безальтернативны; кто сопротивляется, должен быть подчинен или уничтожен. Конечно, в разных проектах «высокого модернизма» эти компоненты присутствовали не в полном наборе, но в своей основе такой комплекс всегда легко узнаваем.

4. Теперь перейдем ближе к теме. Я сказал, что мы будем рассматривать аспект глобализации, связанный с процессами модернизации или транзита, которые идут последние 50 лет. В чем ключевая проблема? В том, что на модернизационных проектах, за редчайшими исключениями, была перенесена идеология «высокой модернизации». При Макнамаре, если мне не изменяет память, была сформулирована концепция, которую позже разные ученые назвали *Вашингтонским*

консенсусом. Его суть заключалась в формулировании единой схемы модернизации. Минимальный набор таков: финансовая стабилизация, масштабная приватизация, либерализация цен и торговли. С конкретным набором задач связан и конкретный набор институтов, обеспечивающих эти задачи.

Сама институциональная поддержка обеспечивалась при этом тем, что наш академик Полтерович, на мой взгляд, очень удачно назвал «трансплантацией институтов». Какова логика? Если ее переводить на вульгарный язык, она выглядит примерно так: почему они, то есть недоразвитые страны, такие неэффективные, коррумпированные, бедные, а мы такие эффективные, честные и богатые? Да потому что у нас, у честных, эффективных, богатых *такие* институты, а у них другие. Поэтому что надо сделать? Надо взять наши институты и перенести их туда. И тогда недоразвитые страны станут эффективными, богатыми и честными, не коррумпированными.

Парадокс, однако, состоит в том, что все 40 лет после сформулированного Вашингтонского консенсуса его методология применяется с фантастически низким КПД. В чем же причины?

Прежде всего в том, что институты, которые пытаются трансплантировать в рамках идеологии «высокой модернизации», не возникали на Западе как проекты. Об этом много писал нобелевский лауреат Фридрих фон Хайек. Но я сошлюсь на другого нобелевского лауреата Дугласа Норта, который сказал: «Мы знаем, как функционируют институты, но мы не знаем, как они возникли». То есть это так же трудно описать, как, скажем, возникновение человека. Человек — результат биологической эволюции. Современные западные институты тоже результат эволюции, но уже институциональной. Особенность же ее состоит в том, что Хайек выразил следующими словами: «... порядок, возникающий независимо от чьего бы то ни было замысла, может намного превосходить сознательно вырабатываемые людьми планы».

И еще один аспект этой проблемы. Один интересный автор, я потом назову его имя, сформулировал его так: «ловушка краткосрочной рациональности». Вспомним проект по научному, рациональному лесоводству. Он действительно был эффективен в краткосрочной перспективе и показал полную неэффективность, даже губительность в долгосрочной перспективе. И ровно то же самое происходило в проектной деятельности в рамках «высокого модернизма», о чем мы поговорим чуть позже.

Итак, рост коррупции в процессе модернизации сопровождается практически любые переходные, нестабильные периоды общественного развития. Традиционное объяснение этого явления опирается обычно на понятие аномии, восходящее к Дюркгейму и Мертону. Оно обозначает промежуток между моментом разрушения одной системы норм и моментом, когда возникает другая система норм. Аномия — это отсутствие норм. Естественно, что это сопровождается кучей негативных социальных эффектов, частным из которых является коррупция. Но такого объяснения недостаточно, поскольку оно не учитывает тот факт, что коррупция является сигналом о неэффективности управления и не позволяет выявить суть этой неэффективности.

Поэтому вернемся к трансплантации институтов и попытаемся понять, как она стимулирует рост коррупции. Но сначала два слова о пересадке органов.

Когда это делалось впервые, я имею в виду прежде всего пересадку сердца, то больные умирали и медики выявили так называемый эффект отторжения — ткань организма не принимала чужое сердце. Умирало сердце — умирал человек. И тогда занялись проблемой компенсации этого отторжения.

Думаю, эта медицинская метафора в данном случае вполне уместна, учитывая, что общество это тоже организм. Есть некая социальная ткань и есть набор новых

формальных норм, не адекватных старой социальной ткани. Возникает эффект отторжения: когда старая социальная ткань начинает искажать трансплантируемый институт, он перестает работать так, как работал у донора. Процесс отторжения и

Мы должны формулировать как цель не проекты, а задачи

искажения института приводит к его неэффективности, что и сопровождается ростом коррупции.

Попытаемся понять, почему это происходит. Суть в том, что институты не существуют сами по себе. В месте своего естественного произрастания они всегда взаимосвязаны с другими институтами. Они связаны с неформальными практиками, с состоянием общественного сознания; они связаны со своей историей и с историей тех институтов, с которыми они связаны. Трансплантация же не учитывает этого обстоятельства, то есть обычно происходит несистемно, без учета этих многочисленных взаимосвязей.

Рассмотрим некоторые примеры. Представим себе классическую ситуацию: страна переходит на рыночные рельсы, строится, к примеру, институт банкротств. Для чего он нужен? Чтобы санировать на рынке неэффективных собственников. Как происходит трансплантация? Сканируются законодательные акты разных стран. Ага, вот в Канаде вроде бы хорошее законодательство! Давайте возьмем его, но немножко упростим: поскольку мы недоразвитые, нам не нужны подробности. И принимается слегка кастрированный и чуть адаптированный закон. И как же у нас используется институт банкротств? Вы знаете: чтобы отбить собственность у эффективных собственников.

Другой пример — суды. Мы предпринимаем серьезные институциональные изменения: независимость, несменяемость и т.п. Проходит некоторое время, и ничего

из этих институциональных изменений не работает, а работают старые практики, работают старые нормы. Было телефонное право — и есть телефонное право. Был обвинительный уклон, таким он и остался. А по коррупции в судах мы превзошли вторую половину XIX века. Снова имеем типичный пример, когда старая социальная ткань взялась за этот несчастный изолированный институт и сожрала его с потрохами.

Вернемся снова к агентским отношениям. Взаимосвязь между институтами имеет к ним непосредственное отношение. Мы с вами можем теперь протянуть цепочку от коррупции к неэффективности управления, а от неэффективности управления к неэффективности агентских отношений. В норме эффективность агентских отношений обеспечивается не только внутренними регламентами организации, в которую включено данное отношение, но и влиянием других институтов и организаций на данную организацию, связанную с некоторым институтом. Если мы не учитываем эти связи, то теряем это влияние. И цепочка начинает работать в обратную сторону: неэффективность агентских отношений порождает неэффективность управления и коррупцию.

Рассмотрим пример агентских отношений между принципалом — политической властью и агентом — бюрократией. Эти отношения сопровождаются асимметрией информации. В норме она уменьшается с помощью формальных и неформальных институтов, внешних по отношению к этой паре, но взаимосвязанных с нею. Это суды, оппозиция, независимые СМИ, общественные организации. Если всего этого нет, то общество как принципал над этой парой сталкивается с фактом сговора между политической властью и бюрократией, которые начинают работать на себя.

Другой пример. Мы говорили, что одной из проблем является эффективность агентов. В норме она поддерживается не только внутренним устройством властных институтов, но и внешними влияни-

ями. Среди них — тот же внешний контроль, институты первичной социализации (школы, вузы), общественное сознание, традиции, неформальные практики. Если всего этого нет, то эффективность агентов начинает проседать.

5. И теперь вопрос: что же делать? У меня нет законченного ответа на этот вопрос. Есть только некоторые соображения, которыми я поделюсь.

Сначала приведу один интересный этнографический пример из статьи Дэвида Старка. Каждый вечер, готовясь к охоте, индейцы племени наскипи проделывали следующий ритуал: брали оленю лопатку и коптили ее над костром. Потом смотрели, куда показывает самый длинный язык копоти, и шаман говорил: «Надо идти в ту сторону». И они шли туда.

Задам вам вопрос, а вы прикиньте варианты ответа. В чем смысл этого ритуала? — Обоснование случайного выбора.

— Конечно! Это датчик случайных направлений. Он обеспечивает оптимальное решение. Кроме того, в теории игр есть такая теорема, что если вы играете с противником, который пользуется случайной стратегией, то ваша оптимальная стратегия всегда должна быть случайна. Не существует ни одной детерминированной стратегии, которая могла бы выиграть у случайной стратегии. Индейцы наскипи не знали, естественно, теории игр. Этот ритуал возник в результате стихийной эволюции культуры охотников.

Дэвид Старк рассуждает так. Что является альтернативой этой стратегии краткосрочной рациональности? В некий момент совершается революция, свергается шаман и новый шаман говорит: «Все это брехня, мы в прошлый раз поймали огромного оленя у нижнего ручья, поэтому впредь будем ходить только туда». И они начинают ходить на охоту только туда и вымирают. Потому что больше они там оленя и даже маленькой курицы никогда не добудут.

Тут, конечно, надо понимать, что любые такие стратегии, как говорят математики, субоптимальны. Мы-то знаем, что та-

кое животноводство. Оно для обеспечения пищей эффективнее, чем стратегия охотников, но для этого надо перепрыгнуть в другую культуру. Это другая ветка человеческой эволюции — это уже животноводы. Я хочу, чтобы мы это запомнили: это оптимально потому, что первобытные охотники не знали животноводства, мы к этому вернемся позже на более величественных примерах.

Итак, перед нами фактически та же ситуация, о которой рассуждал Хайек: для данной культуры это случайная стратегия, возникшая в результате спонтанной эволюции, и она является лучшей по сравнению с любым другим проектом в рамках охотничьей культуры.

Далее мне понадобится определение постмодерна, вернее, не определение, а точка зрения, которая мне более близка. Но сначала о модерне. Это эпоха стремительного овладения физическим миром, начиная с XVIII века и включая большую часть XX. Эта та самая эпоха, которая в результате овладения физическим миром породила в том числе и «высокий модернизм». И этот «высокий модернизм»

был перенесен затем в социальную сферу. Но при этом, как показывает использование «высокого модернизма» да и вообще большинства гиперпроектов, мы фантастически неэффективны в социальной сфере. Если проводить аналогию с овладением миром физическим, то в социальной сфере мы находимся на уровне первобытного человека, который только что открыл огонь и мог столь же успешно поджарить животное, сколь сжечь окружающий лес. Сегодня мы находимся на таком же уровне освоения социального порядка и его понимания, умения управлять им, несмотря на популярность терминов типа «социальная инженерия» или «социальное проектирование». Это все равно, что запуск спутника на орбиту Луны при Аристотеле.

Так вот, когда я говорю о постмодерне, я имею в виду фазу перехода к овладению социальным миром. Точно так же как для XX века главной наукой была физика, я уверен, что для XXI века такой наукой будет социология, но в некоем расширенном толковании по сравнению с нынешним, конечно. Чем больше увеличивает-

ся наша физическая мощь, тем опаснее наша социальная безграмотность.

Что же в таком случае надо изучать применительно к модернизациям? Ведь мы не можем отказаться от социальных изменений. Понятно, что страны должны меняться; как понятно и то, что это не обязательно делать по единому стандарту. Поэтому к чему мы все-таки должны стремиться?

Во-первых, мы по-другому должны понимать и описывать те институты, которые считаем эффективными. Институт нас должен интересовать не как существующий только здесь и сейчас, а как институт с его предысторией, учитывая его взаимосвязи с социальным порядком, другими институтами, неформальными практиками, сознанием и так далее.

Во-вторых, нужно тщательно изучать негативный опыт модернизации. В чем здесь главная мишень? Собственно, все модернизации характеризовались одним — эффектом отторжения новых институтов. Все это не описано, и это нужно начинать описывать, пока еще живы примеры. Мы сами внутри такого примера находимся, ежедневно отторгая прививаемые институты.

В-третьих, мы должны научиться сравнивать социальный порядок общества реципиента с социальным порядком общества-донора. Не обязательно с сегодняшним, но и с тем, что располагается ниже на траектории институционального дрейфа. Это поможет устанавливать более адекватные соответствия между донорами и реципиентами.

В-четвертых, мы должны понять, как устроены механизмы отторжения институтов. И как мы можем их компенсировать? Какие ресурсы для этого есть у нашего социального порядка?

Пока мы не вооружены подобным знанием, нам нужны некоторые принципы и подходы, которые вывели бы нас из ловушки проектов в духе «высокого модернизма». Вот возможный список.

1. Категорический отказ от мегапроектов. Я считаю, что это необходимое условие безопасного будущего.

2. Переход от жесткого проектирования к адапционному, мягкому проектированию, когда цели можно менять по ходу реализации плана. Никакого жесткого проектирования.

3. Использование разнообразия. Мы должны формулировать как цель не проекты, а задачи. И придумывать под них множество равноправных проектов, под разные величественные теории, под разные технологии, которые имеют право конкурировать. Россия — страна, обладающая колоссальным ресурсом под названием «разнообразие», который не используется. Представим себе, что мы хотим внедрять институт банкротства. Давайте сделаем так: возьмем несколько моделей, проведем 6–10 экспериментов на группе субъектов Федерации, сопоставим результаты и представим возможность свободного выбора для остальных.

И последнее. Я сейчас скажу абсолютно бредовую вещь, но все-таки скажу. Мы с вами знаем из биологии такой постулат: «Онтогенез повторяет филогенез». Для тех, кто забыл школьный курс, напоминаю: филогенез — это развитие живого мира в целом, а онтогенез — это развитие одного конкретного живого существа. В яйце либо в животе у матери эмбрион повторяет свойства филогенеза своего вида. Потом идет нетривиальный процесс социализации, но тем не менее человек становится человеком практически из ничего, можно сказать, из любви.

Так вот, всего-то за девять месяцев (плюс период первичной и вторичной социализации) человек становится человеком, ему не нужно тратить на это миллионы лет. Я подхожу к моей бредовой идее, над которой интересно подумать. Сейчас начинает входить в обиход термин «выращивание институтов». Так вот, может быть, оно должно идти по этой же схеме: институциональный онтогенез повторяет институциональный филогенез. Я не знаю, как должен быть устроен такой «инкубатор» по «выращиванию институтов», но почему бы не воспользоваться этим опытом природы?

Дискуссия

Александр Согомонов, академический директор Центра социологического образования, Институт социологии РАН:

— Георгий Александрович, спасибо большое. Это было очень широкое полотно, и мне кажется, что нам часто не хватает широкого взгляда, пускай даже этот взгляд мы можем не всегда разделять и можем по этому поводу спорить. У меня, например, возникла такая мысль, когда вы говорили про оленью лопатку: неизбежность России в том, что ее политика носит случайный характер.

Георгий Сатаров:

— Я ждал этой реплики, был уверен, что она прозвучит. Можно я отвечу в жанре вопроса к аудитории?

Назовите мне, пожалуйста, чрезвычайно важный, многими любимый, многими ненавидимый современный институт западной цивилизации, который является полным аналогом лопатки.

Александр Согомонов:

— Выборы.

Георгий Сатаров:

— Конечно. Демократия в целом. Демократия — это то же самое, что охота по лопатке. Демократия — это случайная игра с будущим. Проблема в чем? В том, что будущее принципиально непредсказуемо. Так устроена наша природа, начиная от элементарных частиц и кончая нами, грешными. И приспособиться к будущему можно, только используя резерв случайности, поскольку будущее — это окружающая нас случайная среда. Эффективность демократии именно в этом. Выборы нужны не для того, чтобы на место плохих политиков приходили хорошие. Еще де Токвиль сказал, что так не получается. Помните его слова: «Выборы не приводят к улучшению породы политиков». Это подтверждается всегда и везде. Выборы нужны только для одного: чтобы в процессе выборов мы могли случайным образом менять направление охоты.

Елена Немировская:

— Древние говорили, что человек рождается дважды. Один раз от мамы с папой, а второй раз благодаря собственному усилию и желанию родиться, то есть в каком-то духовном смысле. Как вести себя людям по отношению к социальной действительности?

Георгий Сатаров:

— Я считаю, что нужно делать именно то, о чем говорил Хайек. Избавляться от самонадеянности, уметь задавать наивные вопросы природе, в том числе и социальной, и не стесняться шокирующих ответов.

Александр Согомонов:

— Это мы поняли. Значит, умные вопросы запрещаются. Только наивные. И ответы должны быть очень короткими и шокирующими. Ну, допустим, один наивный вопрос от дамы из Ульяновска. Марина, пожалуйста.

Марина Беспалова, депутат Ульяновской городской думы:

— Вы пришли к вашей идее давно или же она появилась недавно?

Георгий Сатаров:

— Это про инкубатор, что ли? Недавно, конечно. Это просто результат размышлений над сложной материей и больше ничего.

Владимир Бебех, заведующий кафедрой филологии Ростовского института управления, бизнеса и права, Ставропольский край:

— Огромное спасибо за очень интересный доклад. Георгий Александрович, предположим, что существует некая страна, в которой сейчас развиваются некие мегапроекты. К 2007–2008 году, возможно, появятся еще мегапроекты. Как вы думаете, каковы перспективы развития этой страны?

Георгий Сатаров:

— Я бы не стал жестко проецировать то, что я сегодня рассказывал, на Россию. У меня такое подозрение, что вы ее имели в виду. Если бы у нас были те проблемы, которые я здесь описывал! К сожалению, у нас этих проблем нет. Наши проекты далеко не мега. И те, кто их затевает, не движимы, как епископ бамбергский, благими целями. Пока это еще не наши проблемы, но они могут возникнуть. Например, в 2008 году на выборах неожиданно побеждает сильный кандидат, движимый абсолютно благими намерениями. Вот тут может появиться мегапроект, основанный на каком-то верном учении. Более того, уже по России начали ходить варианты таких верных учений. Не дай бог! Пишут уже, издают в совершенно шикарной форме, анонимно распространяют варианты будущих таких мегапроектов. Вот тогда ваш вопрос будет актуальным.

Елена Касторнова, директор Орловской школы публичной политики:

— Георгий Александрович, вы привели красочные примеры, почему стройная система каких-то мер, направленных на достижение благих целей, бывает чаще всего неэффективна. Вопрос наивный: что же делать с коррупцией? Бороться-то с ней надо, какие-то меры необходимо принимать. Или мы как-то случайно с ней разберемся?

Георгий Сатаров:

— Хороший вопрос. Правда, сначала я подумал, что вы спросите, что же тогда эффективно.

Про коррупцию. Я говорил, что коррупция есть проявление неэффективности, а самих истоков неэффективности есть великое множество. Мы сейчас с вами разобрали только один — это коррупция, которая появляется в результате неэффективной трансплантации институтов. И рецепт такой: нужно действовать по-другому. Но у нашей родной коррупции есть масса других причин. Например, коррупция всегда растет, когда бюрократия неподконтрольна. Неподконтрольная бюрократия всегда работает на

себя — закон природы. У нас последние пять лет резко сокращался контроль над бюрократией и потому росла коррупция. Значит, надо восстанавливать контроль над бюрократией. Что такое контроль над бюрократией? Это политический контроль, общественный контроль, контроль с помощью независимых СМИ. А дальше начинаются некие действительно рецептурные вещи, которые должны завязываться на наше более глубокое понимание того, как мы устроены с социальной точки зрения.

Владислав Южаков, обозреватель газеты «Уездный телеграф», Санкт-Петербург:
— Что, на ваш взгляд, нужно сделать, чтобы трансплантация такого социального института, как гражданское общество, прошла успешно?

Георгий Сатаров:

— Вот как раз хороший наивный вопрос, суперточный, поэтому суперпродуктивный, спасибо вам за него. Дело в том, что гражданское общество не орган типа сердца, руки или мочевого пузыря. Это клетки, из которых могут получаться органы, поэтому тут вообще термин «трансплантация» неприменим. Если пользоваться биологической аналогией, она, конечно, здесь жутко хромает. В принципе гражданское общество, на мой взгляд, это строительный материал. Я бы сказал так: это единственный строительный материал нашего будущего.

Александр Баденко, генеральный директор ЗАО «Лаборатория макроэкономических исследований», Санкт-Петербург:

— Наивный вопрос. Если я хочу, чтобы мой ребенок стал человеком будущего, а будущее за постмодернизмом, а постмодернизм требует отказа от детерминизма, чему я могу научить своего ребенка, если я абсолютно железный детерминист по менталитету?

Георгий Сатаров:

— Я бы начал с азов арифметики и параллельно с азов истории, но не школьной, а хорошей истории, которая позволяет делать некие умозаключения и двигаться двумя параллельными курсами. С одной стороны, арифметика, которая дальше должна развиваться в хорошую математическую культуру, а математическая культура должна быть применена к разным современным конструкциям типа синергетики. Естественно, теория вероятности и математическая статистика. А параллельно добротное изучение истории, которая на самом деле чрезвычайно поучительна и при настоящем изучении, а не школьном, позволяет избавиться от детерминизма. И тогда это все сольется.

Лилия Левкина, Региональные стратегии развития, Программа сотрудничества EU-Россия/Tacis, местный координатор, Нижегородская область:

— Согласна с теорией катастроф, согласна с наукой синергетикой и хочу задать такой вопрос. Мы сейчас говорим о том, что точки бифуркации — это фактически то, благодаря чему возможно дальнейшее развитие общества. Но каким образом это может происходить наиболее эффективно? Ведь этих точек так много, не заиграемся?

Георгий Сатаров:

— Я понял ваш вопрос. И спасибо вам за него, потому что он переключается с незадачным вопросом: а что же на самом деле эффективно? Мы

действительно попадаем систематически в эти точки бифуркации. Что это значит? Это такие точки, в которых какие-то наши телодвижения могут приводить к сильно расходящимся траекториям дальнейшего движения — социального, институционального, исторического и так далее. В этих точках и проявляется нестабильность. Переживая попадание в точки бифуркации, мы ищем в качестве альтернативы гиперпроект, это выступает всегда как средство защиты. Мы всегда ловимся на слова «а жизнь, на самом деле, очень простая штука», и тут же верим человеку, который это произносит и предлагает очень простое объяснение — очень простой мегапроект. В этом опасность. В том, что мы в нашем ощущении дискомфорта от этой нестабильности становимся легкой добычей очередного мегапроекта.

Какова же альтернатива? Как можно выползти с минимальными потерями из этой точки? А именно так — отказ, как я уже сказал, от мегапроектов, это раз.

Вы хотите возразить?..

Лилия Левкина:

— Извините, я не совсем об этом спросила.

Георгий Сатаров:

— Значит, я неточно понял, извините.

Лилия Левкина:

— Это было бы слишком просто. Я имею в виду наложение точек бифуркации одна на другую. Когда это происходит, они могут войти в резонанс и, в конце концов, все может рухнуть. Что вы думаете об этом?

Георгий Сатаров:

— Ничего себе!

Я не случайно, хоть вы и пытались меня сбить, подполз снова к понятию разнообразия. Эффективно используемое разнообразие означает, что мы в этой точке, из которой не знаем верного выхода, действуем так. Единственный способ — это случайный поиск с очень коротким шагом, если говорить математически. Что это значит? Это значит, что нет диктатора, управляющего направлением поиска, что поиск может меняться и нельзя никакому направлению давать слишком длинного шага. Вот, собственно, чисто математический выход из этого положения. Он легко перекладывается на социальную материю.

Александр Согомонов:

— Мне кажется, задавать вопросы сейчас Георгию Александровичу о том, что делать, бессмысленно, потому что на самом деле он пытался показать, что во всех этих вещах чрезвычайную значимость имеет индивидуальная свобода. Каждый из нас имеет право на ошибку, а вот мегапроект исключает это право. Именно это я услышал в его рассуждениях. Мы, делающие историю, имеем право на ошибку. И единичные особи, и все вместе взятые. Но я бы сказал только одну вещь, над которой всем нам важно задуматься. Когда эмбрион повторяет историю животного вида от какого-то зачаточного состояния до зрелости — это одна история. И мы ее можем принять как биологическую, более или менее корректную, метафору. В

случае же наложения этой метафоры на социальную ткань, на развитие институтов наши действия приобретают стихийный характер. Почему? Потому что когда мы хотим на протяжении короткого периода что-то вырастить, что-то создать, в этот момент включается наше сознание, а в природе, если конечно исключить Божественное провидение, оно исключается. Вы можете возразить, Георгий Александрович?

Георгий Сатаров:

— Коротко. На самом деле я вам предложил это не как рецепт, а как метафору. Я ведь не случайно говорил о том, *что* нужно изучать при переносе институтов в новую социальную ткань, чтобы установить соответствие: не двигаться с самого начала, а двигаться только с той точки, где начинается расхождение. Это экономия номер один. Во-вторых, социальная ткань еще более гибка, адаптивна, многовариантна, чем биологическая. Приведу простой пример. Скажем, в некоей стране никогда не было выборов, и мы хотим, чтобы они появились. С точки зрения того, что я говорил, я должен был бы подумать о том, какую стадию развития прошли выборы, допустим, в Англии. И, взяв учебник, вспомнил бы, что они развивались по линии расширения избирательного ценза. Но ведь это отнюдь не означает, когда я говорю о гибкости социальной ткани, что нужно повторять этот тренд. На самом деле может быть заместитель имущественного ценза, например образовательный ценз или еще что-то. Но мы в любом случае обязаны об этом подумать. Что будет, если в стране, где никогда не было выборов, будет введен этот институт в его конечной точке дрейфа, а не в какой-то первоначальной или промежуточной. Вот в чем суть моей мысли.

Ольга Петрова,
выпускница Школы 2005 г.

Заметки с семинара

Очередной, пятый, региональный семинар Московской школы политических исследований, который традиционно проходит в Зеленогорске близ Санкт-Петербурга, стал, по сути, федеральным семинаром — из 170 слушателей больше половины приехали на северо-запад России из других ее регионов и ближнего зарубежья.

С временем и пространством происходят удивительные вещи. Видишь, как события многовековой давности сохраняют актуальность, а в ткань местного самоуправления вплетены нити глобализации... И всех нас — слушателей и экспертов — в лабиринтах темы «Федерализм, региональная политика и местное самоуправление» ведут слова основателя и директора Школы Лены Немировской, сказанные на открытии семинара: «Никто не вправе приватизировать истину... Единственная рамка для нас — эффективная работа демократических институтов. Именно об этом наш семинар. Мы стремимся к диалогу и учимся только одному — культуре общения, благодаря которому возникает взаимопонимание».

Наше интеллектуальное путешествие началось с оптимистических прогнозов, о которых говорил член Совета Федерации от правительства Ленинградской области Сергей Васильев: в ближайшее время мы перейдем очень важный рубеж: производство российского валового продукта достигнет уровня предкризисного периода, идеология кризиса в стране начинает уступать место идеологии развития. У нас есть шанс стать процветающей страной, если появится политическая элита — люди, которые думают о будущем государства больше, чем о собственном благополучии.

Глава представительства Европейской комиссии в Российской Федерации Марк Франко рассказал, как развивается сотрудничество регионов Европейского союза, отметив при этом, что в последнее время темпы экономического роста в странах ЕС замедлились. Эксперт считает, что Евросоюзу необходимо увеличивать инвестиции в «развитие экономики знаний», именно это является сегодня приоритетом национальных правительств государств — членов ЕС. До россиян посол Европейской комиссии в России хотел донести политическое послание: занимаясь развитием регионов, крайне важно сочетать такие факторы успеха, как региональ-

ный уровень постановки задач и федеральный уровень поддержки.

Затем вместе с заместителем генерального директора российского Центра политических технологий Алексеем Макаркиным мы размышляли о глобализации, ее признаках и рисках. Отгородиться от глобализационных процессов невозможно, подчеркнул докладчик: там, где архаичное управление и коррумпированность бюрократии мешают развитию частной инициативы, усложняют условия для инвестиций, в том числе иностранных, складываются драматические ситуации.

«Коррупция и глобализация — эти два сюжета по отдельности банальны», — продолжил разговор президент Фонда ИНДЕМ Георгий Сагаров. И привел участников семинара к выводу, что для успеха государства административному рвению чиновников «навести порядок во всем» может противостоять только сильное гражданское общество. Именно оно, по его словам, «единственный строительный материал нашего будущего». Фактически об этом же говорил на своей сессии и эксперт из Великобритании бизнес-менеджер *ING Wholesale Banking* Али Мирадж. Глобализация, несомненно, увеличивает конкурентоспособность, и те страны, где это осознают, становятся привлекательными для инвестиций, сказал он, а самым большим социальным капиталом являются творческие навыки их граждан.

Все три последующих дня были столь же насыщенными и интересными. Испанские сенаторы Хуан Барранко и Франциско Фуэнтэр Гальярдо рассказали о лучших годах в истории своей страны: никогда благосостояние испанских граждан не поднималось так высоко, как за последние двадцать пять лет. В повествовании дуэта экспертов из Испании я увидела три дороги в одном направлении — к благополучию страны и народа. Это децентрализация власти, согласие в обществе и гражданственность.

Сессия посла Финляндии в России Харри Хелениуса была посвящена сотрудниче-

ству Европы и России, в котором наши северные соседи играют ключевую роль. В 2005 году Финляндия оформила для россиян 267 тысяч шенгенских виз, в том числе многократных. Половина российского экспорта в страны ЕС проходит через Финляндию. Эти перевозки — самый дешевый способ доставки российских товаров на европейские рынки даже с дальневосточных территорий. В особой экономической зоне в Санкт-Петербурге финны собираются создать технопарк новых наукоемких технологий.

Свою сессию заместитель директора Департамента по европейским делам Национальной ассамблеи Франции Мишель Антуан провел на русском языке. Глобализация, говорил он, не может существовать без культурного и политического многообразия. Язык — вектор нашей культуры и так же как другие ценности мы должны его защищать. Политика должна быть реализацией проектов, которые соответствуют нашим ценностям.

В Швеции предметом национального интереса и, соответственно, предвыборных программ все больше становится развитие региональных демократических институтов, которые занимаются планированием и разработкой экономических стратегий, рассказал главный экономист Шведской ассоциации муниципальных учреждений и регионов Класс Олссон.

По-своему об эре политической импровизации, в которую мы живем, говорил директор российских и азиатских программ Института мировой безопасности США Николай Злобин: за последние пятнадцать лет мир стал более сложным, более опасным и непредсказуемым, появилась необходимость в новых международных инициативах, в выработке новых международных правил. России нужно найти ответ: что она может предложить в первую очередь с точки зрения глобальной безопасности.

Третий день семинара начался с основ составления политического послания во время избирательных кампаний. Урок давал Марк МакКиннон, директор

медиапроектов двух президентских кампаний Джорджа Буша. Отвечая на наши вопросы, американский эксперт сказал, что люди, которые занимаются выборами, не думая об этике избирательных кампаний, снижают планку профессии политтехнолога. Мы услышали, что, организуя общественные процессы, среди которых одним из самых важных являются выборы, всегда нужно помнить о нравственных нормах и придерживаться их.

В какой мере российская политическая культура соответствует политической культуре на Западе? — поставил перед нами вопрос руководитель программ по

России и Евразии Королевского института международных отношений Великобритании Бобо Лу. Он считает, что современная российская демократия несет на себе отпечаток более ранних и менее демократических эпох. Вертикальный способ управления признается наиболее эффективным. В стране не создан дух политических дискуссий. Коллективизм по-прежнему превалирует над принципами свободы личности.

Эти критические оценки смягчил на следующей сессии посол Германии в России Вальтер Шмид. Он настаивал, что у Германии и России есть общие ценности, например федерализм. Это не только сис-

тема управления, объединяющая под крышей одного государства различные группы и слои населения, это еще и очень сложная система в историческом и культурном смысле. Задачей федеративного государства является поддержание равновесия между управлением из центра и децентрализацией власти.

Самым жестким, по моим ощущениям, на семинаре было выступление корреспондента *Financial Times* Аркадия Островского о «предательстве российскими журналистами своей профессии». Трудно, но, кажется, невозможно не разделить его мнение, что сначала мы направили энергию свободы слова на сведение счетов с коммунистическим режимом, затем оказались связанными с защитой групповых интересов — очень легко пошли навстречу олигархическим силам. Предательство журналистики началось с написания статей, с радио и телевизионных трансляций на языке стеба, который искажает реальность — дает ощущение свободы слова при отсутствии содержания. Объективная информация ограничивается в большей степени самими журналистами и руководителями СМИ, чем государством.

Четвертый и последний день семинара начался с презентации «Историческое наследие и его роль в современном мире» вице-президента международной Ассоциации собственников исторических имений, графа Дени де Кергорле. (См. его выступление в предыдущем, первом, номере журнала «Общая тетрадь» за этот год.)

Затем директор Центра европейских реформ Чарльз Грант поделился с нами своей мечтой, чтобы все в мире следовало международным правилам и признаки национализма уходили из нашей жизни. Он считает, что Европейский союз очень успешный в историческом плане проект.

Сессия исполнительного директора Нобелевского фонда Михаила Сульмана, эксперта из Швеции, была посвящена проблеме экономического роста. Один из основных его показателей сегодня — уровень и динамика валового нацио-

нального продукта (ВНП) на душу населения. Однако ВНП — ценовой показатель, связанный только с производством товаров и услуг. Он не включает многие факторы, характеризующие развитие страны. Например, со времен Пушкина до наших дней производство валового продукта на душу населения в мире увеличилось в 8 раз. При этом Россия по средней продолжительности жизни — 65,3 года — находится сегодня на 62 месте в мире, а Швеция, для которой характерно самое ровное распределение доходов, занимает первое место, шведы в среднем живут 80,5 лет. Очевидно, что, когда мы говорим о развитии той или иной страны, наряду с ВНП нужно принимать во внимание многие качественные факторы.

В завершающую стадию — разговор о патриотизме и универсальных ценностях — вывел нашу четырехдневную дискуссию советник бывшего канцлера Германии Гельмута Коля, Михаэль Мертес. Патриотизм намного старше, чем современные государства, и его не может приватизировать ни одно правительство, считает он. Дурная экономика и бесцельный героизм не имеют ничего общего с патриотизмом — он не должен нарушать законов логики. Подлинная любовь к родине проявляется не в том, чтобы запрещать критиковать страну и ее законы, а в том, чтобы сделать их лучше. Гражданственность — вот лучшее проявление патриотизма!

«Делай свое дело на своем месте честно, и из твоего усилия вырастет общая страна», — сказал директор издательских программ Московской школы политических исследований Юрий Сенокосов. Мы никак не научимся вместе думать о решении наших общих проблем, думать не только о личном, но и нашем общем благе. Если мы начнем это делать, если это будет не одноразовая акция, если это послужит восстановлению когда-то прерванной культурной традиции, тогда у нас появится надежда стать современными — стать гражданской нацией.

Михаэль Мертес.
Компания
Dimap Consult GmbH

Патриотизм и всеобщие ценности

Позвольте начать это эссе о патриотизме с цитаты из американского автора Джеймса Болдуина: «Я люблю Америку больше любой другой страны на свете, и именно по этой причине я настаиваю на своем праве постоянно подвергать ее критике». Таков вкратце вывод, к которому я намереваюсь подойти в своем анализе: патриотизм и всеобщие ценности не должны противоречить друг другу — в идеале они должны дополнять друг друга.

Может показаться, что последнее утверждение сродни задаче о квадратуре круга. Разве не предполагает концепция патриотизма, что члены определенного сообщества должны стоять друг за друга в большей степени, чем за иностранцев? Разве не происходит патриотизм от весьма ограниченной доктрины племенной солидарности, противостоящей возвышенной идее всечеловеческого сообщества?

Соглашусь, что эти доводы не просто опровергнуть. И тем не менее я считаю, что в силу ряда вполне рациональных обстоятельств патриотическую избирательность можно примирить с космополитичным универсализмом — системой взглядов, которая, с моей точки зрения, выглядит наиболее привлекательной. Испытывая чувство преданности по отношению к некоторым людям (моей семье, друзьям и близким), я при этом не снимаю с себя более широкой ответственности — как человека. И наоборот, гуманизм, не выдержавший испытания на деле, остается пустой формулой. Одна из двух важнейших заповедей в иудео-христианской традиции гласит: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Это вовсе не означает, что люди, находящиеся вне поля нашего зрения, подлежат остракизму. Заповедь говорит лишь о том, что милосердие должно *начинаться* дома. Она не предполагает, что милосердие *заканчивается* дома. Мысль о том, что милосердие *заканчивается* дома, порождена шовинизмом, а не патриотизмом. Патриотизм, если понимать его верно, это реальный гуманизм. Немаловажно и то, что всеобщим ценностям, таким как права человека, нужна институциональная основа. Эта основа обеспечивается национальными государствами, а не (за исключением отдельных случаев) международным сообществом. Гуманистическая идея планетарной республики — это восхитительная утопия. И коль скоро

она утопична, мы вполне оправданно считаем национальные институты самыми эффективными гарантиями прав человека, не пренебрегая, разумеется, международными усилиями по их защите. Здесь мы опять сталкиваемся с кажущимся парадоксом, когда всеобщее (права человека) воспринимается через частное (национальные государства).

Один из способов применить к концепции патриотизма критерий различия между всеобщим и частным — это провести границу между понятиями, которые я определил бы как патриотизм *вовлечения* и патриотизм *исключения*.

Шовинизм основан на исключении, так как для шовиниста между «своими» и «чужими» пролегает пропасть. Патриотизм, как я его понимаю, основан на вовлечении. Хотя он признает различие между «внутренним» и «внешним», он открыт для «внешнего» мира. Более того, он не противоречит чувству преданности, которое каждый из нас может испытывать по отношению к *нескольким* данностям. Личность человека состоит из множества граней. Мы — русские, армяне, грузины, британцы, американцы, французы, австрийцы и так далее, однако каждый из нас сформировался как личность и благодаря иным качествам и привязанностям. Так какие из этих качеств и привязанностей имеют наибольшее значение? На этот вопрос нет простого ответа. Я, к примеру, ощущаю большее родство с иностранцем, который разделяет важнейшие для меня убеждения, чем с немцем, который их отвергает. Многие из знакомых мне христиан сказали бы, что их вера важнее «мирской» верности — они никогда не пойдут против своей веры даже во имя отчизны.

Для меня жизненно важно избежать конфликта между моей общечеловеческой ответственностью и моими конкретными гражданскими обязанностями. Следовательно, я должен распоряжаться своими гражданскими правами таким образом, чтобы моя страна не ввергла меня во внутреннее противоречие между верностью дорогим мне всеобщим ценностям и привязанностью к народу, к которому я принадлежу. Не сегодняшний день не существует системы государственного устройства, при которой мои гражданские права, то есть мое право участвовать в общественных делах, охранялось бы лучше, чем в свободной демократии. Поэтому я убежден, что приверженность демократии и защите верховенства права в моей стране сообразна и с моими общечеловеческими обязательствами, и с моим гражданским долгом.

Я прекрасно сознаю, что существуют различные концепции патриотизма. Добрыми «патриотами» часто именуют себя праворадикальные экстремисты и популисты. Приверженцы умеренных политических взглядов возмущаются им, проводя демаркационную линию между собственно патриотизмом и агрессивным шовинизмом. Давайте не будем спорить о словах.

Группа АЕС. Из серии «Исламский проект». Москва. Кремль. 1996

Давайте назовем патриотизмом *систему взглядов, сочетающих любовь к своей стране с любовью к свободе и иным общечеловеческим ценностям*. Я убежден, что ни один демократ не должен позволить проповедникам ненависти и национального превосходства присвоить патриотические чувства. Более того, каждому демократу следует настаивать на том, что шовинисты не могут быть подлинными патриотами, ибо законное чувство национальной гордости они эксплуатируют в собственных, незаконных, целях.

Любовь к своей стране не означает, что необходимо одобрять все, что делается «во имя родины». Позицию шовиниста можно выразить известной фразой: «Это моя страна — права она или нет». Английский писатель Гилберт Кит Честертон заметил однажды, что это все равно что сказать: «Это моя мать — пьяная она или трезвая». Если вы действительно любите человека, то сделаете все возможное, чтобы отучить его от разрушительной привычки. Патриот должен сказать: «Если моя страна права, поддержим ее; если она ошибается — поставим ее на место».

Помню, как в 1960 году, когда мне было семь лет, я присутствовал при разговоре моих родителей и бабушки о Второй мировой войне. Я забыл подробности этой беседы, но как сейчас помню вздох облегчения, с которым бабушка сказала: «Слава Богу, что мы проиграли войну!». В глазах ребенка поражение в войне вовсе не было самоочевидным благом. Конечно, повзрослев, я понял, насколько права была бабушка. Она была верным патриотом и именно поэтому желала нацистскому режиму разгрома — не вопреки, но благодаря своему патриотизму. Быть патриотом означало для нее принять поражение — если в этом состояло необходимое условие возвращения Германии в сообщество цивилизованных стран.

Патриотизм требует осторожного обращения. Под его знаменем совершались благие дела и страшные злодеяния. Патриотические призывы обращены к глубоко укоренившимся в человеке чувствам самоотождествления. Целые поколения молодых людей выросли на знаменитой строчке из оды Горация: «Сладостно и почетно умереть за отчизну». Сегодня террористы-смертники верят, что «сладостно и почетно умереть мучеником веры».

Мне кажется, что большинство с этим не согласится. Смерть не бывает «сладостной». Я, разумеется, не выступаю против самопожертвования как такового. Мне хочется только сказать, что героизм — не самоцель. То, восхищаемся ли мы актом самопожертвования или нет, зависит от преследуемой цели. Тысячу шестьсот лет назад христианский философ и богослов Блаженный Августин задал вопрос: «Без справедливости что есть царства, если не огромные шайки грабителей?». Соответственно, можно спросить: «Без справедливости что есть героизм, если не нравственная слепота?». К примеру, мы невысоко ставим героизм гангстера, защищающего своего босса от полиции, но восхищаемся людьми, готовыми положить жизнь в борьбе с эпидемией.

Жертвовать жизнью — крайний случай. В риторике политических будней к патриотизму призывают по гораздо более тривиальным, большей частью экономическим, причинам. Типичным примером может служить кампания под лозунгом «Покупай американское!» (немецкое, французское). То есть предполагается, что люди должны пожертвовать небольшой суммой денег, покупая товары отечественного производства, которые стоят дороже зарубежных аналогов.

Возьмем другой пример. Западноевропейские политики часто упрекают предпринимателей в «непатриотичности», потому что те, стремясь сокра-

тить затраты на оплату труда, переносят производство в страны Центральной и Восточной Европы. В этих упреках слышится призыв: «Пожертвуйте прибылью ради благосостояния отечества». Отвечая политикам, предприниматели также призывают на помощь патриотизм: «Нет, это *вы* непатриотичны, так как это *ваши* дурные законы, *вами* воздвигнутые бюрократические преграды вынуждают нас искать новые рынки труда!».

Группа АЕС. Из серии «Исламский проект». Берлин. 1996

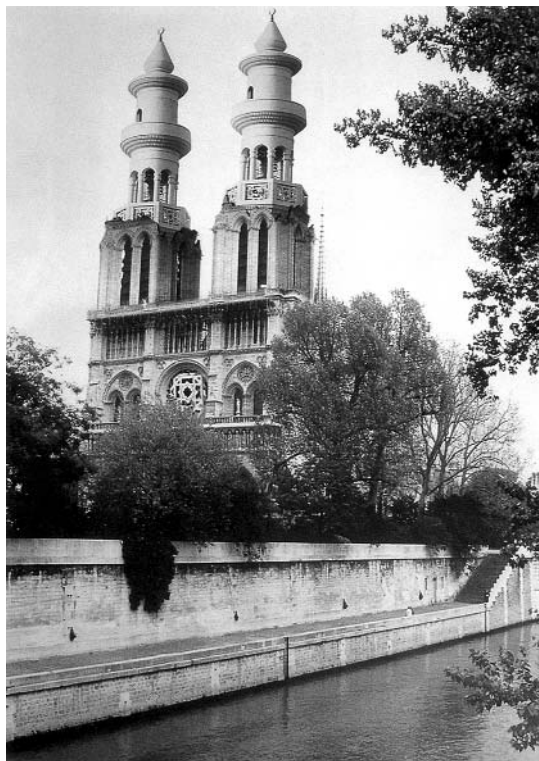
Я хочу сказать, что сам по себе патриотизм не дает нам критерия, согласно которому мы могли бы оценить качество и эффективность политических и экономических решений. Патриотизм не отменяет законов логики. Да, правда, что правительства стремятся приравнять свою политику к патриотизму, а критику своих действий — к непатриотичности. Но это же просто глупо. Дурная экономическая программа никогда не будет тождественна «доброму патриотизму», и ни у одного правительства не может быть монополии на патриотизм. Расхождение во мнениях не следует путать с вероломством. Обвинять политических противников в «отсутствии патриотизма» — признак умственного убожества и нравственной слепоты. В условиях демократического общества не следует ставить под сомнение патриотические мотивы участников политического диалога. Интересно не то, любят ли участники диалога свою страну, а то, полезны ли их предложения.

Летом 2003 года моя компания провела опрос общественного мнения с целью выяснить отношение немецкого общества к ряду ценностей. Среди них были названы:

- основополагающие принципы, такие как свобода и справедливость;
- личные качества, такие как честность и трудолюбие;
- «коммунитарные» понятия, такие как солидарность и патриотизм.

Примечательно, что большинство опрошенных — 73 процента — поставили на первое место честность и только 11 процентов сочли, что первостепенное значение имеет для них патриотизм*. О чем это говорит? Нам известно по результатам других опросов, что большинство немцев отождествляют себя со своей страной. Следовательно, тот факт, что первостепенное значение патриотизму придали только 11 процентов опрошенных, нельзя объяснить тем, что-де подавляющее большинство

* В целом ответы распределились следующим образом: (1) честность — 73 процента; (2) справедливость — 72; (3) свобода — 67; (4) чувство ответственности — 63; (5) чувство долга — 59; (6) благопристойность — 57; (7) трудолюбие — 56; (8) эффективность — 50; (9) солидарность — 48; (10) равенство — 40; (11) конкуренция — 34; (12) самореализация — 28; (13) патриотизм — 11 процентов.

Группа АЕС. Из серии «Исламский проект». Париж. 1996

немцев не любят Германию. Я объясняю это тем, что люди просто не любят громкие лозунги. Они не хотят, чтобы политики произносили высокопарные *речи* о патриотизме, но ожидают от них ответственных *действий* и разумной политики. Кроме того, многие избиратели с подозрением относятся к патриотической риторике, ибо не хотят, чтобы их чувство гордости и самоотождествления эксплуатировалось в угоду государственной власти. Мне кажется, это здоровое отношение к жизни.

Я еще не коснулся собственно предмета патриотизма. Что есть «патрия», с которой он соотносится? Сообщество людей, объединенных общим *происхождением*? Сообщество, объединенное общей *религией*? Часть *земли*? Миф XIX века, согласно которому народы представлялись почти природными образованиями, объединенными по признаку общего происхождения, все еще очень силен. Ошибка, по-видимому, содержится и в самом языке. Мы говорим об «отечестве», «языке матери», о «братстве»

людей, принадлежащих к одной нации, об «отцах-основателях», о «наших сыновьях» и т.д. Латинское слово *patria* — «отчизна» происходит от *pater* — «отец». Истоки народа мысленно переносятся в некое очень отдаленное, однородное прошлое. Однако правда в том, что все известные нам народы произошли в результате прихотливых исторических событий, из случайного взаимодействия идей и интересов, из непредсказуемости страстей и страданий. Как писал в 1945 году Карл Поппер: «Неоднократно говорилось, что раса — это общность людей, объединенных не общим происхождением, но общим заблуждением в отношении своего происхождения. Схожим образом мы можем сказать, что нация... это общность людей, объединенных общим заблуждением в отношении своей истории».

Я верю в очень простое и рациональное определение: наша «родина» — это сообщество *граждан*, к которому мы принадлежим, а не группа людей, характеризующихся согласно этническим, религиозным, культурным или географическим признакам. Патриотизм гораздо старше современного национального государства. Ровесник понятий демократии и республики, патриотизм неразрывно связан с идеей гражданской ответственности. Объект патриотизма — государство, полития, с его конституцией, законами и институтами. Если рассматривать патриотизм в таком ключе, он представляется осознанным этическим выбором, а не спонтанным чувством родства или принадлежности. В 1970-х годах, для того чтобы провести границу между собственно патриотизмом и этническим шовинизмом, немецкий политолог Дольф Штернбергер ввел понятие «конституционного патриотизма». Он не предполагал, хотя его часто упрекали в этом критики, что конституцию

можно или следует любить. Однако *можно желать*, чтобы страна, которую вы любите, обладала хорошей конституцией, хорошими законами и хорошими институтами. Возможно ли более яркое проявление любви к родине, чем защита демократического порядка, отстаивающего достоинство и права человека? Иными словами, «конституционный патриотизм» — это гражданский дух. Из *буржуа*, которому безразлична жизнь своей страны, политики, он делает преданного *гражданина*.

Группа АЕС. Из серии «Исламский проект». Нью-Йорк Сити. 1996

«Конституционный патриотизм» — это патриотизм *вовлечения*, так как он открыт для каждого, кто готов принять на себя гражданские обязательства, вне зависимости от этнической, религиозной, культурной или географической принадлежности. Напротив, этнический патриотизм основан на *исключении*. Он тяготеет к шовинизму, ибо различие между «своими» и «чужими» быстро вырождается в различие между «друзьями» и «врагами» (когда члены моей этнической группы — «друзья», а люди за ее пределами представляются, по крайней мере теоретически, «врагами»).

Понятие конституционального патриотизма можно попытаться объяснить посредством противопоставления *патриотической* и *шовинистической гордости*. Случилось так, что я происхожу из города Бонна, где в 1770 году родился Людвиг ван Бетховен. Это приятное совпадение, но мне сложно понять, почему я должен испытывать гордость в отношении события, на которое не оказал ни малейшего влияния. Пару лет назад у меня случилась беседа с патриотически настроенным молодым венцем, который пытался убедить меня, что Бетховен — австриец, потому что он похоронен в Вене. Что важнее: место, где родился Бетховен, или место, где он нашел вечный покой? Конечно, это нелепый вопрос. Есть ли какой-то смысл в утверждении, что Микеланджело «принадлежит» итальянцам, Пушкин — русским, а Гейне — немцам? Мне кажется, нет: они принадлежат человечеству, а их творения — это вклад в сокровищницу мировой культуры.

Однако как гражданин демократического государства я могу испытывать гордость или стыд за некие общие достижения или неудачи своей страны потому, что способен оказывать известное влияние на общественную жизнь — как член политической партии, как участник политической дискуссии или просто как избиратель. Такая патриотическая гордость не имеет ничего общего с чувством превосходства, скорее это законное чувство удовлетворения, может быть, даже радости от того, что я принадлежу к успешному, благополучному обществу.

Я готов признать, что существует чувство гордости за исторические достижения «моего» народа. Однако эта гордость — не «естественное» чувство, а результат выбора, сознательного или неосознанного. Как замечательно

сказал Гете: «Чтобы обладать наследием отцов, заслужи его заново — и будешь владеть им»*. От наследства можно отказаться, но, принимая его, мы наследуем не только достояние, но и ответственность.

Из сказанного следует, что принадлежность человека к той или иной нации определяется актом свободного выбора. Здесь имеет значение моя воля и воля государства, которое меня принимает. Если бы нации были производным природы, а не культуры, мы не стали бы свидетелями возникновения новых стран и народов, таких как, например, Соединенные Штаты Америки. История полна примеров миграции, смешивания людей и народообразования. Поэтому было бы абсурдно пытаться определить нацию как этнически однородное сообщество или воспринимать этническую однородность как самодовлеющую ценность. Кстати, люди в Российской Федерации, с ее географическим и региональным разнообразием, автохтонными и переселившимися этническими группами, должны понимать это лучше, чем многие другие народы, склонные верить идеологии этнической однородности. Такая идеология не просто ошибочна — она глубоко безнравственна и всегда была источником ужасных страданий.

Все же для того чтобы удержать нацию от распада, вероятно, необходимо некое понятие однородности. Я бы определил его как общее согласие в отношении непреложных правил и принципов цивилизованного сосуществования. Демократия не способна гарантировать сохранность этической основы, на которой она выстроена: выживание этой этической составляющей зависит от стабильности проистекающего из нее общественного договора. Угроза демократии заключается, пожалуй, не в том, что у нее много врагов, а в том, что у нее мало друзей, готовых ее защищать. Везде в мире безразличие — главный союзник политического экстремизма, а подлинный патриотизм — самое действенное лекарство от безразличия.

Когда я говорил о патриотизме на одном из семинаров Московской школы политических исследований в 1994 году, я завершил свое выступление заметками, которые назвал тогда «пятью заповедями просвещенного патриотизма». С тех пор они не попадались мне на глаза, но, недавно перечитав их, я понял, что все еще готов под ними подписаться. Поэтому позволю привести их здесь повторно:

Первая заповедь: Уважай патриотизм других народов в той же мере, в какой желаешь, чтобы они уважали твой.

Вторая заповедь: Будь ответственным гражданином той страны, к которой ты принадлежишь по рождению или по собственному выбору.

Третья заповедь: Уважай твоего ближнего (каковой есть ответственный гражданин твоей страны и твой соотечественник) вне зависимости от его этнической, культурной или религиозной принадлежности.

Четвертая заповедь: Любовь к твоей стране никогда не должна вступать в противоречие с любовью к человечеству. Следовательно, ты будешь всегда противостоять попыткам ввергнуть тебя в состояние противоречия между двумя этими чувствами.

Пятая заповедь: Не сотвори кумира из своей страны, ибо есть всеобщие ценности, которые превыше всех народов, включая твой собственный.

Перевод с английского
Марка Дадяна

* Гете, «Фауст». I. С. 682–683.

Гражданская нация как универсальная ценность

Если следовать современным политическим теориям нации и видеть в гражданской нации социокультурную проекцию гражданского общества, то тогда станет ясно, при каких условиях гражданская нация может сложиться в России.

Эмиль Паин

Юрий Сенокосов,
главный редактор
журнала "Общая тетрадь"

Н и для кого не секрет, что, попадая в исполнительную власть, становясь чиновником, российский человек через некоторое время превращается в неотъемлемую часть этого огромного самовоспроизводящегося механизма и его главным защитником. Что необходимо сделать на уровне общества и государства, чтобы уйти от этого, чтобы властный класс воспринимал себя не как государство в государстве, не как отдельную привилегированную касту, а как наемный менеджмент?

На мой взгляд, чтобы желаемое произошло, надо стремиться к созданию гражданской нации. Почему я делаю акцент именно на этом, а не на понятии гражданского общества? По нескольким причинам.

Во-первых, уже сам по себе разговор на эту тему может стать, на мой взгляд, стимулирующим началом для возрождения общественной морали и, следовательно, освобождения от той абсурдности, что подобно паутине обволакивает сегодня наш быт, судебную систему, экономику, политику.

Во-вторых, поскольку отношение к государству в нашей культуре неоднозначно (ученые, например, полагают, что государство — это прежде всего организация политической власти, а для народа это просто страна), нежелательно, чтобы в этом втором смысле сохранялось негативное противопоставление общества государству.

Напомню, я уже писал в нашем журнале, что еще в начале XX века в России существовало либеральное представление о государстве, сторонники которого (я имею в виду кадетов) утверждали, что государство — это не машина, как считал В.И. Ленин, для подавления одного класса другим, а прежде всего народ, живущий на определенной территории, объединенный той или иной степенью солидарности и обладающий организованной властью. То есть имеющий возможность благодаря де-

мократическим процедурам избирать своих представителей в органы власти и контролировать их. Возродить эту традицию понимания государства именно как **гражданской нации**, разумеется, не просто, но к этому надо стремиться. Ибо только такое его понимание способно изменить наше отношение к прошлому, не порывая связей с традицией.

В-третьих, и, я думаю, это главное, только с появлением гражданской нации преодолеваются границы любой этнической (как и социальной) общности в силу утверждения принципа равенства всех граждан перед законом и раскрытия потенциала **личностного начала** в человеке. Поскольку известно, что именно проявление в культуре личностных начал, являющихся одновременно историческими началами человека как такового, независимо от его этнической принадлежности, способствует формированию лучших качеств национального характера. В противном случае, когда исчезают личностные начала, исчезают и лучшие черты нации.

И наконец, в-четвертых, сказанное выше позволяет, на мой взгляд, лучше понять, каким образом народ на определенном этапе своего развития становится вначале нацией, создавая общественные организации для защиты прав и свобод личности, а затем — гражданской нацией, «забывая» о своем этническом происхождении.

Следовательно, только понимая под государством объединение развитых, проникшихся правовым сознанием личностей, мы сможем стать гражданской нацией. Под давлением общей судьбы и переживания общей истории, я уверен, мы сможем этого добиться, а не оставаться только населением, реагирующим на происходящее.

Теперь о «наемных менеджерах». Ясно, что эффективность современного государства проявляется прежде всего в его конкурентоспособности. То есть в экономической и культурной привлекательности, в степени влияния на мировые события, в установлении глобальных «правил

игры» и т.д. Понимают ли это те, кто оформился в чудовищную по масштабам «привилегированную касту», то есть наши чиновники? Сомневаюсь. Иначе они относились бы по-другому к таким качествам, как долг, как профессионализм и эффективность, ценили бы их. Первый шаг к настоящей демократии — превращение власти в сервис. Поэтому я считаю, что проблема власти как эффективного бизнеса сегодня тоже должна рассматриваться и обсуждаться нами в контексте формирования гражданской нации.

При этом речь не идет, разумеется, о слиянии власти и бизнеса, политики и экономики, что порождает олигархию, коррупцию и прочие вещи. Государственный чиновник действительно мало чем отличается (или должен отличаться) от топ-менеджера успешной компании. Главное, как соизмеряется при этом экономическая свобода с общественным благом как нравственной основой нашего бытия.

Европейские философы, социологи, политологи связывают обычно феномен рождения гражданской нации с появлением слоя буржуа как социального типа со специфическим набором качеств: с целеустремленностью, концентрацией на процедуре, «договорным нормотворчеством», рационалистической и «протестантской» этикой, культом науки, верой в прогресс и т.д.

Теперь в России анонсирован «капитализм». Однако ни одно социологическое исследование у нас пока толком не озабочено качественным анализом свойств, мотиваций, перспектив того самого класса, который является несущей опорой «гражданской нации».

Похоже, что обществу пока комфортно в том состоянии, которое условно можно обозначить как «развитый номенклатурный феодализм». Во всяком случае массовые реакции — те же, «советские»: и запрос на империю, и национальные комплексы, и коррупция, и централизация власти.

Может быть, исторической волей-неволей нас вынесет в «гражданское состоя-

ние»? Но так не бывает; нужен какой-то мощный ментальный разворот, нужна рефлексия...

Думаю, из этого и надо исходить, осмысливая происходящее и помогая сегодняшнему «российскому буржуа» стать гражданином. А значит, и «несущей опорой» гражданской нации. Каким образом? В наших конкретных условиях — не переставая повторять, что нация — это то, что существует только благодаря напряженному

вопросанию о том, кто мы и какие у нас обязанности. Это и есть наше единство перед судьбой. Культура основывается на идее осуществления, то есть придания формы всему — во всех областях жизни, включая политическую. Следовательно, наша задача — помочь обрести обществу гражданскую форму.

Человек «гражданином в душе и в глазах соотечественников» становится только тогда, когда он осознает свои права и готов отстаивать их в публичном пространстве, то есть, иначе говоря, совершает поступок. В наш информационный век из-за множества самых разных и часто взаимоисключающих точек зрения люди утратили доверие к поступку как таковому. Ведь доверять в условиях неопределенности намного труднее, чем не доверять. Поэтому мы не доверяем институтам государственной власти, работающей на себя, а власть не доверяет нам, не доверяем окружающим, не говоря уже о сомнениях, подтачивающих нашу любую возможность как-то повлиять на происходящее. Но значит ли это, что мы действительно ни на что не способны и нам нечего сказать, что у нас нет собственных мыслей, желаний, каких-то предпочтений? Разумеется, они есть. Проблема в отсутствии социально-политического механизма их выражения.

Для формирования в России «гражданской нации» необходимо инициировать в обществе более широкое движение за гражданское образование и просвеще-

ние. Лишь тогда появится гражданская нация, способная противостоять бюрократии. Только наше добровольное согласие подчиниться законам может в конечном итоге вытеснить власть силы и тем

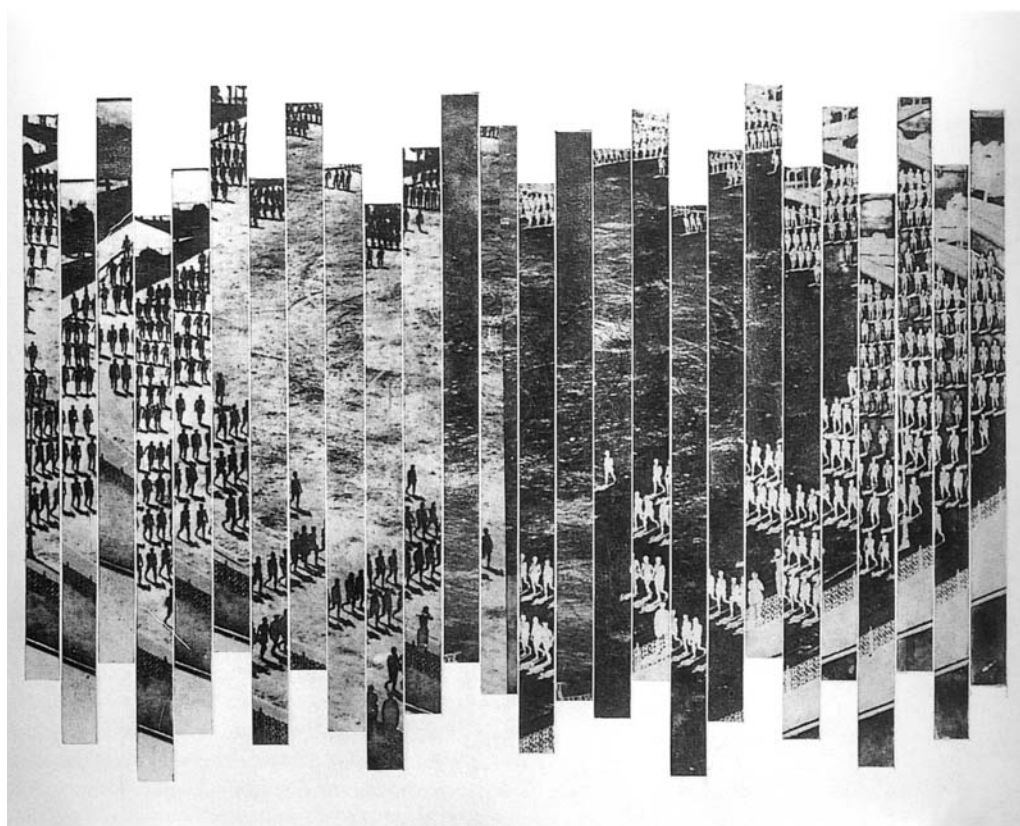
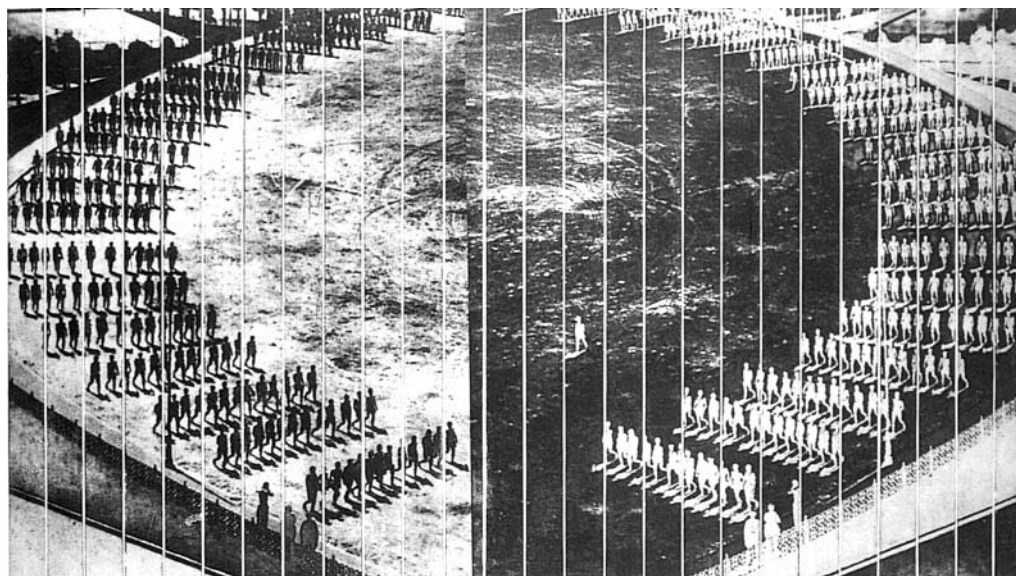
В контексте формирования гражданской нации должна рассматриваться и обсуждаться проблема превращения власти в сервис

самым обеспечить стабильность демократического развития. Но как это сделать в стране, где у стоящих у власти «номенклатурных феодалов» фактически нет обязанностей перед обществом или они их игнорируют.

Обязанность любого гражданина, будь то президент, мэр, олигарх, слесарь, учитель и т.д., соблюдать Конституцию и законы государства. Мне очень хочется верить, что когда-нибудь это случится.

Кроме того, понятие «гражданин» связывается с готовностью бескорыстно служить общественным интересам, с активностью нравственной позиции. Гражданственность предполагает достаточно высокий уровень «самостояния» личности. В этой же связи хочу подчеркнуть следующее: говоря о гражданской нации, я отнюдь не призываю к созданию некой новой общности людей, подобно советскому народу. Я лишь утверждаю, что мы можем стать **гражданами России** независимо от своего этнического происхождения, не отказываясь при этом от защиты в том числе и особенностей культуры и духовного облика малого народа в правовой форме, как это было характерно для стран Западной Европы, проходивших в свое время стадию строительства национального государства.

Что же касается «гражданской мировой империи», то именно в этом направлении движется современный мир, «неслышно вращающийся, — по выражению Ницше, — вокруг людей, создающих но-

Виктор Ремиевский. Манифест. 2003

вые ценности». Понятия национального государства и империи, однажды появившись как культурные феномены, сосуществуют. Идея «мировой империи» реализуется в наши дни через бизнес (без границ, глобально). Это естественный процесс. Проблема: как вписаться в этот глобальный процесс, главными субъектами которого являются «гражданские нации» с их сохраняющимися традициями, то есть с пребыванием людей в разных исторических временах.

Обществу нужна **личность**. При демократии каждый тащит одеяло на себя. Это нормально. Не нормально, когда люди ждут только от государства предоставления услуг вместо того, чтобы, создавая общественные ассоциации, оказывать взаимные услуги. Вовлекать людей именно в эту сферу деятельности, разъяснять ее смысл, я считаю, одна из главных задач современного политика. Не прагматической политики (от гр. *pragma* — дело, действие) не бывает. Как говорит по этому поводу один из моих друзей: если демократы-гуманисты хотят прийти во власть, им надо бороться не против партий, власть представляющих, а стремиться завоевать широкую поддержку народа.

Другими словами, не **против** (власти), а **за** (народ) должны быть направлены их усилия. А философ в этой связи обязан высказывать свою точку зрения. Но не используя уже готовые знания как некие кирпичи, из которых можно сложить что угодно, ибо мышление — механический процесс и оно оказывается плодотворным только тогда, когда человек «**ухватил**» **мысль**, оплодотворяющую смысл мышления. Поэтому философ имеет право заявить, что предлагает обществу не **знание**, а **со-знание**, то есть, иначе говоря, нечто осмысленное и продуманное.

Формирование «гражданской нации» очень серьезный и сложный проект. Практика показывает, что любой проект реализуем, если есть заинтересованные в его продвижении силы, готовые нести затраты финансовые, организаци-

онные и т.д. Кто должен стать движущей силой этого проекта? На мой взгляд, российская буржуазия. Для меня это очевидно.

Гражданское общество должно доказать государственной власти, что **право** и **закон** не одно и то же. Почему? Потому что государству всегда достаточно закона, и даже демократическая, выборная власть, получая от народа право принимать законы, нередко склонна посягать на него, а общество в таком случае должно стремиться к ограничению этого склонного к авторитаризму «законного права». Учитывая, что этика (наши общие ценности) не является производной от государства, а моральная власть, как и права человека, не проистекает лишь из государственных полномочий по изданию законов и претворению их в жизнь. Об этом, собственно, и записано в статье 45 нашей Конституции (глава 2): «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законами». Чтобы стать полноценным гражданином, каждый должен преодолеть живущий в нем страх свободы. Следовательно, хотя право и закон не одно и то же, их необходимо рассматривать в единстве, не противопоставляя друг другу.

Страх свободы — это не миф, а реальность, как и проистекающая отсюда наша очевидная зависимость от «личности лидера». Страх, как сказал бы философ, «перед возможностью собственного небытия». Поэтому человек всегда хочет к чему-то «прислониться»: к государству, какой-либо коллективной общности, лидеру, либо «уходит в себя» в поисках личной или национальной идентичности. В чем на самом деле нет противоречия, если у человека не исчезает чувство свободы и потребность в ней. Ибо только в этом случае, на этом пути, будучи свободным, он обретает себя. Это и есть условие «выхода из порочного круга». А шанс — в понимании собственной свободы.

«Я знаю, что ничего не знаю», — сказал когда-то Сократ своим оппонентам. В

этом сосредоточенном желании (по-скольку здесь важен акцент на слове «не знаю») удержать то, что открывается на границе незнания, и заключена драма человеческой свободы. И разыгрывается она, в зависимости от наших способностей и усилий, прежде всего к творческому, созидательному существованию, когда все зависит от личного мужества и опирается на единственную достоверность — на внутренний голос человека, забывающего о внешнем руководстве.

В последние годы многие российские политологи, философы говорят о том, что вместо того, чтобы «искать свое», мы пытаемся копировать западные институты гражданского общества и механизмы их работы. В чем-то это действительно так: «копирование» имеет место. Но даже если мы что-то копируем и получается плохо, это не значит, что плохие оригиналы и копировать нехорошо. Скорее мы не уделяем этому процессу должного внимания, копируем механически.

Ведь, в самом деле, на каких основаниях, а точнее, каким образом возникали западные институты, в том числе и гражданского общества? На основе анализа того, как вообще возможно человеческое познание. Поясню это на примере.

Возьмем такой институт, как парламент. Да, он существует на Западе, но благодаря чему? Благодаря тому, что можно назвать результатом **философского** анализа предпосылок самого познания, которое было направлено не столько на **конкретно** существующее, сколько на существующее в **мысли**, когда познание конкретно существующего возможно априори, до опыта. Так как философский анализ направлен не на то, что выходит за **пределы всякого человеческого опыта**, — в таком случае речь шла бы о некоей непознаваемой сущности, — а на то, что хотя и предшествует опыту, но имеет целью сделать возможным само наше опытное познание. При всей кажущейся сложности этого рассуждения речь в данном случае идет о простой вещи — о переводе понятий **метафизики** на язык

эмпирического, опытного или научного знания.

В Европе была проделана в свое время серьезная интеллектуальная работа, и ее результаты стали достоянием человеческой цивилизации, открыв тем самым возможность становления профессионального парламента. И то же самое относится к любому другому общественному институту. Все рождается из конкретных потребностей, но чтобы они были реализованы, необходима культура грамотной мысли. Только тогда мы сможем рассчитывать на адекватное понимание со стороны Запада работы наших якобы копируемых или заимствованных институтов. Следовательно, нам надо учиться пониманию сути вещей и не обижаться на критику.

По мнению многих моих коллег, которое я склонен разделять, наша демократическая элита совершила одну принципиальную ошибку. Строительство гражданского общества, гражданской нации подразумевает создание множества центров власти: профессиональных, общественных, идеологических и т.д. То есть бизнес формирует свои центры власти, интеллектуалы — свои и т.д., чтобы их совокупность уравновешивала государственную власть. Наша же элита вместо создания таких центров главной своей целью поставила борьбу за государственную власть и вполне закономерно потерпела поражение, главная причина которого связана с отсутствием политического образования и культуры, то есть в конечном итоге с весьма примитивным пониманием того, что такое общество вообще и гражданское в частности.

Мы боремся за создание демократического общества. Но существует мнение о том, что Россия обречена на авторитарную модель развития. В обоснование этого приводится логическая схема: Россия — огромная страна с очень протяженными границами, сложным климатом, многомиллионным населением и богатыми ресурсами. Следовательно, на нее всегда кто-нибудь да хочет покусь-

ся. Чтобы противостоять агрессору, нужна сильная власть. К тому же населяет страну много этносов, в ней разные конфессии, поэтому объединить всех, не допустить междоусобных и религиозных разногласий может только жесткая власть. Тогда возникает вопрос: действительно ли нашей стране не уйти от авторитаризма? Характерно, что в американских учебниках о США говорится то же самое, но с противоположным выводом, что эта страна обречена на демократию, потому что ее населяют миллионы, национальностей не счесть, очень сложные климатические условия, масса конфессий, она очень большая, поэтому управлять из столицы окраинами невозможно. Одним словом, демократия неизбежна. На американском опыте можно убедиться, что построение демократического государства реально. Можно ли в таком случае говорить о заложенной в умы российских людей установке на жесткую власть?

При рождении в каждом из нас ничего **не заложено**, кроме «инстинкта выживания», сформировавшего в ходе нашей истории и в результате многовекового существования крепостного права устойчивый миф о жизнеспособности в России только авторитарной власти. Преодолеть же мифологию можно только с помощью гражданского образования и просвещения. И об этом надо говорить и в этом убеждать наших сограждан — о необходимости уже в начальных классах школы учить детей гражданской культуре, заниматься просвещением, чтобы стать нормальными людьми, что, конечно, предполагает в том числе и наличие продуманной политики, связанной с пониманием того, какой мы хотим видеть свою страну. И в культурном смысле, и в социальном, и в гражданском.

Демократия — весьма хрупкая вещь. Это не нечто вещественное — не технические и материальные достижения людей, а то,

что держится постоянным усилием и волей человека, его ответственностью. Именно в этом трудность просвещения, поскольку в тот момент, когда человек пытается понять, что такое просвещение,

Строительство гражданской нации подразумевает создание множества центров власти: профессиональных, общественных, идеологических и т.д.

он еще не знает, что в результате может стать абсолютно другим. У него могут появиться другие цели, другое представление о жизни, накладывающее бремя индивидуальной, личной ответственности, которую невозможно переложить на другого, а тем более купить. Хотя можно, конечно, от нее и откупиться, что, как известно, и происходит в нашей жизни.

Шанс стать просвещенным гражданином всегда есть у каждого человека, но как убедить в этом этого каждого, а тем более все население? У нашей страны есть сегодня шанс на построение гражданской нации: наличие в казне денег, принятие Государственной думой национальных программ, воля президента и, судя по всему, пробуждающееся гражданское сознание. Все это действительно надежные составляющие «уникальной для России ситуации». Но как всем этим разумно распорядиться? Как вернуть доверие населения к коррумпированным чиновникам, качественно реформировать систему школьного и высшего образования, повысить общую культуру тех, кто обязан разъяснять государственную политику и культуру бизнеса? Все эти и другие вопросы наверняка задают многие думающие люди. Так что остается рассчитывать на то, что, раз мы их задаем, ситуация все же не безнадежна. Когда общество **уже** что-то знает, а тем более понимает, то есть наша гражданская жизнь становится осмысленной, оно не вправе отказываться от исторического шанса на выбор пути.

Александр Согомонов,
академический директор
Центра социологического
образования Института
социологии РАН

Средний класс на Западе и в России

Насколько развит у нас средний класс? Можно ли его статистически посчитать? Являет ли он собой основу основ нашего общества? Есть ли у него устойчивые качественные характеристики? Можно ли по отношению к нему применять глаголы, подобные «построить» или «создать»? Такие вопросы задают не только в современной России, на них пытались ответить на протяжении, по крайней мере, последних ста лет буквально в каждой стране, где разрыв с традиционностью и архаизмом происходил решительно и необратимо. Но всегда ли и везде ли средний класс представляет собой одно и то же социальное явление? Не претендуя на развернутый ответ на этот вопрос, рассмотрим его хотя бы в первом приближении.

«Средний класс» относится к тому редкому типу условных понятий, которые используются часто и, как правило, без строгого смыслового наполнения. Однако если смысл понятия оказывается достаточно условным, то в интеллектуальных кругах, безусловно, должна существовать негласная договоренность о его общем применении.

Пикантность ситуации с понятием «средний класс», на мой взгляд, заключается в том, что в нем *непроясненным* как раз остается его *условный* смысл.

При этом характерно, что, имея самое широкое хождение в литературе и повседневной жизни, это словосочетание не приходит в противоречие с непроясненностью его значения: и публичная политика, и социальная наука, и публицистика, и журналистика словно заинтересованы в сохранении максимальной *туманности* значения этого понятия. Не всегда, правда, очевидны мотивы этой заинтересованности.

Впрочем, говоря «средний класс», мы все же улавливаем нечто существенное для интерпретации современного общества и социальной идентичности отдельных групп населения. Сравнивая разные общества, мы часто судим об их зрелости именно с позиций степени развития в них среднего (средних) класса (-ов).

Более того, складывается впечатление, что «средний класс» в нашем сознании оформился в виде клубка смыслов. С одной стороны, это научная категория, характеризующая «базовый» социальный класс любого общества

современного типа. С другой — инструмент социального познания (описания и интерпретации) модернизационной «троицы»: индивид — стратификация — культура.

В среднем классе в этом смысле сходятся *и идеологическая преднамеренность* (так бы нам хотелось) *и идеографическая реальность* (так оно, по сути, исторически сложилось) любого современного общества.

Иными словами, его можно рассматривать и как социальный факт, и как социальный миф, и как терминологическую условность, и как плод социологического воображения, и как строгий термин, и как познавательную метафору*. В результате экономисты, социологи, политологи и журналисты, рассуждая, как им представляется, об одних и тех же вещах, по сути толкуют об очень различных аспектах «среднего класса» в России**. При этом все они в равной мере претендуют на аутентичность исследования российского среднего класса и, как кажется порой, с равной степенью познавательного *фиаско*.

В результате по мере того как практически любое частное обращение в специальной литературе к теме среднего класса неизбежно страдает концептуальной ограниченностью, публицистика, напротив, играет с этим понятием как с высоковалентной метафорой, годной для решения самых различных журналистских задач.

Время показало, что понятие «средний класс» — *удобный и эвристичный символ* стабилизирующей общественной «середины» любого современного общества, в известном смысле выступающее его же *метафорой*. И не беда, что чаще всего эта середина не имеет четко прочерченных внешних границ и социально и культурно неоднородна. Для самоидентификации людей магия среднего класса оказывается настолько притягательной, что использование этого понятия как угодно и когда угодно не противоречит здравому смыслу, особенно в стране, где поколениями люди хотели быть с большинством, жить, чувствовать и поступать «как все»***. Но очевидно, что «средний класс» — это совершенно иной феномен, в сравнении с состоянием, в котором страстно желают себя ощущать наши соотечественники, приученные ничем не выделяться и ориентироваться во всем на подобных себе.

Полноценной и теоретически корректной дискуссии о среднем классе в современной литературе по-прежнему не намечается. Одна часть исследователей без труда обнаруживает в сегодняшних российских условиях отчетливо сформировавшийся, пусть даже и сильно потрепанный, но все же возродившийся после дефолта 1998 года средний класс (спор идет лишь о нюансах степени его зрелости и социальных масштабах). Часть аналитиков *post factum* приписывают качества среднего класса некоторым социальным сло-

* *О множественности интерпретаций и характерном различении субъективного и объективного «среднего класса» в сегодняшней России см. прежде всего: Заславская Т.И., Громова Р.Г. К вопросу о «среднем классе» российского общества. // Мир России. — М., 1998. № 4; Левада Ю.А. «Средний человек»: фикция или реальность? // Левада Ю.А. От мнений к пониманию. — М.: Московская школа политических исследований, 2000. — С. 288–304.*

** *Самый большой набор толкований обнаруживается в режиме дискуссий и круглых столов о среднем классе. См., например: Горшков М.К., Тихонова Н.Е., Чепуренко А.Ю. (ред.) Средний класс в современном российском обществе. М.: РНИСиИП/РОССПЭН, 1999.*

*** *Ю.А. Левада удачно именуется это явление «притяжением середины», трактуя тот факт, что около двух третей населения России «привычно, упорно, настойчиво относят себя к некоей середине». (Левада Ю.А. От мнения к пониманию. — С. 301.)*

ям общества «реального социализма», утверждая тем самым универсальную природу среднего класса, не зависящего напрямую от политического режима и типа культуры. Наконец, есть немало скептически настроенных ученых, не считающих возможным именовать российское общество «современным» (в сравнении с западным) и на этом основании напрочь отказывающих ему в ретроспективе и перспективе среднего класса.

Трудно принять сторону какой-то одной части этого академического диспута хотя бы потому, что во всех такого рода историко-социологических рассуждениях о природе российского среднего класса каждый раз речь идет о принципиально несхожих явлениях (пусть даже и приписанных к «средним», в социологическом смысле, социальным слоям общества).

В советские времена *квазисредним* «классом» можно было считать средний уровень партийной, административной и хозяйственной номенклатуры, как и высший слой идеологически «преданной» творческой интеллигенции. Принцип *абсолютной политической лояльности* предопределял тогда «срединность» их социального статуса. Все же остальные черты социального положения (доход, престиж, в меньшей степени образовательный ценз) были в полном смысле второстепенными по отношению к демонстрационному разыгрыванию преданности и служения Власти. Эти качества «срединности» были социально (и даже физически) отчуждаемыми, что неоднократно демонстрировало советское государство, проводя всевозможные социальные «чистки».

«Простой советский человек», безусловно, *никогда* не был наделен ни символами, ни чертами социальной «срединности» (да, пожалуй, и не стремился к этому), но в своей воображаемой тотальности он и *был обществом*.

Те же слои советского общества, которые по своему статусу, доходам и престижу как-то выбивались из общего ряда «простых» людей (разрыв подчас достигал удивительных масштабов), чаще всего пытались по мере возможности скрыть свое истинное положение, симулируя свою статусную тождественность массам. Реальный социализм, как известно, культивировал принципиальный отказ от социальных крайностей. Поэтому общество реального социализма было скорее обществом с *нарочитой асимметрией* статусов, в котором даже несмотря на публичную риторику «равенства» едва ли было место для неких легитимных социальных или даже символических «срединностей».

В сегодняшней России, когда социальная поляризация обрела зримые черты, рассуждения о среднем классе становятся и более легитимными, и более обстоятельными. Социальные крайности ощущаются нашим современником куда конкретнее, и поэтому гораздо последовательнее выглядит его стремление к самопознанию через символы социальной и культурной *середины*, отождествляемой с *нормальностью*. Сегодняшний дискурс середины, возможно, как раз и отражает массовый страх людей не выпасть из воображаемой нормальности.

Любопытно, что и в западной цивилизации исторический возраст этого познавательного стремления крайне невелик. Понятию *middle class*, как принято считать, *немногом более ста лет*. В конце XIX столетия в Америке социально-сословная структура индустриального общества достигла такого состояния, когда социокультурная близость некоторых срединных сословий стала настолько очевидной, что и родовое понятие, объединяющее их, возникло вполне естественно и логично. Понятие *middle class* тогда описывало количе-

ственно немногочисленную группу высококвалифицированных профессионалов, занятых доходной, престижной и, главное, перспективной с точки зрения развития тогдашнего буржуазного общества деятельностью.

Принадлежность к *middle class* необязательно требовала наличия значительной частной собственности, но непременно предполагала относительно высокий образовательный ценз и ощутимо высокий на общем фоне трудящихся масс уровень индивидуальных доходов*. *Образование и доход* (и культ профессионализма!), пожалуй, вплоть до нашего времени так и остались главными характеристиками американского среднего класса.

В начале прошлого столетия понятие *middle class* было трансплантировано на европейский континент и с тех пор в европейских языках, как правило, используется в его оригинальной американизированной версии. Европейский *middle class* от американского ничем в то время принципиально не отличался, за исключением, пожалуй, одного: в основе кристаллизации среднего класса в Старом Свете лежал процесс социального и культурного *сближения* различных сословно-профессиональных групп, каждая из которых имела гораздо более длительную, чем в Америке, предысторию.

Новейшая история среднего класса на Западе демонстрирует одну очень важную закономерность социологического свойства. В наши дни происходит сближение разных групп населения на основании их профессиональной принадлежности и имущественного критерия, однако для социальной консолидации (точнее, «классовой» солидарности) образуемого сообщества, безусловно, необходимы внутренние, и прежде всего культурные, «скрепы».

Эти искомые «скрепы» нащупывались методом проб и ошибок. Как порождение рациональной цивилизации средний класс видел себя в зеркале прагматических ценностей и материалистических критериев самооценки. И даже если ощущение «я – средний класс» индивидуально могло переживаться и артикулироваться в достаточно широкой палитре смыслов, социальный конструкт «мы – средний класс» чаще отражал совокупность нескольких базовых ценностей конкретного исторического момента.

Стабильного и константного набора этих ценностей в истории западного среднего класса обнаружить нам вряд ли удастся. Даже такой показатель, как частная собственность (как, впрочем, и доход), здесь не только никогда не был главным и структурообразующим, но и, более того, по мере исторической эволюции среднего класса он все больше маргинализировался. Схожая участь постигла и другой критерий «среднего класса» – профессионализм. И если уже в исходный период его формирования мы не обнаруживаем *строгую кадастра* профессий, отвечающих критериям «среднеклассовости», то чем ближе мы подходим к нашему времени, тем более аморфной и всеобъемлющей становится профессиональная составляющая доктрины среднего класса (с середины прошлого века в него включаются уже не только интеллектуальные, сервисные, но и чисто рабочие занятия).

Одна часть социальных ученых и поныне предпочитает толковать феномен среднего класса исключительно в категориях удобной и привлекательной для миллионов людей идентификационной модели, где принадлежность к нему определяется исключительно волеизъявлением социального актора. Неслучайно многие социологические опросы показывают,

* Об этом подробнее см.: Bellah R.N., Madsen R., Sullivan W.M., Swidler A., Tipton S.M. *Habits of the Heart. Individualism and Commitment in American Life.* – Berkeley: University of California Press, 1996.

Константин Симун. Люди города (Чернобыль). Начало 1990-х

что подавляющее большинство людей склонны сегодня интерпретировать себя как «занимающих среднее положение» буквально во всем — в уровне жизни, в уровне притязаний, в профессионально-образовательном статусе, в уровне доходов и т.п., что вообще дает нам основание говорить о *субъективном* среднем классе. Возможно, именно *мироощущение и умонастроение* среднего класса выступают его главными составляющими, а уже после идет то, чего он реально добился в этой жизни.

Так называемые социальные реалисты все же попытаются навязать среднему классу обязательные «среднестатистические» черты, подобные имущественному цензу и/или наличию частной собственности. «Дом-машина-дача» — одна из возможных формул отечественного среднего класса (по крайней мере, в определенный исторический период его эволюции — на заре российских реформ в 90-е годы). Таким образом, «среднеклассовость» для социального реалиста есть прежде всего *материально измеряемое качество*, а уже после — состояние ума.

Таким образом, конфликт двух подходов к понятию — налицо. Рассуждая о среднем классе, мы невольно выбираем между этими двумя принципиально несхожими методологическими подходами и каждый раз оказываемся заложниками односторонности своего анализа. А между тем общества *переходного типа* именно в 90-е годы как никогда ранее актуализировали проблему корректного понимания социальной природы среднего класса. Между этими двумя методологиями трудно выбирать, в том числе и потому, что само общество впервые в истории человечества осознанно совершает выбор цивилизационного пути развития. И что здесь важнее — состояние ума или результативность человеческих биографий «по факту» — трудно сказать однозначно.

Для классического индустриального общества средний класс представлял собой чистое выражение нормальности (в социальном и культурном смыслах — этос *срединности*). Следование типичным биографическим образцам в сочетании с почтительным отношением (вплоть до подчеркнутого пиетета) к разделяемым в обществе ценностям жизненного и делового успеха (положение — деньги — молва и т.п.).

Чем богаче и в социальном смысле более зрелым становилось индустриальное общество, тем большее число людей заполняло ряды воображаемого среднего класса. В итоге этос среднего класса заменил собой былое свойство раннебуржуазной *добропорядочности*. Так, пожалуй, нормы и ценности среднего класса стали наиболее полным и последовательным выражением всей культуры индустриальных обществ. Социальные группы, не следовавшие нормам и ценностям среднего класса в этих обществах, чаще всего воспринимались (и воспринимаются) как асоциальные и контркультурные.

В условиях постиндустриального общества кардинальным образом видоизменяются модели жизненного пути, а посему и революционно трансформируется само понятие «средний класс». Поскольку жизненные достижения человека становятся значимыми не столько и не только по своим результатам, а по тому, насколько самореализовалась личность, постольку и границы среднего класса определяются сегодня скорее степенью *свободы жизненного выбора* человека — в трудовой деятельности, в идентификационном поиске, в досуге... *Чистой срединности* в сегодняшнем обществе становится все меньше, причем повсюду — и на Западе, и в странах бывшего третьего мира, и у нас.

Для многих наших современников важны не столько строго замеряемые результаты (в частности, материалистические), сколько реализация принципа нестандартности жизненного пути. *Установка на непохожесть* в известном смысле стала отражать этос «нового среднего класса», что, вполне естественно, приводит к *размыванию исконной идеи* среднего класса как социальной группы. Образцом же для представителя «нового среднего класса»* выступает вечно ищущий доктор Фауст, но первый отличается от своего литературного прототипа тем, что он, безусловно, *удовлетворен* своим биографическим поиском и превращает идею собственной жизни в произведение искусства. *Эстетика жизни* «нового среднего класса» становится фундаментом солидарности свободных и ответственных профессионалов XXI века.

Россия, как и другие развитые страны западного мира, переживает переход к глобальному обществу, хотя в ней этот процесс сопровождается еще и сломом старой тоталитарной политической системы, планово-бюрократического способа организации хозяйства. А посему установка на нестандартность жизненного пути человека приходит в ней в противоречие с практической сложностью реализации принципа свободы жизненного выбора человека. Бедность социальных условий порождает и *бедность социального выбора*.

«Средний» постсоветский человек поступает нестандартно скорее по воле обстоятельств. Поставленный в условия крайне узких возможностей жизненного выбора — в трудовой деятельности, в досуге и т.д., он по-прежнему оценивает свои жизненные достижения в старой шкале, то есть преимущественно по результатам своей активности. И к этим по старинке «простым» ожиданиям людей подстраиваются отечественные политики, оттягивая момент перехода страны к статусу общества с широким социальным и культурным выбором.

Уже этого культурного конфликта возможностей и притязаний достаточно, чтобы понять, что сегодняшнее российское общество по ряду обозначенных выше причин скорее является обществом *симуляционной срединности*. В нем средний класс еще не может жить и чувствовать себя по-новому (нестандартно), но и в то же время не способен реализовать себя чисто материалистически, то есть осознать себя как класс через результаты своих жизненных достижений (положение — деньги — успех — слава и т.п.).

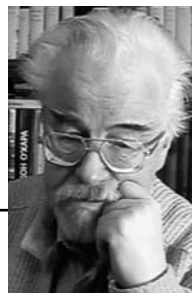
Отсюда понятно, что средний класс в масштабах всей России (а не только в пределах крупных мегаполисов) остается пока привлекательной утопией: его уже не измеришь по-старому, а развиваться по-новому ему мешают наличествующие социально-политические обстоятельства.

Однако уже одного социального ощущения *симуляционной срединности*, как кажется, может оказаться вполне достаточно, чтобы оценить вектор динамики российского общества: «новый средний класс» в постсоветской России воспитывается *вкусом к нестандартности* жизненного пути человека, пусть даже и сдобренным чувством политической лояльности. А посему «новый средний класс» неизбежно будет все меньше ориентирован на поддержание идеи державности государства и все больше склоняться к политике социальных изменений.

* Об этом подробнее см.: Bellah R.N., Madsen R., Sullivan W.M., Swidler A., Tipton S.M. *Habits of the Heart. Individualism and Commitment in American Life*. — Berkeley: University of California Press, 1996.

Ренессанс социального дарвинизма

Александр Волков,
доктор исторических наук

Как всегда у Швыдкого, тема его очередной «Культурной революции» была сформулирована категорично: бедный человек опасен для общества. При всех оригинальных поворотах подтекст передачи, по сути основной ее смысл, просматривался отчетливо: нужно бороться с бедностью, иначе России будет плохо. Но как бороться? Известный актер обрушился на бедных: пусть идут и работают! Этот совет выглядел несколько наивно с позиции состояния российской экономики, но все же прилично. Другой же, как говорится, видный деятель культуры стал спокойно и хладнокровно рассуждать в таком духе: бедные должны умирать. «Ну, не то чтобы убивать их...», но, мол, это естественно, когда происходит селекция человеческого материала, естественный отбор. За точность слов, воспринятых на слух, не ручаюсь, но за смысл — вполне. Эта мысль шокировала и ведущего, и, похоже, значительную часть аудитории.

Не стал бы цепляться за случайное высказывание, если бы оно было одиночным, действительно случайным. Ну, просто неловко выразил человек свою мысль. Но ведь дело-то обстоит иначе, а именно: вместе с идеями широко понимаемого многоликого либерализма, превыше всего ставящего свободу личности, с идеями, привнесенными в нашу страну и взревшими здесь самостоятельно, к нам как-то вполз не просто даже крайне радикальный вариант этого течения, а социальный дарвинизм. Тот, что с легкостью

переносит на человеческое сообщество законы животного мира. Тот, дискуссии вокруг которого, казалось, остались в далеком прошлом.

Большая часть фразеологии, употребляемой социальными дарвинистами, была изобретена в конце XIX века Гербертом Спенсером. Он первым написал о «выживании сильнейших» и универсальном законе природы: существо, недостаточно энергичное для продолжения своего существования, должно умереть. Нищие, считал Спенсер, должны быть предоставлены самим себе. Ну, так примерно, как предлагают и некоторые наши доморощенные теоретики: «не то чтобы убивать их...» Просто не нужно им, нищим и просто бедным, помогать.

Возрождение социального дарвинизма, расслоение общества на богатых и бедных, все экономические несчастья у нас почему-то приписали рынку. Переходу от тотально организованной плановой экономики к рыночной. Будучи убежденным сторонником рынка, я никогда не мог согласиться с тем, что эта единственно нормальная экономическая среда не просто регулирует человеческие отношения, организуя обмен деятельностью, а подавляет и подчиняет сознание общества, уничтожает все ценности, созданные жизненным опытом homo sapiens. Такие как солидарность людей, взаимопомощь, гуманизм. Ведь сам рынок — продукт того же человеческого общества и несет в себе даже идею равенства: еще Аристотель понимал и писал, что рыночная сделка может быть совершена лишь к выгоде обеих сторон. Возникновение богатства

на одном полюсе и нищеты на другом — отнюдь не продукт собственно рыночных отношений. Неравенство возникает в силу действия других общественных механизмов.

Выдающийся специалист в области нейробиологии, академик Павел Васильевич Симонов рассказал однажды в журнале «Коммунист» об интересном опыте, поставленном французским ученым С. Колином. Крыс обучили добывать себе корм в аквариуме, заполненном водой. Чтобы добраться до пищи, они должны были нырять за ней и переносить на сушу в жилую клетку. В результате произошло немедленное расслоение крыс на две группы: одни добывали корм, а другие стали поджидать их в клетке и питаться за счет добытчиков. Затем при объединении в группы только добытчиков или только «нахлебников» часть нырявших крыс прекратила добывать пищу и стала ждать ее в жилой комнате, а часть «нахлебников» начала добывать корм. «Такого рода исследования, особенно выполненные на выших человекообразных обезьянах, — заключает академик, — делают малоправдоподобным представление, что до возникновения орудийной деятельности и собственности на добытый продукт наши отдаленные предки были равными и свободными в своем поведении. Скорее прогресс технологий, владение орудиями, возможность создавать запасы пищи и т.п. наложились на уже существовавшую жесткую иерархию организации структуры первобытных сообществ».

В другом опыте ученые попытались выяснить, какие же особи выдвигаются на верхние ступени иерархической лестницы в группе животных. Предполагалось, что самые умные либо самые сильные. Ответ оказался неожиданным: ни те и не другие, а самые наглые и агрессивные!

Эти примеры, казалось бы, свидетельствуют в пользу социального дарвинизма: что, мол, поделаешь, если самой природой предопределено, что слабые должны погибать, а самые нахальные предназна-

чены для господства в обществе. Поэтому мы должны смириться с тем, что они командуют и в бизнесе, и в политике. А бедные... Не можешь сейчас платить за квартиру, в которой прожил всю жизнь, — выселяйся, найди что-то по своему доходу. Это говорят и пенсионеру, ветерану, который честно служил людям, стране, но теперь лишен необходимого дохода по простой причине: государство положило ему незаконно низкую пенсию! Да что говорят! И выселяют уже согласно закону, принятому нашими «гуманными» законодателями!

Рассуждения о «справедливости» в духе социального дарвинизма слышишь зачастую в частных беседах, на телевидении, читаешь в прессе, особенно относительно слабых. О нахальных не очень-то говорят, называют их деятельными, энергичными, предприимчивыми. Ну что ж, согласимся с этим: не все берут только нахальством, для управления действительно нужны не просто профессионалы, но и талантливые организаторы, которые, в частности, умеют «привлекать к себе людей», ладить с ними, разрешать конфликты. И... убежден — заботиться о них, помогать им. Почему? Да потому, что человеческое сообщество все же преодолело если не целиком, то в основном законы животного мира. И ведь не просто так, от доброты людской возникли разного рода социальные институты, явилось на свет социальное государство. Даже в международной среде стала нормой гуманитарная помощь. Это оказалось для человеческого сообщества, для его выживания и развития не менее необходимым, чем предприимчивость и честная конкуренция. Может быть, только при осознании этого факта и возникла наконец четкая разделительная линия между сообществом животных и обществом людей. Гуманизм — черта чисто человеческая.

Кто-то может возразить, что в животном мире действуют инстинкты, побуждающие к «героическим» даже действиям индивида во имя сохранения рода, стада

или стаи. Самка уводит хищника от гнезда или логова, либо дерется с врагом на смерть, сохраняя потомство и жертвуя собой. Не так давно на телевидении показали сюжет, в котором матерый волк уводит охотников от беременной самки и тоже погибает. Да, природа заложила в живом организме механизмы сохранения и продолжения рода. Однако это именно инстинкты, действующие на подсознательном уровне. Человек

выработал социальные нормы и принципы поведения, включающие сознание, рациональные действия в общественных интересах, порой преодолевающие даже инстинкт самосохранения, но проявляющиеся не обязательно лишь в экстремальных ситуациях. И главное: социальный дарвинизм акцентирует внимание отнюдь не на «альтруизме», присутствующем в каком-то виде в сообществе животных, а, напротив, на ожесточенной борьбе за существование, на оправдании того, что сильный выживает, а слабый погибает. Но почему же именно нашу страну поразил вирус социального дарвинизма, почему болезнь конца XIX – начала XX века дала новую вспышку?

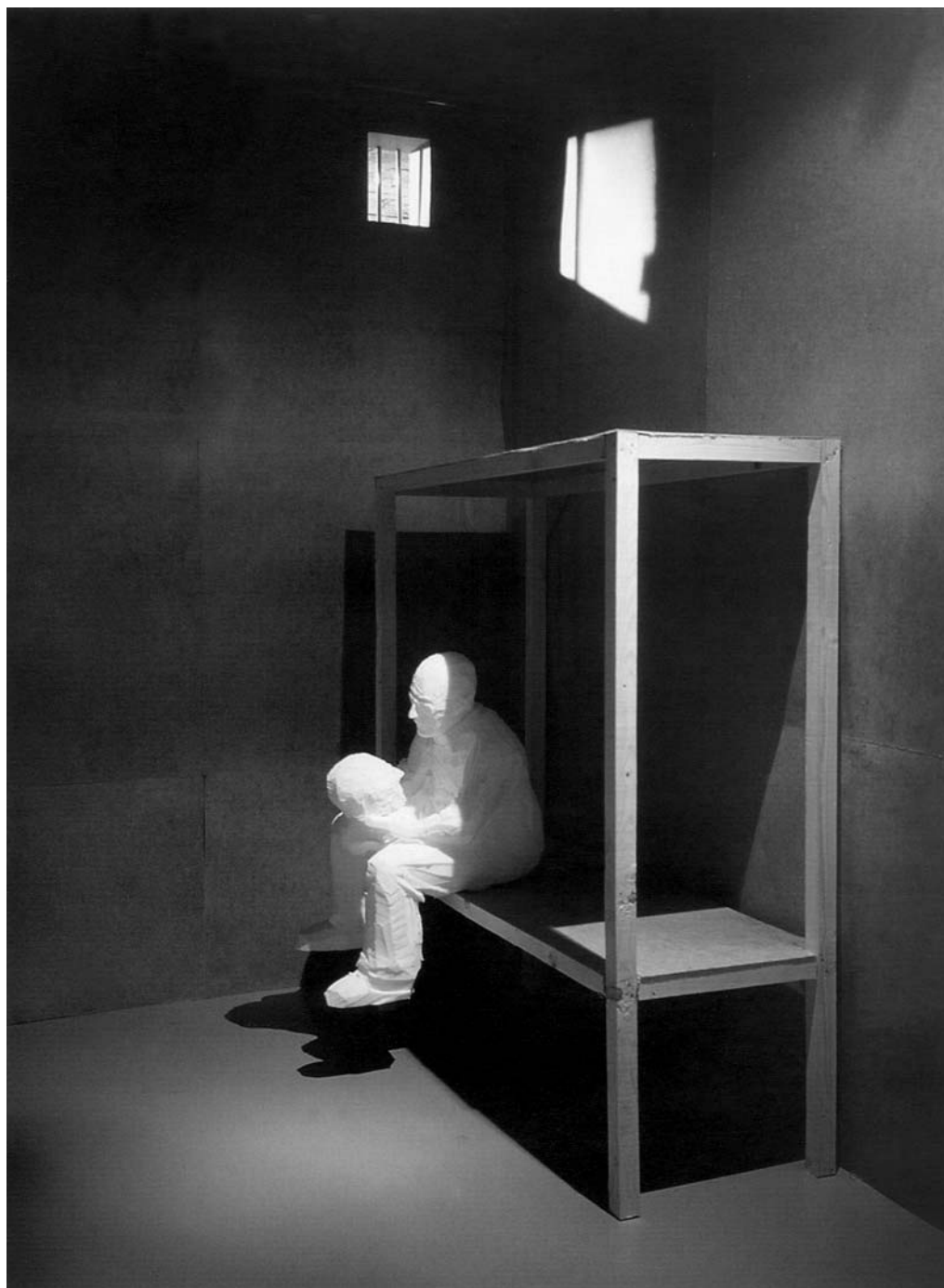
Когда стало ясным, что советский социализм не эффективен, что мы отстали от развитых капиталистических стран и в производительности труда, и в уровне доходов населения, и в качестве жизни, когда рухнул Советский Союз и началась наполовину стихийная трансформация общества, возник такой социально-психологический феномен, как эйфория по поводу капитализма. Причем эйфория, извращавшая суть происходивших в развитых странах процессов, не продвинувшая нас до уровня современных наиболее развитых стран, а возвратившая в эпоху первоначального накопления капитала, даже к представлениям о ценностях, предшествовавших Реформации и Просвещению. Раз «строим капитализм»

(а за это провозглашались тосты!), то естественно, мол, что нам годится опыт первоначального накопления, времен, когда «овцы съели людей», а будущий миллиардер перестрелял 35 фермеров

Возникновение богатства на одном полюсе и нищеты на другом – отнюдь не продукт собственно рыночных отношений

ради приобретения нужных ему земель. Естественно, что «выживает сильный», а слабый погибает или влачит жалкое существование. Пригодились все легенды и даже сказки о поре становления капитализма, а вместе с тем были как бы забыты или сознательно отброшены все гуманитарные достижения последующего развития этой социально-экономической системы, отодвинуты на задний план все нравственные ценности, которые составляют основу менталитета современного общества любой развитой страны. Строим капитализм – значит все дозволено.

Даже либерализм явился нам в каком-то уродливом образе. В представлениях нашей политической и экономической элиты, по крайней мере значительной ее части, он жестко противопоставлялся иным общественным теориям, взглядам, течениям общественной мысли. Например, многие были, да и теперь склонны рассматривать даже намек на социально-экономическое перераспределение как меру чисто социалистическую и в этом смысле чуждую либерализму. Между тем многие из тех ценностей, что исторически возникли в рамках новых для своего времени течений общественной мысли, стали уже ценностями общепризнанными, общечеловеческими, а мы все стремимся разложить их по старым полочкам, противопоставляем одно другому.

Сергей Шеховцов. Золотая клетка. 2004

Что касается «социальной справедливости» и связанных с нею проблем перераспределения, то в контексте вопроса о том, согласуется ли с ними либерализм как таковой, даже неловко о них рассуждать, говорил в беседе со мной на эту тему известный исследователь либерализма Борис Капустин. Трагедия постсоветской трансформации России (и это же — корень трагедии российского либерализма), по мнению моего собеседника, состоит в том,

что у нас намеревались строить капитализм не только в условиях фактического отсутствия «государства благоденствия», но и *ценой демонтажа* той его, пусть очень несовершенной, формы, какую оно имело в СССР. В XXI веке такого просто не может быть — не по гуманитарным соображениям только, а исходя из логики функционирования самого капитализма. Без «государства благоденствия» она оказывается саморазрушительной. Поэтому мы и имеем социально деструктивный и экономически неэффективный капитализм. Наш либерализм думал, что он вестернизирует Россию. В действительности же он действовал *вопреки* всему опыту Запада и оказался, пожалуй, более провинциальным явлением, чем его «славянофильские» оппоненты.

Вот здесь кроются корни явлений, с которых я начал разговор в этой статье, — уничтожительного отношения к бедным людям, к тем, кто не вписался в слишком крутой поворот, совершенный нашей страной. А теперь обратимся к тем, кто вписался и очень успешно, кого называют элитой общества.

Тут все же не могу не вспомнить о биологическом законе, формирующем верхушку иерархии в животном мире из наиболее наглых особей. Нет, не хочу на радость сторонникам социального дарвинизма говорить, будто в человеческом обществе полностью сохранилось дейст-

вие этого закона, что человеческое общество уподобилось животному. Это, прежде всего, не было бы правдой. Выше я уже сказал, почему. Требования к элите по мере развития западного обще-

*Требования к элите
по мере развития западного общества
непрерывно возрастали, и они включали
в себя нравственные моменты,
критерии социального отбора*

ства непрерывно возрастали, и они включали в себя нравственные моменты, критерии не биологического уже, а социального отбора. Однако и того не могу утверждать, что все негативные свойства естественного отбора изжиты. И это в нашем обществе проявилось прежде всего как раз в самом возрождении социального дарвинизма, даже на бытовом уровне. Но еще очевиднее — в том, что бесцеремонность в отношении граждан своей страны, нежелание считаться с их мнениями и цинизм — чрезвычайно частые проявления в поведении и политических, и экономических «рулевых».

Едва ли нужно приводить многие примеры в подтверждение этого тезиса. Достаточно вспомнить, как вели себя, в частности, в телевизионных передачах те, кто проводил в жизнь крайне непопулярные реформы, такие как монетизация льгот, реформы здравоохранения, ЖКХ, когда назывались заведомо ложные цифры, когда обман содержался уже в том, что ничего, кроме роста расходов населения, за словом «реформа» и не стояло. Зная, что обманывают людей, ораторы имитировали убежденность в правоте дела, усиливая голосовой нажим в особо слабых местах, как советовал известный политический деятель. А согласия на политические реформы граждан никто просто не спрашивал.

Не лучшим было и поведение бизнеса, например, при захвате больших кусков государственной собственности. Всем памятно чуть не ежедневные заказные убийства в ходе экономической войны в пору раздела этой собственности и территорий влияния. Не намного лучше выглядят и нынешние захваты офисов и предприятий с помощью ОМОНа... Признание хищнического характера современного российского капитала, более того, признание этого достоинством едва ли приближает нас к тому, что называют цивилизованным обществом. Что-то по-немногу утрясается, нормализуется, но до подлинно цивилизованных отношений еще так далеко.

Граждане оказались абсолютно бесправными в ходе разрастающейся борьбы за землю в крупных городах, особенно в Москве. Десятки или сотни сюжетов с их протестами против строительства вместо или около их домов бензоколонок, других сооружений, резко ухудшающих экологическую обстановку и снижающих рыночную стоимость их жилья, были показаны по телевидению. Но это не давало ничего. Префекты московских округов выводили против протестующих полки милиции с дубинками и собаками, как это случилось недавно в Бутырском районе Северо-Восточного округа. И строительство начиналось. Голос граждан против этой наглости абсолютно бессилён, а суды еще далеко не часто выступают на их стороне.

Преодолеть «родимые пятна» или, лучше сказать, атавизмы социального дарвинизма в нашей жизни оказалось совсем не просто. С ним не борются осознанно и целенаправленно, поэтому он и переживает пору возрождения не столько в теории, сколько в реальной жизни.

Растущее в силу этого расслоение общества, когда темп роста числа миллиардеров превышает темпы роста заработной платы бюджетников, а децильный коэффициент (то есть разница в доходах 10 процентов наиболее и наименее обеспе-

ченных людей) высок до неприличия (в европейских странах он раз в шесть меньше), наносит ущерб экономике и угрожает социальной стабильности в стране. Академик Роберт Нигматулин писал, что власть и ее идеологи никак не поймут важную теорему рыночной экономики: *«Главный инвестор рыночной экономики — сам народ, получающий сбалансированную долю ВВП в виде оплаты труда»*. Если это так, народ способен оплачивать жизненно значимые товары и услуги по сбалансированным (покрывающим издержки производства и обеспечивающим инвестиции) ценам и создать двигатель экономики — покупательский спрос.

Правительство никак не вникнет в теорему, настойчиво повторяемую некоторыми экономистами: *«Низкая оплата труда — главный тормоз научно-технического прогресса»*. Если, скажем, учитель, врач, рабочий раз в год не могут слетать с семьей в отпуск, то отечественная авиация не нужна. Становятся ненужными наши заводы, НИИ, КБ, авиационные вузы. Низкая оплата труда не побуждает к совершенствованию техники и технологий, тогда как дорогой труд стремятся заменить современным машинным. Она, утверждает Нигматулин, не является экономией, используемой для инвестиций, как в СССР в 1930–1950-е годы и в современном Китае. В России то, что недоплачивается, проматывается на роскошь и вывозится за границу. Пора понять экономическую необходимость цивилизованного «передела» доходов (не собственности, а доходов) в пользу основной части населения *с целью достижения сбалансированности экономики*.

Сознательно оставляю за пределами этого размышления еще одну сторону темы: законы животного мира наиболее жестоко проявляются на войне, будь то война межгосударственная или гражданская. Это особая тема, но, думаю, никто не возразит и против того, что для нашей страны — особо актуальная и острая.

Общественное мнение и демократия

Четкого определения понятия «общественное мнение» не существует, однако есть немало указаний на то, что оно самым тесным образом соотносится с демократическим политическим режимом. Впрочем, сама демократия — тоже далеко не однозначное понятие. Поэтому ниже читателю предлагаются размышления скорее о подходах, нежели о политических или правовых императивах. Говоря о структурном преобразовании публичной жизни, немецкий философ Юрген Хабермас* предложил множество способов расшифровки понятия «общественное мнение». Истоки наиболее глубинного его смысла коренятся в противопоставлении «публичного» и «частного», «государства» и «гражданского общества». Публичность может восприниматься прежде всего как сфера, в которой частные лица действуют в качестве публики, полагает Хабермас. Это интеллектуальное пространство, где дискуссия ведется за пределами частного и в непосредственном соседстве с политической сферой.

Между государством и рынком появляется пространство, которое должно быть открыто гражданину. Под государством здесь понимается политический контекст государственного аппарата, а под рынком — рыночный контекст частной деятельности. Это публичное пространство, обеспечиваемое частными лицами, должно перерасти в критическую позицию по отношению к непрозрачности власти в любой ее форме, как политической, так и экономической. Это и есть зона гражданского общества: неправительственных организаций, ассоциаций, фондов, дискуссионных клубов, кружков.

Наличие такой среды чрезвычайно важно для демократического развития, поскольку выполняет ключевые политические функции — такие как обеспечение парламентских дебатов и доведение их итогов до всех граждан, а также критическое рассмотрение и оценка деятельности правительства. Именно пресса, наряду с дискуссионными клубами, в Англии XVIII века впервые взялась за выполнение указанной задачи. С тех пор, когда

*Хесус Элой Бедоя Чокан,
магистр в области
международных отношений
(Испания)*

*J. Habermas. *Strukturwandel der Öffentlichkeit*. // *Historia y crítica de la opinión pública*. — Barcelona: Editorial Gustavo Gili, 1981.

первые газеты приняли на себя эту миссию, за прессой закрепилось определение «четвертой власти», противостоящей исполнительному, законодательному и судебному аппарату государства.

Наиболее раннее и, пожалуй, самое верное на сегодняшний день политическое содержание концепции общественного мнения мы находим в дискуссии между Чарлзом Джеймсом Фоксом, главой радикального крыла вигов, и Вильямом Питом Младшим, главой правительства Великобритании, когда они обсуждали целесообразность подготовки Англии к войне с Россией в 1792 году: «Поистине верно и благоразумно прислушиваться к общественному мнению, — говорил Вильям Пит. — Если случится, что общественное мнение не совпадает с моим, если, после того как будет указано на опасность, люди не увидят ее столь же ясно, как я, или же будут убеждены, что моему средству предпочтительнее иное, тогда мне надлежит задуматься о долге перед моим королем, перед моей страной и моей честью и оставить пост, дабы они могли следовать плану, который сочли наилучшим. При этом одно совершенно ясно: я обязан предоставить общественному мнению средства для составления суждения» *.

Такой позиции очень недостает ныне нашим политикам, нашей экономической элите, осененным весьма возвышенным пониманием своей исторической роли в судьбе подвластных им граждан. Ведь сколько политиков сегодня на национальном, региональном, даже местном уровне, преисполнившись самомнения, отказываются от дискуссии, не желают слушать, упорствуют в стремлении контролировать СМИ, преследуя принципиальных журналистов, которые борются за право своих сограждан на информацию! Сколько бизнесменов от СМИ, обуреваемых жадной наживы, которую они ставят превыше любых соображений социального характера, отказываются видеть демократическую ценность своих медиакомпаний и предоставляют полосы своих газет и антенны своих станций тому, кто заплатит больше! Сколько нынешних журналистов вовлечено в эту антимодель, продавая свое перо, свой голос и свой образ! Они едва ли вправе считаться профессионалами журналистики, поскольку изменяют своей наиболее важной миссии.

Тот, кто, работая в газетах и журналах, на радиостанциях и телеканалах, не сознает, что средства массовой информации, помимо хорошего бизнеса, являются еще и демократическим институтом, определенно не понимает, что значит жить в условиях демократии. Тот, кто, работая в газетных редакциях, на радиостанциях и телеканалах, не сознает, что его профессиональная деятельность, помимо ее важности для получения дохода, просто необходима для поддержания здоровья демократического общества, не понимает, что значит жить для журналистики.

Средства массовой информации выполняют три публичные функции: они *информируют* нас о реальности, *интерпретируют* эту реальность, *выводят нас за рамки этой повседневной реальности*. Роннебергер утверждает, что система общественной информации выполняет публичную миссию, поскольку, помимо удовлетворения социальных потребностей индивидуумов, занимается также критикой политической системы**. Таким образом, общественное мнение в первую очередь устанавливает «связь между гражда-

* *Ibid.*, p. 102.

** См.: F. Ronneberger. *Sozialisation durch Massenkommunikation.* // F. Bökelmann. *Formación y funciones de la opinión pública.* — Barcelona: Editorial Gustavo Gili, 1983, p. 46.

Алексей Кострома (Семенов). Оперение утюга Ман Рей. Оскорбление утюга. 1994

нами и их правительством», утверждает Ганс Шпейер*. Это реакция граждан на проблемы, возникающие в свободном обществе. Их ставят не принадлежащие к правящим кругам люди, которые требуют осуществления права на то, чтобы к их мнению прислушивались.

Это и есть та сфера публичности, которая столь необходима для глубокой дискуссии в соответствии с концепцией классического либерализма. В рамках этой открытой дискуссии свобода слова, как ее понимал Джон Милтон**, слова, свободного от всякой цензуры, является основополагающей для развития общественного мнения и в конечном итоге для всей демократической модели общежития. Именно автономность и независимость этих дискуссий, этих СМИ, этих профессионалов перед лицом власти повышает значимость самих правителей, предоставляя им дополнительное основание политической легитимности. Общественное мнение, транслируемое средствами массовой информации, должно определять ориентацию политических партий и их деятельность в парламенте. Однако современная социология сузила классическую концепцию либерализма, навязывая негативный образ «массового общества», которое якобы категорически нуждается в посредниках, чтобы формулировать смысл своих посланий. Считается, что нынешнее общественное мнение формируется не массами, а элитами (социальными, политическими, экономическими), которые только и способны побуждать массы к рациональному или эмоциональному действию.

СМИ и журналисты являются организаторами общественного мнения, но это не означает, что они формируют его самостоятельно, вне сотрудниче-

* H. Speier. *The rise of public opinion.* // A. Muñoz. *Opinión pública y comunicación política.* – Madrid: Editorial Eudema Universidad, 1990, p. 35.

** J. Milton. *A Speech for the Liberty on Unlicense Printing to the Parliament of England.* // *Prose Writings.* – London: Dent and sons, 1958.

ства с общественными лидерами. Поэтому нередко утверждают, что те, кто мобилизует элиты, мобилизует и массы. При этом неоднородность элит является основополагающим условием для дискуссии и, следовательно, для здоровья демократии. Ведь всякий выбор основывается как раз на разнообразии предлагаемых вариантов. Это фундамент информационного плюрализма. Контрастность частных, несовпадающих, противоположных мнений исключительно важна для адекватной интерпретации реальности средствами массовой информации.

Профессиональная деятельность журналистов должна отвечать, по меньшей мере, двум нравственным критериям: достоверности и объективности как высшей ценности*.

Стремление к достоверности обязывает журналиста изучать все нюансы новостного факта. Журналисту следует отвергать любое давление и заданность, которые могут исказить точность фактов, сохранять беспристрастность перед лицом подобных обстоятельств, не смешивая описание реальности с личными суждениями.

Вечно же ускользающая объективность обязывает нас разграничивать жанры журналистики и не смешивать факты и конкретные сведения с их толкованием и субъективными мнениями. Объективность требует сообщения новостных фактов, которое не следует подменять личными суждениями. Учитывая, что факты священны, а мнения полностью свободны, именно сопоставление мнений, обнаруженных в различных независимых средствах массовой информации, является основой для свободного формирования общественного мнения.

Подобное сопоставление может предлагаться в одной газете, на одной радиостанции, телеканале или происходить в различных газетах, на разных радиостанциях и телеканалах, которые не принадлежат одним и тем же политическим силам или деловым кругам. Однозначность политических пристрастий средств массовой информации и монополизация информационного рынка различными медиахолдингами означали бы конец плюрализма и воцарение подконтрольного общественного мнения.

Винсент Прайс** выделяет несколько основных факторов, которые отрицательно влияют на состояние современного публичного пространства. Среди них потенциальная восприимчивость людей к мнению большинства, к изолированной пропаганде элиты, к рекламе и к другим способам коллективного воздействия; недостаточная компетентность граждан; нехватка ресурсов для поддержания средств информации, предназначенных для массовой аудитории.

Многие авторы считают образование вместе с общественным воспитанием единственным способом борьбы с искажением общественного сознания элементами, чуждыми и враждебными «открытому обществу», каким его описал Карл Поппер.

В последние годы Ноам Хомски и Эдвард Херман*** выявили четыре вида фильтров, препятствующих формированию свободного и независимо-

* См.: J.L. Martínez Albertos. *Curso general de redacción periodística, lenguaje, estilos y géneros*. – Madrid: Editorial Paraninfo, 1992, p. 59.

** См.: V. Price. *Public Opinion*. // *La opinión pública, esfera pública y comunicación*. – Barcelona: Paidós, 1994.

*** См.: N. Chomsky, E. Herman. *Manufacturing Consent*. // *The Political Economy of Mass Media*. – London: Ed. Vintage, 1994.

го общественного мнения. В первую очередь это исключительно коммерческая ориентация СМИ, связанная с частной собственностью на них, что ведет к искажению полемической тематики посредством плоских суждений, легко усваиваемых и не перегруженных смыслом. Вторым фильтром становятся чрезмерные инвестиции в рекламу, которые значительно сокращают нерекламное пространство. Далее, это контроль над источниками, ведущий к засилью недорогой официальной информации, которой легче манипулировать. Наконец, контроль над благоприятной критикой, облегчающий ее внедрение в общественную систему на определенных условиях и подвергающий остракизму любую критику несправедливых основ самой системы.

Силами государственных институтов, национальных, региональных и местных органов исполнительной власти следует укреплять поддержку альтернативных информационных каналов, которые могут предложить различные редакционные линии, созвучные различным идейным течениям. Ведь профессиональная объективность и достоверность не означают «деполитизации». Скорее наоборот, стерильная нейтральность, не допускающая критики в адрес органов государственного управления, крупных экономических групп, ставящая превыше всего чисто коммерческие критерии, подчас подталкивает публику к довольно эмоциональным формам поведения.

Деполитизация означает не только гибель общественного мнения, но и деградацию понятия «демократия»; это дверь, распахнутая навстречу тирании. Поэтому все мы обязаны содействовать сохранению живого, вдохновенного, ангажированного общественного мнения. Отношения между политической системой и системой общественной информации дают нам четкие координаты для оценки свободного общественного мнения*, в отсутствие которого происходит крушение демократической модели.

Бокльман утверждает**, что отношения между общественным мнением и политической властью не должны рассматриваться в контексте причинно-следственной связи; это скорее отношения между структурой и процессом. Между политиками, высокопоставленными чиновниками и гражданами сегодня нет спонтанной, импровизированной связи, а есть лишь процесс, организуемый средствами массовой информации.

В конечном итоге политическая система должна создавать условия, благоприятные для реализации критической функции общественного мнения по отношению к самой системе. При этом требуется создавать пространства, выстраиваемые не по группам интересов, а по проблемам, которые ставит общественное мнение, по вопросам, интересующим граждан. Только таким путем, на наш взгляд, общественное мнение способно легитимизировать правителей — помимо избирательных процессов, которые еще далеки от совершенства.

*Перевод с испанского
Александра Казачкова*

* A. Muñoz. *Opinión pública y comunicación política*. – Madrid: Editorial Eudema Universidad, 1990.

** F. Bökelmann. *Theorie des Massenkommunikatio*. // *Formación y funciones de la opinión pública*. – Barcelona: Editorial Gustavo Gili, 1983.

*Андрей Перла,
советник председателя
общественной организации
"Деловая Россия" (Самафа)*

Количество качества

Сколько граждан России нуждается в свободе слова?

«**В**лияние средства массовой информации в России неуклонно снижается. Массовые СМИ (прежде всего имеется в виду, конечно, телевидение, и лишь затем — газеты) превращаются в отрасль индустрии шоу-бизнеса. Журналистика почти умерла, а там, где еще теплится, страдает от малых тиражей: пять тысяч экземпляров в провинции, сто тысяч — в Москве... О каком влиянии можно говорить при таких тиражах?!..»

Подобные траурные заклипания можно услышать повсюду, где говорят о российской прессе. В строгом соответствии с традицией с них началась и очередная в этом году Всероссийская конференция «СМИ и общество», проводимая по инициативе Союза журналистов России и Фонда развития информационной политики. Мы потеряли влияние, потому что лишились тиражей, а тиражей лишились оттого, что газета перестала быть государственным делом, начав обслуживать интересы отдельных «кланов», понимай — партий, ФПГ, отдельных социальных групп... Так говорят функционеры Союза журналистов, так часто говорят и обыкновенные журналисты, особенно старшего поколения.

Так что же случилось с нашими тиражами?

Журналисты — народ зажиточный, путешествуют преимущественно самолетами. Именно поэтому, коллеги, для нас несложно проделать один эксперимент. Он даже не отнимет у наблюдателя много времени — от силы часа три. Прошу вас, посетите Павелецкий вокзал. Взгляните внимательно на содержимое газетного киоска. На лучших местах вы увидите издания типа «Мир криминала», на местах похуже — собрания кроссвордов и анекдотов. «Комсомолка» сиротливо притулилась где-то сбоку, ни одной другой общественно-политической газеты не видно вовсе.

Спуститесь вниз, не пожалейте 120 рублей, прокатитесь на скоростном поезде до аэропорта «Домодедово». Прямо при входе в здание аэровокзала подойдите к прилавку с характерной вывеской «Хорошие новости». Кроссворды есть и здесь, правда их еще придется поискать. На почетных местах — «Коммерсантъ» и «Эксперт», «Профиль» и «Русский Ньюсвик». Не обижена оппозиционная «Новая газета». «Комсомолка», правда, опять сбоку — здешняя публика предпочитает чтение «потяжелее».

Самолетами летают относительно богатые. Поездами ездят сравнительно бедные. Чтение газет — развлечение для обеспеченных. В точности по Марксу: вначале удов-

летворение материальных потребностей. Это с одной стороны. С другой — чтение газет, стоящих такого названия, — необходимый элемент жизни людей социально активных, экономически самостоятельных, обязанных постоянно принимать решения. Собственно, без газет, то есть без умения их читать, отделять факты от комментариев и вырабатывать собственное мнение по поводу прочитанного, не вырабатывается навык работы с информацией, а без такого навыка нет современного человека.

Современных людей — сразу много — мы видим в аэропортах. Сразу много, да, но насколько много? Сколько в России читателей «качественной прессы», без различия политических пристрастий? Выступая в Московской школе политических исследований, Юрий Левада называл цифру — около 3 миллионов человек. В Москве и в провинции. Читателей «Огонька» и «Российской газеты», а заодно «Самарского обозрения» и саратовского «Времени» — чиновников, бизнесменов, некоммерческих активистов и т.д. — 3 миллиона. Из более ста миллионов взрослых российских граждан. Два процента.

Два процента людей, умеющих работать с информацией, принимать решения на основе анализа фактов. Два процента на всех колумнистов, репортеров, политических и экономических комментаторов... Профессиональное журналистское, экспертное, политическое сообщество не устает плакать о свободе слова. Больше всего слез достается телевидению и той же «Комсомолке» с ее миллионным тиражом и «массовым» в самом скверном значении этого слова читателем. В массовости все и дело.

Для двух процентов желающих читать и не скупящихся покупать — свобода слова есть. Никуда не делись ни «Эксперт», ни «Новая», ни «Завтра», ни «Литературка». А из них никуда не делись ни дискуссии о путях развития страны, ни репортажи из регионов, ни оппозиционность. До свободы слова очень просто дотянуться — дойти до газетного киоска (совсем не обязательно в «Домодедово»), купить, остановиться и почитать. То есть стоит приложить минимальное усилие и свобо-

да слова с тобой. Возможностью сделать это усилие пользуются... Ну, пусть приведенная выше оценка пессимистична. Пусть нас не два, а четыре или, страшно вымолвить, пусть даже восемь процентов. Суммировав все тиражи, предположив, что каждую серьезную газету читает по три человека и каждый из них читает только одну газету, хотя ничто не мешает почитать «Известия» сразу после «Коммерсанта», больше точно не получим. Остальные граждане возможностью пользоваться. Они включают ТВ — без свободы слова, зато с высокобюджетными сериалами и шоу «Фабрика звезд».

Они сами его включают. Некому и незачем их к этому принуждать. А мы спускаемся в киоск за вечерней газетой. Также без принуждения.

Мы живем в стране, население которой раскололось на две, мягко говоря, неравные части. Индекс Джини, показывающий разницу доходов богатых и бедных, у нас зашкалил за 14. Говорят, это ужасно. Количество нуждающихся в свободе слова и имеющих ее, то есть каждый раз прикладывающих усилия, чтобы получить доступ к информации, меньше количества ни в какой свободе слова не нуждающихся во сколько раз? В сорок?

Пропасть между богатыми и бедными можно преодолеть хотя бы теоретически. Медленно и странными путями, но средний класс формируется, покупает с каждым годом все больше автомобилей, квартир, музыкальных центров. Но не газет. Не журналов. Не актуального слова. Пропасть между нами и «illiterati» увеличивается.

Это проблема социальная в самом широком смысле слова. Проблема неготовности и нежелания людей становиться самостоятельными. Проблема обретения современной культуры. Ее нельзя решить только через повышение благосостояния. Свобода слова на самом деле в наименьшей степени есть свобода средств массовой информации. Свобода слова есть достояние свободных людей. Людей, которые хотят быть свободными. Граждан. И пока таких людей всего несколько процентов — настоящей свободы быть не может.

Мы продолжаем знакомить читателя с нашими изданиями, публикуя короткие аннотации и характерные отрывки, дающие представление о выходящей в свет книге, а также сведения об авторах.

БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Владимир Рыжков. Дарованная демократия. Избранные статьи по политике, экономике, истории, международным отношениям.

ОТ АВТОРА

Выпуская в свет сборник своих статей, самая ранняя из которых датирована апрелем 1998-го, а последняя — маем 2005 года, хочу сделать несколько необходимых пояснений.

Все семь лет, к которым относятся публикуемые тексты, я находился в самом что ни на есть центре политической жизни страны, будучи членом Государственной думы, побывав первым заместителем ее председателя, лидером парламентской фракции и т.д. Я одновременно активно участвовал в политических процессах и наблюдал за ними, изучал их. Поэтому сразу хочу извиниться за часто чрезмерно резкий, излишне эмоциональный и полемический характер статей. В них холодный анализ исследователя то и дело смешивается с темпераментом увлеченного борьбой политика. Я не счел, однако, нужным «опреснять» свои старые тексты, вымарывать из них те или иные оценки, даже если считаю их сегодня неточными или излишними. Надеюсь на снисходительность и понимание читателей.

Также я не стал бороться с некоторыми неизбежными повторами, когда одна и та же мысль, цитата или аргумент повторяются в разных местах. Сражаясь на протяжении многих лет за одни и те же ценности, идеи, инициативы (вроде излюбленного «правительства парламентского большинства», отстаиваемого мной на протяжении многих лет), трудно избежать повтора выстраданных, отшлифованных в многочасовых дискуссиях аргументов и сравнений. Поэтому статьи публикуются с совершенно незначительными правками и сокращениями — либо в том самом виде, в котором они увидели свет, либо в авторской, как правило, более полной версии, какими они были до порой беспощадной работы газетных и журнальных редакторов.

Часть работ ранее не публиковалась, например, когда речь идет о моих публичных выступлениях, а также о статьях и главах книг, выходящих в зарубежных журналах или книгах. Заголовки чаще всего воспроизводят те, что были при публикациях, иногда предпочтение отдано авторским вариантам названий.

Вся статья разбита на шесть тематических частей – от анализа причин кризиса современного российского государства, истории демократических традиций и институтов, особенностей российского политического класса и политических партий, развития российского федерализма и местного самоуправления, международных отношений до подробного разбора главных тенденций развития страны при президенте Путине. Многие сюжеты развивают идеи, высказанные мною в книге «Четвертая республика», вышедшей в 2000 году.

Внимательный читатель может при желании обнаружить отдельные логические неувязки и даже противоречия в позиции автора, высказанной в то или иное время по тому или иному поводу. Это относится, к примеру, к моим далеко не оконченным идейным поискам в координатах «либеральное», «социальное», «консервативное». Найду ли я когда-нибудь, хотя бы для самого себя, удовлетворительную формулу? Не знаю. При этом я не считаю правильным скрывать от читателя свои искания. Тем более что основа моего политического и общественного мировоззрения – вера в свободу, демократию, гражданское общество, достоинство человека и гражданина, вера в то, что величие России может быть обретено только на путях свободы, – всегда оставалась незыблемой.

В сборник вошло далеко не все написанное мною в указанный промежуток времени. Нет, например, важных думских речей или великого множества статей, написанных на ту или иную «злобу дня». Критерием отбора для меня служил ответ на простой вопрос: есть в статье (речи, главе) важная тема, постановка вопроса, мысль, сохраняющая, на мой взгляд, значение и сегодня, или нет. Поэтому хочу надеяться на то, что перед вами не «фиксирующее «достижения» автора мемориальное издание», красная цена которого – место на самой дальней полке. А напротив – что у вас в руках самая что ни на есть актуальная и полемическая вещь, которую надо читать и с которой непременно нужно спорить.

КУЛЬТУРА. ПОЛИТИКА. ФИЛОСОФИЯ

«Вторая философия» русского человека. (Составитель С.К. Иванов)

Автор-составитель этой книги Сергей Кузьмич Иванов родился в Москве в 1924 г., участник Великой Отечественной войны, ветеран Балтийского и Северного флотов. С 1947 по 1982 год работал в Министерстве среднего машиностроения. С 1956 г. стал собирать материалы по истории русского национального характера. Большая их часть была опубликована в двух книгах: «Далекие предки» (1994, 1996), «На европейскую дорогу, марш!» (1996).

В этой третьей, последней книге трилогии «Размышления о России и русских» С.К. Иванов собрал почти 700 свидетельств очевидцев событий в стране с 2-й четверти XIX века по 1-ю четверть XX, а также размышления отечественных и зарубежных исследователей истории государства российского, политиков, филосо-

фов, писателей. Богатая палитра взглядов на повседневный быт и нравы представителей разных сословий населения России, на их поведение в обстоятельствах судьбоносных реформ и катаклизмов позволяет составить картину формирования и проявлений свойств русского национального характера, особенной, присущей только русским «манеры понимать вещи».

В чем ее суть? Что отличает «праздничную», первую, и «обиходную», вторую, философию русского народа? Почему С. Иванов считает, что без свободного от пропагандистских императивов изучения именно этой «второй философии» невозможно по-настоящему познать народ? Возможно ли постичь «загадку русской души» или она не более чем культурологический миф?

Оставляем читателю возможность самому в этом разобраться.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В 1844 году В. Белинский высказал интересную мысль, что у каждого народа *две философии*: одна — ученая и праздничная, другая — ежедневная и обиходная, и что эту, вторую, философию необходимо особенно хорошо изучить, чтобы по-настоящему познать народ. Именно этой задаче — как можно лучше понять обиходную философию русского народа — и посвящена предлагаемая читателю книга.

Если «праздничная» философия народа составляет как бы «фасад» общества, выражает его лучшие, идеальные, желаемые представления о «правильной» жизни, и тем самым в какой-то степени абстрагируется от реальной действительности, то «обиходная» философия погружена в быт, формируется всеми обстоятельствами существования народа, служит самым насущным жизненным интересам, среди которых, как это хорошо известно из русской истории, на первом месте часто стояла элементарная необходимость выжить. Выжить в борьбе с природой, иноземными поработителями и собственными властями. Сосуществование двух философий в одном народе подчас рождало казавшиеся трудноразрешимыми парадоксы. Один из таких парадоксов отметил И. Тургенев: «Известное, хоть не совсем понятное дело: русские люди — самые изолгавшиеся люди в целом свете; а ничего так не уважают, как правду, — ничему так не сочувствуют, как именно ей».

Понять «праздничную» философию несложно: о ней всегда много и открыто говорилось, она широко пропагандировалась государством, церковью, общественными движениями, особенно теми, что называют себя патриотическими. Иное дело — философия «обиходная, домашняя», особенно если она не полностью или вовсе не соответствует философии «праздничной».

К счастью для русских, они всегда были в центре пристального внимания сначала иностранных наблюдателей, а с XIX века — и отечественных, оставивших нам свои суждения в книгах, статьях, письмах, дневниках и других документальных материалах. По моему мнению, достаточно большая совокупность таких суждений позволит понять «обиходную» философию русского народа.

Составитель совершенно сознательно не делал своих выводов по существу поднятых проблем, предоставляя такую возможность читателям, хорошо знающим «праздничную» философию народа и вооруженным собственным опытом жизненных наблюдений.

«Вторая философия» не остается неизменной. Но было бы неправильно представлять себе, что ее устаревшие положения исчезают вместе с устранением породивших их обстоятельств, а новые привычки овладевают обществом сразу же после изменения условий жизни. Во-первых, чтобы переделать сложившиеся привычки, нужны очень крупные изменения, воздействующие на общество в течение достаточно длительного времени, а во-вторых, известный *консерватизм* привычек обеспечивает им долгое существование уже после того, как давно исчезли породившие их условия. Если добавить к этому, что сложнейшие процессы формирования и передачи от поколения к поколению «второй философии» нации происходят совершенно стихийно, станет ясна огромная значимость ее реального изучения, свободного от пропагандистских требований.

...Нам долго и упорно доказывали, что мы — самый передовой народ в мире, что все остальные народы завидуют нам, любят нас и пр. и пр. Завершило эпопею самовосхваления недавнее и хорошо памятное всем обобщение: «Великий советский народ».

Результат неутешителен. Нельзя безнаказанно игнорировать реальность и выдавать желаемое за действительное, как бы это ни было приятно в текущую минуту. В этом деле есть и еще одна печальная сторона: в XX веке в нашем национальном самопознании не приняли и никогда не примут участия многие выдающиеся отечественные деятели. Кто-то был расстрелян, кто-то погиб в лагерях, кто-то просто состарился и умер, так и не записав свои соображения на этот счет. Это значит, что мы прожили целую эпоху, без малого сто лет, — росли, менялись, но перестали сами изучать себя, не задумывались, какие мы есть на самом деле. Это сопоставимо разве только с опасным провалом в памяти.

Так что нет ничего удивительного в том, что мы ухватились теперь за еще один миф — на этот раз за красивый поэтический образ Тютчева. Нам нравится быть единственными и неповторимыми, как будто кого-то другого, скажем японцев, поляков или эфиопов, можно «измерить общим аршином». Тютчевское «умом не понять» приятно отключает мысль и потакает еще одному нашему старому или, лучше, застарелому свойству: «мы ленивы и нелюбопытны...».

Большевики мечтали создать из нас своеобразных мутантов просвещения и рабства. Просвещения — профессионального, глубокого, обеспечивающего мощь и богатство их вотчины — государства, и не менее глубокого рабства — политического, духовного, при котором все интересы людей, выходящие за рамки профессии, укладывались бы в короткую фразу-молитву: «Слава КПСС!».

Помнится, в «Золотом теленке» был старорежимный персонаж, которому регулярно снились чуждые ему советские сны. Остап Бендер назначил верное лечение: необходимо ликвидировать основу — советскую власть, а сны переменяются сами собой. Закончится и наш долгий вынужденный «сон». Нет никакого сомнения, что нормально функционирующий народный национальный организм вновь вернется к активному самопознанию своей «второй философии».

*Сергей Егоров,
доктор юридических наук,
профессор (Санкт-Петербург)*

Это странное слово «свобода»

*Свобода, глядя беспристрастно,
тогда лишь делается нужной,
когда внутри меня пространство
обширней камеры наружной.*

И. Губерман

Поэты всегда немного философы. Именно поэтому им часто удается в виде художественного образа ярко показать суть того или иного явления. Вот и свобода, увиденная **поэтом**, вдруг открывается нам какой-то неожиданной и в то же время удивительно верной — новой стороной. Кажется, еще немного — и мы сможем прийти к единственно правильному пониманию свободы...

Понятие «свобода», такое знакомое каждому, при внимательном рассмотрении оказывается весьма глубоким, что создает значительные сложности при его толковании. Философы всех времен и народов вкладывали в него самые разнообразные смыслы, но и по сей день его содержание ускользает от нас: нет такого определения свободы, которое сегодня устроило бы всех.

Перикл: «Считайте за свободу мужество всмотреться в лицо военным опасностям».

Монтескьё: «Одни называют свободой легкую возможность низлагать того, кого они наделили тиранической властью; другие — право избирать того, кому они должны повиноваться; третьи — право носить оружие и совершать насилия; четвертые видят ее в привилегии состоять под управлением человека своей национальности или подчиняться своим собственным законам. Некий народ долгое время принимал свободу за обычай носить длинную бороду».

Трёлч: «Свобода... представляет собой свободную, сознательную, исполненную долга самоотдачу целому, уже существующему как следствие истории, государства и нации».

Токвиль: «Существует свобода гражданская и нравственная; сила, воплощающаяся в единении всех; сила, которую самой власти предназначено охранять; эта свобода заключается в том, чтобы без страха совершать доброе и справедливое».

Достоевский: «Нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы,

с которым это несчастное существо рождается».

Поэт Губерман тонко почувствовал и смог передать нам, что для понимания свободы необходимо осознать и наличие пространства свободы внутри человека, и существование «камеры наружной». Он дал нам понять, что у свободы есть два измерения — **внутреннее и внешнее**.

Внутренняя свобода – это свобода (способность, возможность) человека самостоятельно решать, что ему хочет.

Это то, что часто называют *свободой воли, свободой выбора*. Спор о наличии или отсутствии внутренней свободы у человека (свободы воли) идет уже не одно столетие. Дань этому спору отдали очень многие великие философы и целые философские школы. Детерминизм и индетерминизм, дуализм и экзистенциализм, Лютер и Эразм, Кант и Гегель, Лосский и Лакан и многие, многие другие не дали окончательного ответа на этот вопрос. Но его нельзя обойти никому, кто задумывается о способах организации **существования** людей. Без ответа на этот вопрос — обладает ли человек свободой воли — не может быть построена действенная система организации сосуществования людей в социуме. Более того, она не может быть построена без положительного ответа на этот вопрос.

Любая социальная система, в которой люди взаимодействуют друг с другом, обязательно должна ограничивать произвол в поведении людей. Понятно, что всякое такое ограничивающее требование всегда обращено к сознанию человека, к его сознательной воле. Однако если причина поступков человека лежит не в нем самом, если у него нет свободы воли, если каждый его поступок кем-то или чем-то предопределен, то никакие требования, обращенные к человеку, к его сознанию, к его разуму, не могут повлиять на его поведение и, следовательно, любая сконструированная система организации сосуществования людей становится бессмысленной. Мы сейчас не говорим о том, бессмысленна ли в действительности любая такая система. Мы

говорим лишь о том, что если мы отказываем человеку в свободе воли (внутренней свободе), если признаем, что свобода принятия решений ему не принадлежит, что эти решения приходят откуда-то извне, а не являются продуктом его разума, его сознания, то наша деятельность по построению системы организации жизни людей в обществе становится совершенно бессмысленной.

Еще двести лет назад недооцененный до сего дня русский мыслитель, преподаватель Царскосельского лицея А.П. Кунцын сказал: «Если бы воля была не свободна, то предписания разума были бы напрасны; ибо в них содержалось бы или то, к чему воля необходимо стремится, или то, чего по природе своей она исполнить не может». Тот, кто берется за какую-либо деятельность в области организации человеческого сосуществования и не хочет заранее считать свой труд бессмысленным, просто обязан признать наличие у человека внутренней свободы. Всем, кто хочет ощущать себя свободным человеком среди свободных людей, совершенно необходимо зафиксировать эту важнейшую характеристику, выделяющую человека из природного мира: **каждый человек обладает внутренней свободой (свободой воли)**.

Необходимо отметить, что внутренняя свобода любого человека ничем не ограничена, ибо любое ее ограничение может быть осуществлено только актом его же собственного сознания, то есть опять же проявлением свободной воли этого человека.

Способность человека к внутреннему выбору, то есть к принятию самостоятельного решения — **что ему хотеть**, является фундаментальным качеством человеческой личности. Но эта способность не только полезна, но и весьма обременительна. Не зря Ф.М. Достоевский писал, что «свобода выбора — страшное бремя человека». Но только благодаря этим «весьма обременительным» усилиям, человек может думать, понимать, судить, различать хорошее и плохое. Эти, как и все другие, способности человека совер-

Владимир Давыдов. Гипс № 3. 1999

шенствуются тогда, когда человек делает свой внутренний выбор. Тренировка именно этой способности движет человека по пути его развития. Отнимите у человека эту способность делать осмысленный выбор, что специфически человеческого у него останется? Самостоятельно решать, что ему хотеть, — важнейшая составляющая способности человека к выбору вообще.

Но если внутри человека есть его личное «пространство свободы», если он ощущает это пространство внутри себя, то мы можем быть уверены, что такому человеку понадобится и свобода **внешняя**. Следующим естественным шагом человека после осознания и выбора им конкретного желания является *совершение* (или не совер-

шение) *действий*, направленных на осуществление этого желания. В отличие от желаний, возникновению и формированию которых никто и ничто (кроме самого человека) не может помешать, их осуществление предполагает какие-то действия. При осуществлении этих действий весьма вероятно могут возникнуть различные препятствия. Эти препятствия могут быть двух принципиально разных видов.

Первый вид препятствий — естественные, никак не связанные с действиями других людей. У человека может появиться желание отправиться в путь. Но на этом пути ему встречается пропасть, перебраться через которую он не может. Человек решил поиграть в футбол, но у него нет мяча. Или человеку захотелось

вспомнить стихи любимого поэта, но у него нет нужной книги. Очевидно, что эти препятствия вызваны не зависящими от других людей обстоятельствами. Тем не менее эти препятствия мешают человеку осуществить свое желание.

Есть и второй вид препятствий — те, что непосредственно связаны с действиями других людей. Через пропасть, лежащую на пути человека, есть мост. Но этот мост охраняется, и охраняющие его люди могут и не пропустить человека через него. Какие-то люди собираются играть в футбол. У них есть мяч, есть площадка для игры, но они могут и не принять человека в игру. Любитель поэзии обратился к соседу, у которого точно есть нужная книга, но сосед очень ею дорожит и вежливо отказывает просителю. Эти препятствия зависят от других людей и также могут не дать возможности человеку осуществить свое желание. И те и другие препятствия как раз и образуют, по выражению поэта, «наружную камеру» свободы. Однако нас интересуют только те стены этой камеры, которые воздвигнуты людьми, то есть только те препятствия, которые обусловлены наличием вокруг человека других людей и ограничивающие другой вид его свободы — **свободу внешнюю**.

Внешняя свобода — это свобода (способность, возможность) действовать в обществе в соответствии со своей внутренней свободой тем или иным образом, преследуя те или иные цели. Человек обладает внешней свободой в той мере и постольку, в какой мере и постольку осуществлению его желаний не препятствуют другие люди. Свободным человека делает наличие у него осознанных им желаний и отсутствие воспрепятствования осуществлению этих желаний со стороны других людей. Ценность свободы для конкретного человека как раз и определяется соотношением его свободы внутренней и его свободы внешней. Недаром говорят, что свободным можно быть и в тюрьме. Одна из древних на Земле религий — буддизм — в значительной степени построена как раз на этом. Уход от общества внутрь себя, концентрация своих желаний в области, не требующей

участия общества в их реализации, недоступной для воспрепятствования им, позволяет не только осознавать, но и чувствовать себя свободным или даже абсолютно свободным.

Свобода как воздух. Мы замечаем ее только тогда, когда нам ее начинает не хватать. Свобода кажется нам не нужной или даже становится похожей на ловкий обман, когда кто-то расширяет ее в ту область, в которой у нас нет желаний. Со времени начала перестройки стало больше свободы слова и свободы перемещений. Однако значительная (если не большая!) часть наших сограждан расширения своей свободы практически не ощутила. И тут нечему удивляться: у них нет «непреодолимого желания высказаться и прокатиться». На своей кухне и в 70-е годы у них была полная свобода слова, а что-то писать и печататься им не надо, они считают, что это не их дело. Путешествовать они тоже «не хотят», так как у них нет для этого денег. Вот и получается, что все это для них как бы и не свобода.

Наличие внешней свободы у человека прямо вытекает из существования общества. Стоит только человеку оказаться изолированным от общества, от всех других людей, тут же понятие его внешней свободы теряет смысл. В некотором роде общество первично по отношению к внешней свободе каждого человека. Такое суждение дает возможность утверждать, что общество первично и по отношению к самому человеку. По словам французского ученого XIX века Эмиля Фаге, «общество, в котором мы живем и без которого мы не смогли бы жить, обладает всеми правами. Его право неопределенно, поскольку оно не ограничено ни в принципе, ни на практике. На основании какого права и с помощью каких средств индивид смог бы ограничить право общества? По какому праву? Человек рождается. Кто наделяет его правом кредитора по отношению к государству? При помощи каких средств? Человек одинок. Что может он предпринять против общества, нарушающего его так называемые права? Протестовать? И только. Общество лишь посмеется над ним. Обще-

ство наделено всеми правами прежде всего потому, что оно ими обладает, раз никто их ему не давал; а затем еще и потому, что, если бы оно ими и не обладало, на практике все равно было бы точно так же, как если бы оно ими обладало».

Эти рассуждения были бы справедливы, если бы в них разбирались отношения чего-то огромного и монолитного (общества) и чего-то несоизмеримо маленького и постороннего для этой глыбы (индивида). Понятно, что в отношениях с монолитом-обществом человек может либо подчинить его себе (что очень трудно и удается только единицам), либо подчиниться ему (что совсем не трудно, все вокруг так и поступают), либо погибнуть (что очень неприятно). Э. Фаге, упускает из виду одну важную деталь: каждый человек сам является частицей этой глыбы, сплошь состоящей только из таких же частиц, да еще и мыслящих притом. И эта мыслящая частица прекрасно осознает, что «противостоящее» ему общество состоит из таких же, как она, частиц — людей.

А в отношениях с другими частицами — людьми — можно договориться.

На осознание этой простой истины у человечества ушли тысячелетия. Сегодня эта мысль не является откровением. Однако как трудно договориться слабому с сильным, бедному с богатым! Но, может быть, все-таки настал уже момент, когда можно было бы начать договариваться всем?

Если такое предложение будет принято и мы все-таки решим договориться, нам придется принять какой-то принцип (принципы), на основе которого мы будем договариваться. При этом новый принцип должен отличаться коренным образом от действующего уже многие тысячелетия — сильный всегда прав. Придется решить, по какому иному принципу мы будем ограничивать внешнюю свободу, ведь договорный процесс — это всегда взаимные уступки, взаимное ограничение. Принимая решение договариваться, мы уже (по умолчанию) принимаем решение о взаимном ограничении нашей внешней свободы.

Безграничная свобода — это такой же оксюморон, как жареный лед! Безграничная свобода — это отсутствие свободы. Свобода каждого человека должна быть ограничена. Да так всегда было и есть: свобода всегда ограничена — как в любой политической доктрине, так и на практике. Главный вопрос: каким принципом можно и нужно руководствоваться, правомерно ограничивая свободу отдельных людей? Мы — те, кто хочет ощущать себя свободными людьми среди свободных людей, — без труда можем сформулировать такие принципы. Для этого в первую очередь необходимо **признать всех других равноправными себе и осознавать себя равноправным со всеми другими.**

Все люди, преследуя те или иные цели, должны иметь равные права на внешнюю свободу, то есть свободу действовать в обществе. Если мы имеем равные права на внешнюю свободу, то именно она, *внешняя свобода других людей*, и есть причина необходимого ограничения моей внешней свободы. Если такую границу между моей внешней свободой и внешней свободой любого другого не установить, то межовой конфликт неизбежен. И тогда опять победит сильнейший. Как и всегда, как тысячи лет назад, так и сейчас! Отсюда второй принцип для достижения договоренности: **внешняя свобода человека может ограничиваться только требованием обеспечения такой же, как и у него, внешней свободы других людей.**

Кроме требования обеспечения свободы другого человека, никакие иные основания для ограничения свободы кого-либо не допускаются. Но это не означает, что любое обеспечение свободы человека является безусловным и достаточным основанием для ограничения внешней свободы другого. Наличие этого условия только лишь дает возможность рассмотреть вопрос о конкретном ограничении свободы человека. Если же этого основания нет, то вопрос об ограничении внешней свободы кого-либо даже рассматриваться не может! Для окончательного решения

вопроса об ограничении свободы мы должны соотнести его с третьим принципом: **каждому должен быть предоставлен максимум внешней свободы, совместимый с таким же максимумом свободы каждого другого.**

Такое равноправие и есть **справедливость.**

Человечество, сколько оно себя помнит, всегда мечтало о справедливости. Долгие века люди уповали на то, что придет кто-то и установит им эту справедливость силой или словом. Эти надежды не оправдались и, думается, не оправдаются никогда.

Век Просвещения зародился в недрах европейской цивилизации. Многие выдающиеся люди пришли тогда к выводу, что человеческое сосуществование может быть переустроено на новых рациональных и справедливых принципах. Эти принципы они даже сформулировали. Как умели. Долгие тысячелетия люди считали, что жить можно только так, как они живут сейчас. Следование привычному генетически заложено в каждом человеке. Существование царя земного и царя небесного воспринималось не только как неизбежное, но и как справедливое. И вот пришли Свифт, Руссо, Вольтер, другие талантливые мыслители и не менее талантливые писатели. Они показали, что такой порядок вещей не только не справедлив, но и не обязателен, и уж совсем не вечен. Что каждый человек рождается с правом на жизнь, свободу и со стремлением к счастью. Это в их головах родилась идея нравственной автономии человека.

Эти идеи овладели массами думающих и образованных людей. И очень многие, благодаря обретенному знанию, *почувствовали внутри себя* пространство «обширной камеры наружной». Именно поэтому та эпоха называется эпохой Нового времени. Великие просветители не дали людям ни сколь-нибудь точного чертежа более просторной «камеры», ни тем более алгоритма процесса переустройства старой. Но омерзительный вид ее стен был нестерпим для них, и они стали разрушать эти стены в надежде на то, что но-

вый проект — уже не камеры, а храма — родится сам собой. В общем, такой знакомый нам принцип: начнем разрушать, а там посмотрим, что получится...

Однако очень быстро выяснилось, что не все думали и чувствовали, как они. В массе своей народ вообще ни о чем таком не думал, а только чувствовал. Но и среди образованных людей многие и думали, и чувствовали по-другому, и процесс разрушения стен приобрел не менее омерзительные черты, чем сами стены. По первое число досталось и самим застрельщикам. Однако, худо-бедно, через три века после провозглашения идей свободы очень многое из провозглашенного воплотилось в жизнь. Ценою огромных жертв мир стал более справедлив. Однако по-настоящему справедливым он так и не стал.

Сегодня ясно, что *сосуществование людей может быть организовано значительно более справедливо, а переход к справедливому обществу может быть организован со значительно меньшими издержками.*

Для того чтобы этот тезис реализовать, необходимо выполнить две задачи:

1. Должен быть разработан проект будущего нового дома (а не тюрьмы и не храма), стены которого точно будут ограничивать внешнюю свободу каждого. Важнейшим элементом такого проекта является правовая система, в основе которой лежит конституция.

2. Значительной части людей проект должен быть хорошо известен, и они должны быть готовы этот проект поддержать. Когда эти люди придут на избирательные участки и направят своих представителей (депутатов) в высший представительный орган власти, проект перехода к справедливому обществу сможет войти в стадию практической реализации.

Казалось бы, очень реальные задачи. Для разработки этого проекта уже сегодня есть все условия, кроме главного: желания (потребности) в обществе или хотя бы в образованной его части.

Ведь для начала надо так мало: обрести желание стать по-настоящему свободными людьми и начать договариваться.

Наталья Лосева: «Спасибо, ребята!»

Опыт – это не то, что происходит с человеком, а то, что делает человек с тем, что с ним происходит.

Олдос Хаксли (английский прозаик, поэт, философ)

Среди слушателей Школы людей с интересной судьбой и характерами немало, некоторые очаровывают тебя на всю жизнь, радуют и удивляют. Наташа Лосева поражает меня своей удивительной, какой-то очень естественной, органичной, радостной цельностью и «настоящестью».

Она человек, устремленный в будущее, интересующийся всеми новыми технологиями, и в то же время одна из немногих в современном медиабизнесе, кто сохраняет наши традиции – российские ли, советские ли... В общем, наши, родные традиции – а ведь о них в век глобализации многие склонны забывать: это, дескать, вчерашний век.

Она эффективный и даже, возможно, жесткий руководитель, директор интернет-редакции РИА «Новости», и в то же время как человек верующий – милосердна, жалеет, сопереживает и стремится помочь тому, кто в помощи нуждается.

Родилась Наташа в Новосибирске, училась в мединституте, «связалась» с поздними диссидентами, ушла из медицины – в журналистику, работала в первой в городе независимой газете, создала единственный в своем роде независимый Новосибирский пресс-клуб. Одной из первых в стране начала делать интернет-версию газеты «Молодость Сибири». Растила сына Тёму. Переехав в Москву, возглавила веб-редакцию «Известий», стала «Человеком года» согласно профессиональному рейтингу РОТОР, возглавила интернет-редакцию РИА «Новости». Она автор и руководитель проекта «Наша победа. День за днем» и акции «Повяжи георгиевскую ленточку».

Об этой жизни и о личном опыте – наша беседа с Наташей.

И.Д. – Ты работаешь в большой компании с достаточно жесткими корпоративными условиями. При этом ты человек с высокими этическими требованиями – к себе и к окружающим. Как ты сочетаешь милосердие и требовательность к людям, «спокойное» состояние ума и крайне беспокойный, бешеный ритм жизни?

Н.Л. – В идеале топ-менеджер крупной информационной компании должен быть хладнокровным, выдержанным, внимательным к сотруд-

никам, беспощадным к ошибкам, системным в мышлении и т.д. и т.п. Но жизнь другая. Она подчиняет тебя страстям, эмоциям, смешивает профессиональное и человеческое. В семье все было по-другому — я ведь докторская дочка. В семье был культ работы, культ пациента. Точно по Гиппократу: «Светя другим, сгораю сам». Это было нормально, естественно, несомненно — если кому-то плохо, как же можно спокойно спать? Я тоже училась несколько лет в медицинском институте, но время было революционным, разгар перестройки: демсоюз, путчи. Ушла в журналистику, вот так сразу, решив, что там мое место.

А на самом деле я до сих пор не знаю, где оно — мое поле. Я тоскую по медицине, по этой сумасшедшей жизни на износ, по служению, по тому, как ты вынынчиваешь каждого больного, несешь вместе с ним его крест и вместе с ним переживаешь радость выздоровления...

Информационный менеджмент чем-то похож на оперативную медицину: ты так же быстро должен принимать решения, так же часто опираться на интуицию и порою идти против здравого смысла. Так же работаешь на результат, так же служишь людям.

С возрастом я начала понимать истинный смысл слов одного из первых моих учителей в профессии: «Журналистика — это сфера обслуживания, а не трибуна для самовыражения». Наше дело — давать информацию, а не манипулировать читателем.

Но поступать по совести, следовать христианским принципам в нашей профессии — это требует и мужества, и веры. Я учусь этому, не знаю, насколько успешно.

И.Д. — Кто-то идет на компромиссы, кто-то бьется за свои принципы, но за это расплачивается своим здоровьем, или семейным благополучием. Тебе приходилось жертвовать принципами?

Н.Л. — С точки зрения светской все очень сложно: нужно взвешивать шансы, просчитывать последствия, искать оправдания. С точки зрения христианской, церковной, проще и спокойнее. Даже если прощаешь врага, от-

казываешься от выгодного, но сомнительного предложения, то знаешь, что не потерял — приобрел.

И.Д. — Многие считают, что журналистика нынче, мягко говоря, «не та»: она не выполняет свои самые прямые, неотъемлемые функции — объективного информирования, к примеру. Да и с профессиональной этикой журналиста дела обстоят неважно. Как оцениваешь ты и современную российскую журналистику, и журналистов?

Н.Л. — Мне кажется, что заканчивается жанровый кризис профессии, когда нивелировалась цена слова, стиля, формата. Но остается проблема различных манипуляций, «заказух», давления со стороны владельцев СМИ. Хотя я смотрю сейчас на студентов журфака МГУ или МГИМО и понимаю, что растут очень хорошие ребята: образованные, со знанием языков, с драйвом, с любовью к профессии.

И.Д. — Ты не стала врачом, но что, как тебе кажется, ты «взяла» от этой профессии в свою нынешнюю?

Н.Л. — Я очень стараюсь «не навредить». И еще — интерес к людям. Люди — это лучшие книги мира; любым человеком, любой судьбой можно и нужно зачитываться. Когда-нибудь займусь поддержкой создания сети хосписов в России. Не только потому, что в нашей стране необходимо развивать институт достойного отношения к умирающим и безнадежно больным, но и потому, что относиться к человеку, уходящему в другую жизнь, нужно не со страхом и душевным параличом, а как к святыне. Его нужно выслушивать, выныривать, переживать с ним его последние минуты и напитываться светом его жизни.

И.Д. — Сегодня именно журналистов и врачей так называемые простые россияне обвиняют чаще всего в некомпетентности, необразованности, жадности, равнодушии.

Н.Л. — Нельзя всех одной гребенкой... Есть недобросовестные и злые журналисты и врачи. Есть люди, лишённые идеалов, измотанные нищетой, нерешёнными квартирными вопросами. А есть те, кто служит вопреки обстоятельствам. Даже до меня, докторской дочки, дошло это не сразу. Я помню, как однажды, в самое нищее время, мы с крошечным Тёмкой попали в больницу. Он кричал почти двое суток, не спал, хирурги не могли поставить диагноз. Тёмка все время был у меня на руках, я валилась с ног, а мне нужно было хотя бы поесть — я тогда еще его кормила. Вдруг ко мне подошел мужчина, забрал Тёмку и сказал жестко: «Быстро есть и спать». Два часа, пока я приходила в себя, профессор, детский хирург, светило, после 10 часов у операционного стола, ходил по коридору с моим ребенком на руках. Таким врачам нужно целовать руки. И таких, уверяю тебя, много, очень много.

И.Д. — В одном из интервью ты как-то сказала, что не любишь, когда люди из твоей команды устают, — значит, ты виновата как руководитель: недоглядела, перегрузила. А что делаешь, когда устаешь сама?

Н.Л. — Пробежка, физические упражнения, молитва, семья, путешествия, несколько часов на кухне. Все что угодно, только не сон. Не дал мне Бог умения отсыпаться, даже в выходной день просыпаюсь ни свет ни заря, мучаю родственников.

И.Д. — Такой «детский», наивный вопрос... Я, например, люблю газеты. Не только их содержание, но вид, шуриание, запах типографской краски — в те времена, когда газеты отчетливо пахли ею. Я вижу, как ты любишь Интернет. Он тебе не просто интересен, ты его любишь! За что?

Н.Л. — Я тоже люблю газеты и читаю бумажные книги! У меня нет ни ноутбука, ни «наладонника». Мне нужно держать книгу в руках, лежать на пузе на диване и листать бумажные страницы. Интернет я люблю за другое. За глубину, за оперативность и комфорт работы, за то, что он несет в нашу жизнь через любые границы иную философию, мировоззрение.

И.Д. — Если бы не Интернет — чем, скорее всего, ты занималась бы сейчас?

Н.Л. — Не знаю... может быть, писала бы. Я недавно подумала, что опять хочу писать... Или все-таки стала бы доктором.

И.Д. — Сегодня если постороннему человеку попытаться рассказать о тебе, то первое, что приходит в голову: это человек, который придумал «георгиевскую ленточку», «ленточку Победы». И очень многие, и лично я, тебе за это благодарны!

Н.Л. — Во-первых, я не могу относиться к каким-то своим проектам и наградам как к *моим* достижениям. Все, что мы имеем в этой жизни, — дано Богом. Зарабатываешь много денег — отдавай как минимум десятую часть неимущим, удостоился приза — благодари Бога и работай в сто раз больше, чтобы оправдать это. Стала твоя команда победителем — раздели эту победу на каждого, от замов до секретаря. Не потому, что это такая милость, а потому, что лидер — никто без своей команды. Это я говорю без кокетства и желания показаться чудо-менеджером.

Во вторых, «ленточка» — это тоже не мой проект, я только придумала саму идею, а реализация ее — дело нескольких десятков моих коллег. Причем, заметь, бесплатно и добровольно, вне рабочего времени и личных интересов. Лично для меня это посвящение моим дедам и бабушке. Дед не дожил месяца до 50-летия Победы, я чувствовала свою вину. Бабушка умерла, когда мне было 15, я тогда вообще не думала о том, какой была ее юность, с 41-го по 45-й. Вот такая моя запоздалая признательность таким, как они.

Когда я в первые дни акции еду домой и вижу еще редкие, еще случайные машины с ленточкой, я вслух говорю им: «Спасибо, ребята!».

Индира Дунаева

Суверенитет

Происхождение концепции

В настоящее время в политической науке отмечается довольно резкий рост интереса к понятию «суверенитет». При этом особое внимание исследователей привлекают такие проблемы, как место сосредоточения и носители суверенитета, критерии суверенного государства, а также современные вызовы традиционной идее суверенитета, которые, возможно, скоро потребуют (или уже требуют) серьезного пересмотра привычных подходов к этому понятию.

Родоначальником концепции суверенитета считается французский политический философ и теоретик права XVI века Жан Боден (1530–1596). Его идеи оказали исключительное влияние на европейскую политическую теорию и практику. Разработка им концепции суверенитета была вызвана актуальными потребностями того времени: бесконечные религиозные войны поставили Францию на грань полного хаоса, что вынудило Бодена приступить к поиску источника общественного порядка и устойчивости политического режима. Такой источник он находит в *суверенитете*, а предложенная им трактовка последнего явилась ориентиром политической трансформации Европы Нового времени. Именно на основе предложенной Боденом теории на континенте начала оформляться система суверенных государств-наций, получившая окончательное закрепление после заключения Вестфальского мирного договора 1648 года, завершившего Тридцатилетнюю войну в Европе.

В классической работе «*Шесть книг о государстве*» (1572) Боден определяет суверенитет как абсолютную и постоянную власть государства над своими гражданами и подданными. Суверенитет, согласно

воззрениям этого мыслителя, *постоянен, един, неделим, абсолютен и самодостаточен*. Он не требует согласия тех, над кем осуществляется, так что граждане или подданные в равной мере должны подчиняться любому правителю-суверену, даже если таковой является деспотом или тираном. Первоисточником суверенитета выступает Божественное провидение, а в практическом плане суверенитет предполагает независимость государства от внешних авторитетов (например, Папы Римского или императора Священной Римской империи) и набор функций, обеспечивающих эту независимость: исключительное право издавать законы, решать вопросы войны и мира, творить суд, наказывать и миловать, собирать налоги и пр. По мысли Бодена, *носитель суверенитета не связан законами, которые он сам создает*.

В рассматриваемой теории суверенитет являлся сущностным признаком государства, которое Боден определял как правовое управление многими семьями, ибо семья — основание государства. В зависимости от того, где сосредоточивался суверенитет, Боден различал такие формы государственного устройства, как *монархия* («власть одного»), *аристократия* («власть меньшинства») и *демократия* («власть большинства»). Вполне в духе своего времени наилучшей формой устройства французский мыслитель считал монархию.

Отметим, что наряду с представлением о централизованном и статичном государстве, отстаиваемом Боденом, в Европе XVI столетия существовала и альтернативная концепция, которую выдвинул немецкий политический мыслитель Иоганн Алтузий (1557–1638). В данном случае государство представлялось выстроенным «снизу», а не «сверху», как у

Бодена, — в виде «амальгамы» основанных на согласии политических ассоциаций, политической системы, где дисперсия власти происходит как функционально, так и территориально. Однако эта теория имела в описываемую эпоху весьма ограниченное распространение. Лишь позже идея делимости суверенитета получила теоретическое обоснование и политическое оформление в федеративной модели Соединенных Штатов Америки.

Суверенное государство как политико-территориальный идеал

Подъем и расцвет системы суверенных государств-наций в Западной Европе обычно объясняется важнейшими экономическими и социальными изменениями, которые стали решающими и для организации политической жизни. Эта система начала оформляться в период, когда правители приобретали все большую способность контролировать свои территории. С развитием новой конфигурации конкретизировались и организующие ее принципы, причем один из важнейших заключался в том, что главенствующая роль в решении социальных, экономических и политических вопросов принадлежит *тому, кто контролирует территориальные единицы*, составляющие систему. Понятие суверенитета стало ключевым для выражения этой идеи. Именно оно оформляло становление отдельных, независимых друг от друга территориальных единиц, которые выступили основными строительными блоками социальной и политической жизни.

Реализация выдвинутой Боденом концепции суверенитета происходила постепенно. Лишь после подписания Вестфальского мира в Европе утвердился такой политико-территориальный порядок, базовыми структурами которого стали оформляющиеся абсолютистские государства, а также принцип «чья стра-

на, того и вера». Что касается периода, предшествовавшего Вестфальскому миру, то он характеризовался глубокими трансформациями территориальных структур в Западной Европе. Благодаря трудам Бодена во второй половине XVI века определился новый подход к территории как политической категории — идея о том, что правитель государства обладает *абсолютной властью* над своим доменом. Работы Бодена вдохновили других исследователей, в частности, голландского юриста и политического деятеля Гуго Гроция (1583–1645), описавшего и обосновавшего территориальный порядок, в котором государства оказывались свободными от внешнего контроля. Впрочем, независимое государство не было единственной территориальной моделью Европы XVII столетия; важную роль в данный период продолжала играть Священная Римская империя, в рамках которой сосуществовали конфедерации, герцогства, графства, вольные города. Однако с течением времени именно *независимое территориальное государство* становилось все более важной частью концептуализации Европы. Вестфальский мир оказался первой ступенью оформления системы суверенных государств, поскольку составившие его договоры предусматривали соглашение о признании политической автономии территориальных единиц, входивших в Священную Римскую империю.

Период, наступивший после Вестфальского мира, был отмечен относительной стабильностью; усиливалась интеграция территорий (в частности, через начавшееся создание национальных рынков) и складывались интересы территориальных государств как независимых целостностей. Постепенно суверенно-территориальная модель стала единственно возможной формой организации политической жизни. После завершения Тридцатилетней войны одной из приоритетных задач стало поддержание баланса сил между государствами, причем конкретной манифестацией этого явилась разработка формальных пра-

вовых принципов, регулирующих вопросы войны и мира. Таким образом, в Европе начало складываться международное сообщество и, соответственно, не только *внутреннее*, но и *внешнее* измерение суверенитета. Возрастающая способность правителей контролировать собственные домены стала важнейшим политико-географическим сюжетом XVII — начала XVIII столетия, а крупные вестфальские государства превращались в доминирующие центры силы.

Однако новый порядок стал размываться уже в середине XVIII века. К этому моменту многие мелкие и мельчайшие государства Европы были поглощены своими соседями: их правители не сумели эффективно реализовать принципы суверенитета. Крупные политии, в свою очередь, создавали мощные армии, разветвленные управленческие машины и хорошо интегрированные национальные рынки, при этом постоянно конкурируя между собой. Таким образом, укреплялось внутреннее измерение территориального суверенитета, в то время как внешнее, основанное на балансе сил, напротив, ослаблялось. В итоге к XIX веку наполеоновская Франция поставила под вопрос саму идею общеевропейской системы суверенных территориальных государств. В стремлении создать новую, небывалую прежде империю Наполеон (1769–1821) подчинил себе существенную часть Европы, однако даже в апогее его господства некоторые ключевые атрибуты суверенитета по-прежнему сохраняли свое значение.

Наполеоновский период оказался относительно кратким отклонением от вестфальских норм, а после поражения Наполеона участники Венского конгресса 1814–1815 годов восстановили на континенте систему юридически суверенных государств. Уважение суверенитета во внутреннем и внешнем его измерении оказалось главным условием сохранения существующего территориального порядка. Действительно, на протяжении нескольких десятилетий решения, принятые в Вене, «замораживали» любые зна-

чительные преобразования политической карты Европы. Однако в долгосрочной перспективе им так и не удалось сдерживать подъем новых политических и социальных сил, вылившийся в объединительные движения в Германии и Италии.

Важнейшим феноменом XIX столетия явилось становление национализма — доктрины, объединяющей воедино людей и территорию, на которой они проживают. Если до пришествия национализма суверенитет воплощался в *правителе*, контролирующем свою территорию, то теперь его главным воплощением выступала *нация*, а политические территории сделались «отражением» наций. Вопрос об очертаниях политической карты Европы в очередной раз приобрел ключевое значение с окончанием Первой мировой войны: конструируя после поражения Германии и Австро-Венгрии новый политико-территориальный порядок, державы-победительницы стремились сохранить прежнее отношение к суверенному территориальному идеалу. Альтернативный подход тогда был просто невозможен: единственным отклонением от принятого идеала оказалась Лига Наций (1919–1946), но ее деятельность имела маргинальное значение. Версальская система, закрепившая в 1919 году итоги Первой мировой войны, была выстроена фактически на вестфальском фундаменте и базировалась на принципе *национального самоопределения*. Еще одна попытка переписать карту Европы исходя из имперских принципов, предпринятая нацистской Германией в 1939–1945 годах, в ходе Второй мировой войны, оказалась, так же как и наполеоновская, безуспешной, и к середине XX века состоятельность системы суверенных территориальных государств вновь получила подтверждение. Территориальное государство сохранило свою силу, а политическая карта Европы, основу которой оно составило, образовала «несущую конструкцию» современного политического устройства. Суверенитет сделался практически синонимом территориального государства.

Основные концепции суверенитета

Важным вкладом в разработку наследия Бодена стала концепция *правового суверенитета*, в середине XIX столетия выдвигнутая английским правоведом Джоном Остином (1790–1859). Он полагал, что все законы являются своего рода «повелениями» суверена, обязательными для исполнения, поскольку в случае их игнорирования суверен имеет право на насилие. При этом никакая внешняя сила не располагает реальными возможностями влиять на суверенную власть: следствием этого положения оказался, в частности, вывод о том, что международные законы невозможны, поскольку отсутствует суверен, который мог бы обеспечить их исполнение. Доктрина правового суверенитета была крайне влиятельной в XIX веке, но со временем ее начали подвергать все более острой критике за отождествление правовых полномочий и политической власти, а также за апологию абсолютизма.

Демократический взгляд на проблему суверенитета проявился в работах английского философа Джона Локка (1632–1704), который утверждал, что источником суверенитета выступает *не государство, но народ*. Естественно, «народ» в понимании Локка был довольно узким понятием, ибо к нему причислялись преимущественно землевладельцы, заинтересованные в ограничении абсолютизма. Тем не менее здесь уже присутствует демократическое по духу положение о том, что народ обладает властью *по праву*, и именно ему предстоит принимать решения относительно формы этой власти. Таким образом, наряду с концепциями *государственного* и *правового* суверенитета вполне можно говорить о концепции *народного суверенитета*. Наиболее законченное развитие ей придал французский просветитель Жан-Жак Руссо (1712–1778).

Отметим, что взаимоотношения между различными концепциями суверенитета были и остаются довольно сложными. Народный суверенитет, противопоставляя и разделяя народ и государство, не всегда сочетается с суверенитетом госу-

Взаимодействуя в глобальном мире, государства, как большие, так и малые, отказываются от безусловности собственного суверенитета, уступая, делегируя, дробя его

дарственным. Однако он способен и усиливать государство, если последнее претендует на воплощение воли народа; в данном случае власть государства легитимируется и, соответственно, усиливается аргументами обеих концепций. Подобная комбинация может придать государству новое качество, наделяя его *народным государственным суверенитетом*. В предельном случае речь может идти о *полном единстве народа и государства*, которое не нуждается в специальных институтах народного представительства, то есть о *тоталитарных политических режимах*.

Положение о том, что *государство представляет нацию*, является определяющим принципом, который организует политическую жизнь в XX и в начале XXI столетия. Поскольку национализм превратился в доминирующий и мобилизующий фактор XIX и XX столетий, становится очевидным, что государства, которые достигли максимальной эффективности в эксплуатации национальных чувств, приобрели дополнительные источники силы, в то время как не освоившие этот навык, напротив, ослабели. Соединение народного государственного суверенитета с идеей нации привело к формулированию концепции *национального суверенитета*. Здесь, однако, возникает вопрос о том, в каких отношениях друг с другом состоят концепции народного и национального суверенитета и может ли вооб-

Александр Позин. Дверь. 1988

ще концепция *национального* суверенитета иметь *демократическое* содержание. Отвечая на него, сторонники либеральной идеи заявляют, что это вполне возможно, если политический режим государства отвечает критериям демократии.

Суверенитет в федеративных полициях

Вестфальская система суверенных государств являлась, безусловно, доминирующей с точки зрения территориальной организации политической власти. Однако эта система не была универсальной: на ее периферии складывались политические образования другого характера, наиболее известными из которых стали Ганзейский союз, Швейцарская конфедерация, Священная Римская империя, Соединенные Штаты Америки на раннем этапе их истории. С точки зрения неординарного подхода к суверенитету наибольший интерес представляет именно политическая система США в период между окончательным оформлением союза (1781–1789) и Гражданской войной (1861–1865). Она получила название «филадельфийской», а ее институты были задуманы таким образом, чтобы избежать воспроизведения политической среды европейского типа, которая считалась излишне централизованной и крайне коррумпированной. В отличие от европейского, американский политический порядок базировался на изначально центральной роли *суверенитета народа*, а не монархического и абсолютистского государства.

Одним из следствий этого базисного подхода стало оформление динамичного и множественного взгляда на суверенитет. Он провозглашался *делимым*; это означает, что политическая власть может (и в демократической политической системе должна) осуществляться не *единственным*, а *несколькими* различными институтами, каждый из которых относительно автономен. И в теории, и на практике суверенитет может располагаться в различ-

ных точках политической системы, и в зависимости от его местоположения образуются различные уровни реализации власти. Для федеративной политики актуальна концепция разделенного суверенитета (*shared sovereignty*), в рамках которой власть территориально распределена между разными уровнями, но между ними при этом существуют явные сферы пересечения. Государство же в целом сохраняет суверенитет по отношению к внешнему миру.

В «филадельфийской» системе, таким образом, отсутствовал единый суверен; его функции были разделены между федеральным уровнем и штатами, образующими союз. Федеральное правительство обладало существенными политическими полномочиями во многих функциональных областях, однако не имело «окончательной» власти для того, чтобы отдавать приказы штатам. Суверенитет принадлежал народу и отправлялся по поручению народа государством, однако происходило это не только на федеральном, но и на региональном уровне. Именно на таких основах построена американская модель федерализма, которую называют «дуальной» (или «дуалистической»). Согласно этой модели, оба уровня в федерации — как федеральный, так и региональный — опираются на собственные источники легитимации власти и полномочий, причем каждый властный уровень обладает значительной автономией. Иными словами, в подлинно федеральной системе каждая «властная площадка» располагает суверенитетом в собственной сфере ответственности, поскольку полномочия, которые она осуществляет, не делегировались ей другой «властной площадкой».

Современные проблемы традиционных концепций суверенитета

Наиболее серьезным вызовом для традиционных трактовок суверенитета являются так называемые глобальные

проблемы; их невозможно решить, оставаясь в рамках национального государства и, кроме того, они затрагивают подавляющее большинство стран мира. К глобальным проблемам относятся предотвращение войны и поддержание

Когда государство не справляется со своими обязанностями, оно теряет права суверена внутри собственных границ

мира, обеспечение стабильности сырьевых и финансовых рынков, преодоление экологических стрессов, ограничение роста числа беженцев, а также противостояние терроризму. Каждая из этих проблем заставляет пересматривать привычное отношение к суверенитету; взаимодействуя в глобальном мире, государства, причем как большие, так и малые, отказываются от безусловности собственного суверенитета, *уступая, делегируя, дробя* его.

Далее, на карте мира множится число стран, которые не в состоянии реализовать собственный суверенитет, то есть обеспечить защиту своих граждан и установить эффективный контроль над собственной территорией. К таковым относятся расположенные в основном в Африке «несостоявшиеся» и «кризисные» государства, в которых фактически нет центральной власти, предельно обострены межэтнические противоречия, отсутствует устойчивый контроль центральных правительств над территорией страны. Суверенитет подобных стран фиктивен, он не поддается реализации и потому не может в полном объеме уважаться другими государствами. Многочисленные примеры международного вмешательства во внутренние дела таких государств говорят о том, что традиционные теории суверенитета в упомянутых случаях просто не работают.

Итак, процессы глобализации подталкивают исследователей к пересмотру тео-

ретических воззрений на суверенитет: он больше не рассматривается как нечто тотальное, окончательное, монолитное. Суверенитет уже не является абсолютной ценностью, более того, «корзина» суверенитета, наличествующего в государстве, может быть наполненной в разной степени – все зависит от конкретного случая. Когда государство не справляется со своими обязанностями, оно теряет права суверена внутри собственных границ. Если государство

не в состоянии обеспечивать элементарные права граждан, и это приобретает массовый характер, оно утрачивает и внешнее измерение суверенитета, то есть международное признание. В подобных случаях практически неизбежно ограниченное или полномасштабное вмешательство извне, ибо глобальные средства массовой информации сегодня не позволяют правительствам скрывать внутренние проблемы. Традиционный суверенитет постепенно теряет свою субстанцию, а дальнейшее ограничение национального суверенитета превращается в устойчивую тенденцию.

Серьезнейший вызов национальному суверенитету представляет собой региональная интеграция, особенно там, где речь идет о действительно глубоких интеграционных процессах, как, например, в Европейском союзе (ЕС). Разумеется, если понимать под суверенитетом *окончательную* власть над определенной территорией, то совершенно ясно, что такая власть неизменно остается в пределах государств-членов. Ибо, поскольку Союз не располагает правом на легитимное насилие, окончательное решение, например, о выходе из состава этого объединения навсегда резервируется за гражданами того или иного демократического государства-члена. (Конечно, другое дело, что до сих пор подобная ситуация не была реализована, но теоретически она не исключена.) Далее, ЕС не обладает в полной мере ни одним из

признаков традиционного суверенитета. Безусловно, определенные области находятся в компетенции Союза как такового, однако в некоторых сферах (например, в общей внешней и оборонной политике) решения по-прежнему принимаются межгосударственным методом, так что решающее слово и здесь остается за государствами-членами. Даже территория — наиболее очевидный признак суверенитета — не является для этого объединения бесспорной. Так, официально в ЕС входят 25 государств, однако территория, охватывающая экономический и валютный союз (наивысшее достижение европейской интеграции), географически гораздо меньше. Таким образом, ЕС вынужден отказаться от принципа универсальности: он предусматривает гибкие пересекающиеся территориальные объединения, причем эта особенность — «изменяющаяся геометрия» — станет, по-видимому, еще более заметна в будущем.

Традиционная европейская концепция суверенитета в основе своей унитарна, то есть суверенитет, согласно ей, категорически неделим, и поэтому она неприменима к Союзу как многоуровневой системе. Европейским реалиям ближе концепция *плюралистического суверенитета*, которую в XX столетии разрабатывали политологи Гуго Пройс (1860–1925) и Гарольд Ласки (1893–1950) и согласно которой суверенитет в каждом обществе принадлежит различным политическим, экономическим, социальным и конфессиональным группам, не располагаясь постоянно в одном месте, но перемещаясь от одной группы (или совокупности групп) к другой. Наиболее радикальные сторонники плюралистического подхода к суверенитету идут еще дальше, утверждая, что государство — лишь один из примеров социальной солидарности, и оно не располагает никакой особой властью по сравнению с другими структурами общества.

Вместе с тем не следует думать, что понятие «суверенитет» ныне полностью исключено из европейского интеграцион-

ного дискурса. Размышления о применимости (или неприменимости) концепции суверенитета к крайне сложному, уникальному случаю Европейского союза могут оказаться продуктивными, если говорить о «передаче» или «уступке» части суверенитета национального государства в пользу наднациональной системы. Фактически мы имеем дело с *делимостью суверенитета между национальным и наднациональным уровнями*. Передавая политическую власть в определенных областях, европейские государства тем самым отказываются от части своего суверенитета. Благодаря этому обстоятельству ЕС представляет собой новую фазу эволюции политико-территориальной структуры современных обществ, в отношении которой концепты прежних этапов, к каковым относится, в частности, и суверенитет территориального государства, должны использоваться с крайне серьезными оговорками.

Литература

- Категории политической науки*. Под ред. А.Ю. Мельвиля. — М: РОССПЭН, 2002.
- Киселева А.В., Нестеренко А.В. *Теория федерализма*. — М.: МГУ, 2002.
- Палиенко Н.И. *Суверенитет: историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение*. — Ярославль, 1903.
- Hinsley F.H. *Sovereignty*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- James A. *Sovereign Statehood: The Basis of International Society*. — London: Allen and Unwin, 1986.
- Biersteker T. and Weber S. (eds.). *State Sovereignty as Social Construct*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Newman M. *Democracy, Sovereignty and the European Union*. — London: Hurst, 1997.
- Ansell C. and Palma G. di (eds.). *Restructuring Territoriality: Europe and the United States Compared*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

*Ирина Бусыгина
Андрей Захаров*

*Джефф Малгэн,
директор Института
изучения общины
(Великобритания)**

Уроки власти

Впервые попав в правительство в пьянящие майские дни 1997 года, я ожидал, что возвращению к повседневной работе будет предшествовать недолгий, но малопривлекательный период борьбы с бюрократией. Старожилы даже советовали мне подождать пару лет, прежде чем идти туда, ссылаясь на то, что поначалу неопытная группа министров-новичков непременно разведет путаницу в делах. Говорили также, что лишь немногим выходцам из научно-исследовательских учреждений и аналитических структур, а к такому вым принадлежал и я, удастся преуспеть в нездоровой атмосфере Уайтхолла и Вестминстера.

Однако мне уже приходилось сталкиваться с бюрократическими организациями. Я начинал свою карьеру в Совете Большого Лондона, а затем работал в Европейской комиссии. Кроме того, я довольно неплохо знал многих министров, управляя офисом Гордона Брауна в начале 1990-х, и принимал участие в составлении лейбористской предвыборной программы, которая, по моему мнению, пусть и не отличалась амбициозностью, но была достаточно практичной, чтобы произвести впечатление на избирателей. В конечном счете я задержался на Даунинг-стрит на семь лет, значительно дольше, чем предполагалось, и благодаря этому получил возможность изнутри наблюдать за работой одного из наиболее успешных, по крайней мере в вопросах внутренней политики, правительств последнего времени. В политической жизни самое главное обнаруживается лишь задним числом, но я, тем не менее, постараюсь изложить предварительные уроки, вынесенные из личного опыта.

1. Правительство не должно добровольно отказываться от власти. Принято считать, что современные правительства слабеют, передавая полномочия наверх (глобальному рынку или Брюсселю), вниз (народу) или вовне (частному сектору и средствам массовой информации). Я же, однако, покидал кабинет министров с ощущением, что представление об усугубляющейся недееспособности ис-

** С 1997 по 2004 год Д. Малгэн занимал различные посты на Даунинг-стрит, 10, в том числе работал в отделе стратегического планирования. Статья была опубликована в майском номере журнала Prospect за 2005 год. Печатается с небольшими сокращениями. — Прим. перев.*

полнительной власти обманчиво. Действительно, мощные силы ограничивают нынешним правительствам пространство для маневра: глобальный рынок и принятые в его рамках соглашения влияют на экономическую политику, а СМИ и бизнес оказывают такое же давление, какое несколько десятилетий назад оказывали церковь и профсоюзы. Но тем не менее основополагающие полномочия, например право налогообложения, по-прежнему остаются за национальными кабинетами. В странах – членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) доля правительственных расходов в ВВП в последние десятилетия *даже возросла*. Наиболее преуспевшие экономические системы курируются довольно сильными правительствами. Более того, из-за глобализации расширились их возможности в принятии решений, касающихся противодействия экологическому кризису или организованной преступности. И хотя правительство играет сейчас меньшую роль в экономике – бесчисленные бюрократы, еще поколение назад управлявшие национализированной индустрией, почти исчезли, – эта уступка была компенсирована ростом влияния министров в вопросах здравоохранения, социальной защиты, безопасности. Иными словами, представления о бессилии правительства, невзирая на все попытки представить тому неоспоримые доказательства, достаточно иллюзорны.

2. Доверие – самый важный капитал правительства. Режим Джона Мейджора был наглядным примером того, как утрачивается доверие. Риторические рассуждения о «возвращении к базовым ценностям» в совокупности с чередой скандалов дискредитировали консервативный кабинет в то время, когда публика и без того уже привыкла относиться к политикам без уважения, насмехаясь над невыполнимыми обещаниями, посредственным качеством работы и неспособностью говорить правду.

Лейбористы, будучи в оппозиции, хорошо усвоили эти уроки. Они пришли к выводу, что обещать следует только то, что можно впоследствии исполнить и что к коррупции нельзя проявлять терпимость. Оценив зависимость между доверием, оказываемым государственным органам, и информированностью населения об их работе, партия решила не только непрерывно предоставлять данные о предпринимаемых ею шагах, но и обосновывать свои действия.

К сожалению, после прихода к власти мы иногда забывали об этих уроках. Одна из проблем заключалась в том, что полномочия, которыми избиратели в 1997 году наделили лейбористов, оказались шире, чем партия запрашивала: скромные обещания лейбористов резко контрастировали с безбрежным энтузиазмом публики. В большинстве случаев вакуум между взятыми обязательствами и ожиданиями населения заполнялся усердными разглагольствованиями министров. Заявления правительства о выделении средств повторялись столь часто, что, скажем, существенное наращивание ассигнований на здравоохранение и образование как бы обесценивалось, превращалось в нечто обыденное. О некоторых едва начатых проектах заявлялось как о безусловно успешных, а многие инициативы, результативность которых зависела от достаточно медленного привыкания к ним общества, как, например, проект «Уверенный старт»* или

* «Уверенный старт» («Sure Start») – общенациональная программа, призванная осуществлять помощь в обучении и воспитании детей в возрасте от двух до четырех лет. Главный объект заботы – дети из экономически слабых регионов страны, проживающие в наименее обеспеченных семьях. – Прим. перев.

программа по восстановлению соседских связей, внедрялись слишком быстро. Пропагандистская машина хорошо справлялась с публикацией опровержений, но куда хуже у нее получалось влиять на умы людей в духе Маргарет Тэтчер; она не была приспособлена для завоевания доверия населения.

Все это имеет значение, поскольку падение доверия к органам власти отнюдь не является неизбежным. Публика, безусловно, не слишком почтительна к ним сегодня. Но при этом во многих странах уровень доверия растет; даже в англоговорящем мире, где правительства традиционно высоким доверием не пользуются, картина не везде однозначна. Например, в 1975 году только 20 процентов американцев в возрасте от 18 до 29 лет доверяли тем, кто отвечал за оборону страны. Однако через четверть века армия стала институтом, пользующимся едва ли не самым большим авторитетом в США: в 2000 году 63 процента населения поддерживали вооруженные силы, в то время как конгрессу доверяли лишь 25 процентов. Причинами этого явились удачные операции в Гренаде, в Панаме и Персидском заливе, профессионализм и активная пропаганда в целях улучшения имиджа. Другим примером может служить британская продовольственная политика. После эпидемии «коровьего бешенства» уверенность в том, что наше правительство способно гарантировать безопасность продуктов питания, заметно упала. Но появление нового государственного агентства, ответственного за соблюдение стандартов продуктов питания, работающего гласно и недвусмысленно, исправило ситуацию. В целом можно сделать вывод о том, что колебание уровня доверия куда больше зависит от политики самой организации, нежели от каких-либо общих тенденций. Компетентные институты, преследующие понятные обществу и морально обоснованные цели, активно сотрудничающие с населением и быстро признающие свои ошибки, пользуются наибольшим доверием. Но ни одна из этих характеристик не дается правительствам без труда.

3. Правительство переоценивает свои возможности добиться изменений в короткий срок и недооценивает их в долгосрочной перспективе. Спустя шесть лет после победы лейбористов 1997 года в рамках сформированного ими кабинета был учрежден отдел стратегического аудита, призванный обобщать информацию об обстановке в стране и эффективности работы правительства. Его деятельность включала в себя систематическое сравнение Великобритании с другими государствами, оценку происходящего в наиболее важных сферах государственной политики и анонимные опросы почти всех министров и большинства постоянных секретарей.

Проведенные исследования позволили понять, в каких областях Великобритания преуспевает, а в каких по-прежнему отстает. По многим направлениям самых лучших результатов добились небольшие государства Северной Европы, особенно скандинавские: они опередили лидеров, на которых мы равнялись в недавнем прошлом, — США, Германию, Францию, Японию. Им удалось сделать это прежде всего благодаря тому, что они предложили новые модели сочетания рыночных механизмов и эффективной политической системы, в особенности в плане использования человеческого и социального капитала. Страны, преуспевшие в последние десятилетия, объединяла и другая черта: они отдавали приоритет долгосрочным реформам и планированию. В большинстве государств, лиди-

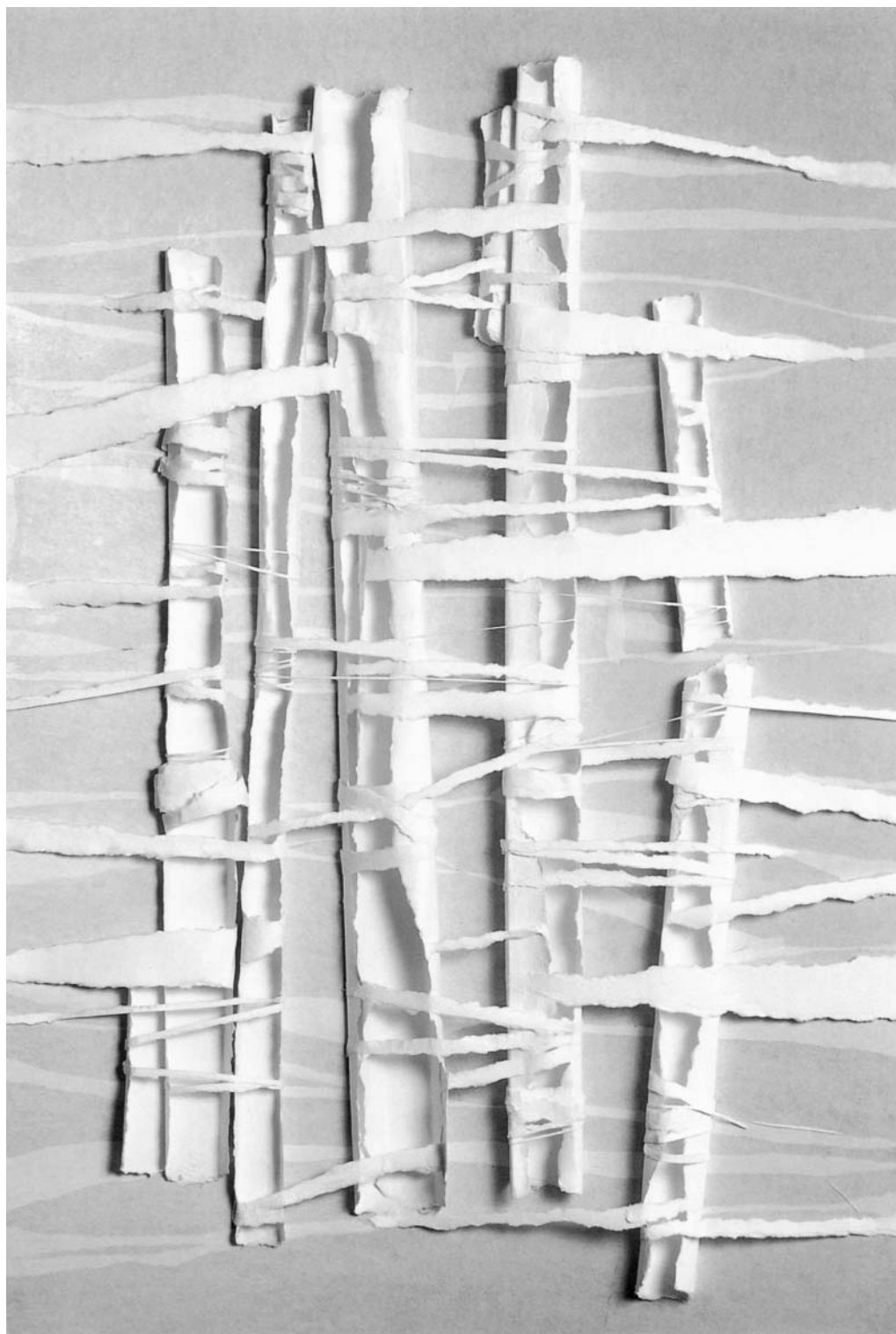
рующих в современном рейтинге конкурентоспособности, — в Финляндии (1), Швеции (3), на Тайване (4), в Дании (5), Норвегии (6), Сингапуре (7) — в государственном аппарате существуют специальные подразделения, отвечающие за выработку перспективных стратегий и способные бросить вызов застою.

К тому моменту, когда к власти пришли лейбористы, способность Уайтхолла стратегически мыслить и действовать практически атрофировалась. В условиях неустойчивого парламентского большинства середины 1990-х годов консервативное правительство было вынуждено мыслить в масштабе дней, а не десятилетий. После 1997 года Тони Блэр предпринимал активные меры по эффективной реорганизации кабинета. Специальным правительственным подразделением, в учреждении которого я принимал участие, были сформулированы важные управленческие принципы: тщательный анализ фактов; гласность, предполагающая максимальную степень обнародования материалов в прессе; поддержание равной пропорции «своих» и привлеченных аналитиков; быстрая реализация сделанных выводов. В последующие несколько лет в британскую управленческую систему внедрили ряд революционных изменений. В каждом ведомстве была образована группа стратегического планирования. Пятилетние планы развития, опубликованные всеми ведущими ведомствами, явились существенным шагом в совершенствовании управленческой деятельности правительства и привлекли к себе внимание государств во всем мире, начиная с Бразилии и Китая и заканчивая Россией и Японией.

Придерживаться стратегических подходов — дело, непростое для любого правительства. Приходится противостоять давлению политики и тактики, велик риск личностных конфликтов. Но сочетание здравого анализа, четкого следования принципам и реальной оценки возможностей могут принести добрые плоды. Множество примеров этого есть на международном уровне, но и недавняя британская история подтверждает ту же закономерность: многие проблемы, прежде казавшиеся неразрешимыми, были преодолены. Наши предшественников приводила в отчаяние неспособность бороться с высокой инфляцией, безработицей, забастовками. Однако, как отмечалось не так давно в *Times*, «то, что одному поколению представлялось неразрешимым, впоследствии преодолевается проще, нежели изначально можно было представить. Правительства переоценивают свои возможности добиться изменений в короткий срок и недооценивают их в долгосрочной перспективе».

4. Правительство должно опираться на независимые источники информации.

Частичный переход к стратегическому стилю управления отражает изменившееся отношение правительства к источникам информации. В прошлом, обосновывая свои действия, правительства опирались в основном на идеологию, инстинкт и политические расчеты. Но сейчас искусство управления все более уподобляется науке. Поставщиками информации могут выступать университеты, международные организации, само правительство. Как правило, получаемые выводы довольно банальны, но тем не менее одной интуиции для их получения было бы недостаточно. Таковы, например, заключения о том, что между объемами средств, выделяемых на образование, и конечной отдачей отсутствует прямая взаимосвязь или что выделение дополнительных денег на борьбу с наркоманией обычно усиливает позиции организованной преступности.

Елена Прейс. Композиция на вогнутой поверхности. 2000

Правительство достигает наибольших успехов в тех областях, где его информированность максимальна и где независимые «оценщики», например аудиторские компании, играют наиболее значительную роль. В социальной политике, которой в 1997–2000 годах я уделял основное внимание, почти все, что мы предпринимали, имело под собой научное обоснование: наш новый курс опирался на опыт программ социального обеспечения, реализуемых в Скандинавии, Северной Америке и Австралии, которые предварительно подверглись тщательному исследованию. Упомянутая выше программа «Уверенный старт» была подкреплена массой аргументов, свидетельствующих о благотворности воспитательного и образовательного воздействия в первые годы жизни ребенка. Прикладные исследования, направленные на накопление новых знаний, получили повсеместное распространение; они воплощали тезис о том, что лучше предварительно апробировать идею в ограниченном пространстве, чем испытывать ее сразу на всем населении.

Не может быть простым совпадением то, что некоторые из наиболее серьезных управленческих проблем имели место именно в тех областях, которые остались не охваченными данным нововведением. В прошлом разведывательные службы зачастую давали такие тайные рекомендации, которые соответствовали их собственным интересам. Обычно они преувеличивали перед доверчивыми политиками возможную опасность. В ретроспективе, несмотря на достаточно трезвые экспертные выкладки объединенного комитета по делам разведки, когда дело дошло до оценки оружия массового поражения в Ираке, этот вопрос, во-первых, не исследовался детально, а, во-вторых, собранная информация не была протестирована на достоверность. И напротив, в более открытой системе сбора данных, используемой ООН и журналистами, к истине удалось подойти гораздо ближе.

Повышенное внимание к знанию не умаляет роли ценностей и идеалов. Фактическая база обычно не полна, и никакая совокупность фактов не способна подсказать правительству, чем оно должно вдохновляться и на какие ценности опираться. Однако дополнительные данные могут уберечь от ошибок и бесплодных усилий.

5. *Правительству необходимо постоянное обновление, иначе оно обречено на стагнацию.* Каждое правительство стоит перед риском упадка. Период подъема всегда сменяется периодом застоя. Начиная свою работу с рвением и энтузиазмом, правительства выдыхаются, как только политики начинают верить собственной пропаганде и прислушиваться к льстецам. И все же некоторым правительствам удается самообновляться, причем порой на протяжении многих десятилетий. Во время первого срока правления лейбористов мне довелось побывать в нескольких странах, в том числе в Канаде, Японии, Нидерландах и Швеции, где правящие партии или коалиции на протяжении длительного времени оставались у власти. Из опыта этих стран я постарался вынести несколько уроков, которые оказались довольно просты. Во-первых, обновление привносят новые люди: в некоторых случаях требуется полная замена состава правительства, в других достаточно нового лидера. Ничто так не символизирует обновление, как избрание молодых политиков на места старой гвардии. Во-вторых, необходимо пересматривать программы, по-новому излагать и обосновывать цели и идеи партии. В-третьих, за новыми программами должна стоять действительно новая политика. И в-четвертых, необходимо искать новые

пути коммуникации, потому что методы, помогавшие прийти к власти, позже теряют свою эффективность.

В последние годы лейбористы стараются придерживаться этих правил. И хотя существенных изменений в составе руководящих органов не произошло, партия тем не менее идет вперед, вовлекая в сферу своих интересов все новые сюжеты — проблемы детства, делегирование полномочий, социальную мобильность. Лейбористы основательно поработали и над обновлением своей программы. Пятилетний план, одобренный в 2004 году и сформулировавший программный манифест партии задолго до выборов, представлял собой масштабное обновление политики.

Как известно, правительство Эттли полвека назад исчерпало свой идейный потенциал уже через пять лет пребывания у власти. Одно из великих достижений Блэра и Брауна состоит в том, что они не снижают обороты, но, напротив, зачастую подвергаются критике за свое чрезмерное усердие.

6. Динамичные правительства остаются открытыми. Обновление редко стимулируется только изнутри. Одна из оптических иллюзий чиновников состоит в том, что они склонны считать именно себя лидерами перемен. Но на деле наиболее революционные планы поступают извне, от общественных или идейных движений. Чаще всего правительство лишь двигатель, а не инициатор. Оно, конечно, играет роль во внедрении изменений, но вступает в процесс только на заключительной стадии. Коммерциализация социальных служб, оживление темы долга третьего мира, новая политика в отношении детства — все это, прежде чем стать политическим курсом, рождалось и продумывалось вне правительства.

Вот почему динамичному правительству так важно оставаться «пористым», то есть проницаемым для взглядов и идей бизнеса и неправительственных организаций, общественности. По этим же причинам самые сильные правительства по всему миру осознают, что им необходимо внедрять инновационные приемы в свою повседневную работу: это делается с помощью экспериментальных зон, пилотных проектов, конкурсного финансирования, поощрения наиболее интересных предложений. Ведь новым идеям необходимо время, чтобы созреть, причем наиболее успешно это происходит в тени, а не на всеобщем обозрении.

Новые лейбористы выступили за открытые методики управления, в рамках которых проекты политических решений первоначально представляются для сторонних оценок и обсуждений. Стратегический отдел, например, часто публиковал подробные планы своей работы, рабочие бумаги, новые проекты, побуждал все заинтересованные стороны принять участие в формировании политического курса. Это, разумеется, большой шаг вперед по сравнению с нездоровым сочетанием секретности и дилетантства, присущим политической инженерии 1970-х — 1980-х годов.

Впрочем, в ряде случаев нынешнее правительство продолжает оставаться более закрытым, чем следует. И без того сильная склонность к конфиденциальности только усиливается перед угрозой утечки информации к жадущей сенсаций прессе. Одно из последствий замкнутости — осуществление работы небольшими группами без должного привлечения экспертов и юристов, не говоря уже о широкой общественности.

Евгений Гор. *Веревочная серия*. 1998

Излишняя централизация также остается большой проблемой. Несмотря на предпринимаемые шаги, столь ожидаемое возрождение местного самоуправления едва заметно. Другие страны извлекают немалые преимущества из того, что их города и регионы, опирающиеся на прочную финансовую базу и наделенные широкими полномочиями, способны экспериментировать и прокладывать новые пути для страны в целом. Их политики проходят своего рода тест на местном уровне, прежде чем попасть на уровень национальный. У нас же до занятия министерских постов некоторые вообще ничем не руководили. Финансовая самостоятельность местной власти и наделение ее управленческими полномочиями, а также дальнейшие политические реформы (например, переход к прямым выборам мэров) принесли бы пользу. Но до тех пор пока сами национальные партии не начнут побуждать честолюбивых политиков сначала пробовать себя на местном уровне, а не рваться сразу в Вестминстер, не стоит ждать здесь серьезных изменений.

7. Правительству необходима идеология и философия управления. Прогресс всегда предполагает абсолютные или относительные изменения властных балансов. Это заставляет правительства покушаться на устоявшиеся интересы, используя хитрость и силу, чтобы справиться с ними. Правительствам также необходимо черпать энергию из ценностного видения ситуации. В некоторых отношениях новые лейбористы намеренно воз-

держивались от артикулированной идеологии, используя все, что эффективно, и избегая четких идеологических рамок, способных напугать сплотившуюся вокруг них пеструю коалицию.

Тем не менее их лидеры осознавали, что без философии управления им будет трудно обеспечить единение той флотилии органов, из которых состоит современное государство. В результате они приложили немало усилий к тому, чтобы четко сформулировать свою концепцию. Многочисленные семинары, встречи, публикации являются лучшим подтверждением этого.

Но выработка нового идейного имиджа партии сдерживалась целым рядом факторов. Дело в том, что политические партии существовали прежде всего для того, чтобы выигрывать выборы, а в 1980-е годы это получалось у них не слишком хорошо. «Отцы-основатели» нового лейборизма вышли из сферы коммуникаций и маркетинга. Они прекрасно справились с задачей «ребрендинга» партии, по-новому сформулировали ее лозунги и программу, приспособив их к чаяниям колеблющихся избирателей. Но их конечный продукт был не столько новой идеологией или стратегией преобразований, сколько предвыборной тактикой.

К несчастью, те самые факторы, которые обеспечили ее успех в качестве предвыборной программы, обусловили ее неминуемую слабость как программы управленческих преобразований. Несмотря на существенный прогресс в сокращении бедности и предоставлении новых социальных возможностей, подход новых лейбористов не слишком отвечал интересам наиболее могучих игроков — лондонских СМИ, большого бизнеса, Сити, которые часто становились на пути прогрессивных реформ. В итоге преобразования в сфере просвещения, экологического регулирования, налогообложения необоснованно сдерживались.

По моему мнению, если бы министры могли повернуть время вспять, то в этом отношении они кое-что изменили бы. Большая идеологическая ясность создала бы некоторые негативные моменты на выборах, но она принесла бы правительству и неоспоримые преимущества, обеспечив укрепление внутрипартийного единства.

8. Любые идеи должны обретать свое организационное воплощение. Мы живем в мире организаций; идеи и ценности, не пустившие корни в каких-либо организациях, быстро угасают. Поэтому институциональное строительство имеет существенное значение для любой политической партии, заинтересованной в радикальных изменениях. Лейбористы после 1945 года, как и консерваторы после 1979-го, четко понимали, что новые нормы и ценности должны укореняться с помощью институтов.

Порой лейбористы придерживались довольно радикальных взглядов в отношении институтов. Предлагаемые ими конституционные изменения были рассчитаны на поколения вперед; ими были созданы новые региональные органы и множество новых общественных служб. Существующая система министерств и государственных агентств, с точки зрения партии, была не способна решать проблемы бедности, а низовые структуры не отвечали потребностям населения. Наконец, лейбористы явились пионерами в переходе от классической административной системы XIX века, основу которой составляли министерства, к «консолидированному» правительству, гибко сочетающему временные рабочие группы и постоянные структуры.

Но, оглядываясь назад, можно сказать, что новые лейбористы пошли не достаточно далеко. Их лидерам не хватает опыта в управлении организациями; они склонны верить, что достаточно поставить во главе учреждений нужных людей, и тогда все пойдет гладко. Каждый раз, когда зарождающиеся новые формы власти вступали в конфликт со старыми, старое, опиравшееся на своих сторонников в Уайтхолле, побеждало. В результате, несмотря на ряд довольно любопытных экспериментов, Великобритания до сих пор пребывает в ожидании радикального реформатора, который заставит государство эффективно подступиться к таким серьезным проблемам, как изменения окружающей среды, бедность, избыточная централизация власти.

Проводить политические реформы не просто. В успехе важную роль играют анализ, стратегия, способы реализации, а также удача. Но зачастую определяющими оказываются не эти внешние признаки, а преданность и энергия небольших групп людей. Большинство радикальных реформ последнего времени предлагалось узкими и сплоченными группами, состоящими не более чем из десятка человек, включая ключевых министров, советников, государственных служащих, привлеченных экспертов. Когда у подобной группы есть четкое видение того, к чему она стремится, сделать можно довольно многое. В подразделениях, где такие группы отсутствуют, может кипеть деятельность, но в сумме итог будет не большим, чем у его отдельных представителей. Исторический опыт проведения в Великобритании реформ государственной службы или образования в середине XIX века или реформы здравоохранения в середине XX века дает аналогичные примеры позитивного влияния малых экспертных групп. Как правило, подобные группы пользовались непропорционально большим весом, опираясь при этом на смесь высоких идей и весьма низкой морали, формальных институтов и неформальных связей, а также острого желания перемен и циничного реализма по поводу того, как эти перемены воплотить в жизнь.

Многие покидают правительство, лишаясь иллюзий относительно его способности добиться изменений и проникаясь цинизмом касательно его политических мотивов. Я же уходил с несколько иными выводами. За правительством сохраняется огромный объем полномочий, и большинство министров и должностных лиц, которых я встречал, производило не менее достойное впечатление, чем их коллеги в любом другом секторе. Как и любое другое творение рук человеческих, правительство может ошибаться и впадать в высокомерие. Однако на сегодняшний день большую опасность представляет не столько самонадеянность, сколько вероятность того, что правительство поверит в поддерживаемый скептически настроенными журналистами миф о том, что оно бессильно, никчемно и никто ему не доверяет. Если оно поддастся этому, то не сможет бросить вызов никаким проблемам, начиная от экологии и кончая неравенством.

*Перевод с английского
Дафьи Захаровой*

Не упустить главного

Глядя в окно

Я вижу: землю, деревья, дома, людей, машины, небо, облака. Их можно слышать — они живут. Не раньше и не позже задышала весна. И все меняется. Природа пишет диктант по биологии. Ошибки приводят к срывам. Слишком много зла скопилось за зиму. Зла и агрессии. И где-то прорывает плотину. Дамбу добра. Ей не сдержать скопившейся агрессии. Ведь не всем достанется тепла. И солнца. Очередь. Вон за тем просили не занимать. Просто случайный выбор. Ничего личного. На первый взгляд. На второй: все связано со всем.

Глядя на текст

Я понимаю: все самое главное прячется где-то между букв, слов, строк. О том, о чем хочется сказать, почти нельзя написать. Ну, почти. Но я пытаюсь. Уже пишу.

Спрашивая себя

Я знаю: нельзя лечить плохие анализы или отдельные органы, нужно лечить больного. Нельзя опереться на частное, не видя целого. Нельзя устранить следствие, не понимая причин. Все, что нужно, есть в нас самих: и без вины виноватых, и без преступлений наказанных. Оскар Уайльд считал, что страх расплаты за грехи существует только в нашем воображении. Добродетель в реальности не вознаграждается. Сильный имеет все, слабому предлагают утешиться.

«И повелел Господь ангелу своему:

— Принеси мне самое ценное, что ты найдешь в этом городе.

И принес ему ангел оловянное сердце и мертвую птицу.

— Правильно ты выбрал, — сказал Господь».

Это из того же Уайльда, из сказки «Счастливый Принц». В разном возрасте эта короткая и пронзительная вещь вызывает одну и тот же эмоцию: безысходную и невыносимую тоску. Тоску оттого, что это — правда. Правда — это то, что есть. В действительности.

Глядя правде в один глаз

Миром правят инстинкты. Основные и альтернативные. Полезные и вредные. Древние и молодые. Сон, пища, любовь, безопасность — базовые витальные потребности из того же ряда. Мы не рождаемся «чистым листом». Компьютер без программ — просто железо. Мозг без инстинктивных программ — просто вещество. Мы часто и не догадываемся, что наши поступки генетически запрограммированы, а сознание лишь обслуживает тот или иной инстинкт, снабжая наши действия какими-то объяснениями. Ребенок начинает грабить раньше, чем говорить. Сознание может сдерживать, но может и отпускать на волю все то, что было накоплено не за одну тысячу лет естественным отбором. По идее, конечно, Го-мо должен быть сапиенсом. Но часто это только в теории. Человек должен не только звучать гордо, но и мыслить разумно. Гете, кстати, сильно сомневался в этой способности у людей.

Например. Министр обороны Иванов заявил, что армия является частью общества и раз общество больно, то и армия тоже, и дедовщина начинается с детского садика. В таком случае, Кремль с Белым домом и обеими палатами, прокуратура и суды тоже должны болеть, являясь частью общества. Я следую логике министра. То есть там должны быть представлены, как и в обществе, приличное количество олигофренов, психопатов, шизо-

фреников, алкоголиков, наркоманов, девиантов, склонных к социально опасным действиям воров, убийц, насильников. Это я еще не брал статистику по другим заболеваниям общества.

«Бессердечные братья Забодай, с улыбкой от уха до уха, скоро приедут в наш край, показывать свою силу духа. Они будут ходить по углям, они будут служить нам примером. Ах, как сладко нарушить закон, как хорошо быть старoverом», — поет Б.Г.

Глядя правде в другой глаз

Разум тоже правит миром. Зависимость от количества и качества серого вещества у правителей и уровнем жизни и свободы на вверенной им территории прямая. Чем больше сознательного (человеческого) вмешательства в естественный ход событий, тем больше гарантий от невоз-

можности реализации примитивных и простых решений. Все простые решения не что иное, как готовые программы, доставшиеся нам от первобытного стада. Когда суверенитет, управляемую демократию, вертикаль власти, страсть к стабильности, поиск внешних и внутренних врагов преподносят нам как высокую аналитику, плоды разума, мне смешно и грустно. Ведь они просто пересказывают содержание древних инстинктов, не более и не менее.

Пойдите в детский сад, понаблюдайте за детьми на прогулке. Там вы с удивлением обнаружите все кремлевские сценарии, разыгранные «здесь и сейчас».

Глядя правде в глаза

Когда на вершине пирамиды оказываются случайные люди, с ними происходят

драматические перемены на фоне страха и агрессии. Как если человека с равнины забросить на Эверест. Сначала: «Не до жиру, быть бы живу». Затем: «Не боги горшки обжигают». Сначала: все время тошнит и голова кружится. Затем...

Все, что нужно для удержания вершины, это настойчивая агрессивность, способность выдерживать прессинг и уверенность в себе. Отдаться во власть инстинктов и не мешать им реализовываться.

«Крем и карамель, — поет Б.Г. — А в восточных степях ходят люди в цепях».

В мире животных используются следующие виды «экономических отношений»:

1. Захват и удержание силой самого источника благ, богатого кормом места. Сам факт обладания им — признак силы и власти.

2. Отнятие чужой собственности силой (грабеж).

3. Воровство. Отличается от грабежа еще и тем, что совершается особью, стоящей ниже рангом обворовываемой. И знающей: попадешься — побыют.

4. Отнятие добра и благ по праву доминирования. Вымогательство «подарков».

5. Попрошайничество.

6. Обман. «Не обманешь — не продашь».

В мире людей есть еще два вида экономических отношений: получать зарплату и зарабатывать деньги самому. Вы, я надеюсь, без труда поймете, какие виды отношений используют доминанты.

Подходит Серый Волк к Красной Шапочке, кладет лапу ей на плечо, заглядывает ей в глаза и говорит: ну что, Шапочка, выбирай, слияние или поглощение?

Все тирании, от мягких до тотальных, опираются исключительно на инстинкты. Этому служат и символы власти и спецмероприятия. Совсем не случайно все началось с возвращения гимна: подкорка подсказала. Дальше — больше, глубже, шире.

Я опросил, кого знаю: какие образы и чувства первыми приходят на ум, когда вы слышите слово «патриотизм»?

Вот образы:

— любовь к Родине, которую нужно прививать;

— наше, родное, лучше чужого, даже если оно хуже;

— защита от врагов, плотнее сплотить ряды вокруг партии и т.д.;

— военно-патриотическое воспитание.

Вот чувства:

— возбуждение;

— агрессия;

— тревога;

— бдительность;

— подозрительность.

Реакции поставлены в столбик согласно частоте употребления. Не правда ли, впечатляющая картинка? Ни один образ не сопровождается нейтральным чувством, независимо от возраста респондента. С чего бы это?

Если развивать образ «любовь к Родине», то он превращается в Родину-мать, и далее в любовь к матери. Скажите мне, как можно прививать любовь к матери, тем более призывать к этому с трибун? Чувство любви к матери есть в нас по умолчанию. Кричать об этом нелепо. Родину и мать не выбирают. Поэтому любое понуждение к любви к Родине абсурдно. Ты патриот? Если нет, ты враг! На нейтральную позицию нет шанса. К тому же патриотический призыв запускает самую древнюю и опасную программу опознавания и разделения на «свой — чужой». И тогда становится понятным, почему патриотизм вызывает такой прилив агрессии и тревоги.

Русские и не русские, моя семья и не семья, богатые и бедные, водители и пешеходы, белые и черные, верующие и атеисты, южане и северяне, патриоты и пятая колонна. Все это не полный список возможных «свой — чужой». Единственным оправданием запуска такой программы является война. Война с реальным захватчиком-агрессором.

«Патриотизм — это убить иноверца», — поет Б.Г.

Учиться любить ближнего — вот адекватный призыв. Но он не приносит доминантам выгоды. Скорее наоборот — подтачивает вертикаль, ставит под сомнение иерархию, ранги.

Оглянитесь вокруг

Прогресс и регресс находятся между собой в постоянной диалектической конкуренции, как разум с подсознанием. Стоит ослабить контроль, как в прихожую уже вваливается толпа детей с дубинами. Они всегда там, за дверью, только и ждут момента, когда вы потеряете бдительность. Они всегда знают, что делать, эти граждане не склонны к рефлексиям.

Повинуясь силе привычек и научений, «случайные доминанты» рано или поздно должны были призвать на помощь церковь, один из древнейших прототипов властной иерархической пирамиды. Медленно и уверенно РПЦ внедрилась в систему власти уже на правах действительного и обязательного члена, считая себя главным недостающим звеном вертикали. И вот уже прямые трансляции ТВ из Храма на Пасху, целование креста под софитами: картинка, наезд, крупный план, губы начальников, крест. И уже стало нормой начинать дискуссии со слов «мне как православному» и т.д. Казалось бы, терпимости и миролюбия должно было бы стать больше. Куда там. Только добавили агрессии и страха. Странно? Нет. Истинно верующий человек – толерантный человек. И как было их около двух процентов, так, видимо, столько же и осталось. И как только фарисейства стало нестерпимо много, вдруг накатила волна исламизма. Джамааты. Их симметричный ответ. И нечего удивляться, что убийство на расовой и национальной почве стало доблестью. Варварские погромы на выставках – героизмом. Желание убить Чубайса – подвигом. Доразделялись на «свой – чужой».

Я не против веры, я против фанатизма. Я против, когда одним вопросом тебя ставят к стенке. Ты за кого? Ты чей? Ты наш?

XX век в России ознаменовался большим разворотом от прогресса к регрессу. «Элиты» перестали быть оппонентами власти и экспертами в истинном смысле. «Элиты» перестали быть таковыми. А те, кто не хочет лизать голенища, назначе-

ны врагами, фашистами, маргиналами. Политики больше нет. Время комиксов. Дискуссии на ТВ превратились в лай сторожевых собак. Это же времена инквизиции. Вся эта дешевая конспирология, склонность к мистике, резонерство. Моральная шизофрения. Всякий фундаментализм стал модным. Ортодоксы – герои нашего времени. Если бизнесмен, то непременно бизнесмен-патриот, не иначе. Словосочетания «гражданское общество», «демократия и либерализм», «правовое государство» вызывают у людей гомеорический смех.

«Только поздно, мы все на вершине. И теперь только вниз, босиком», – поет Б.Г.

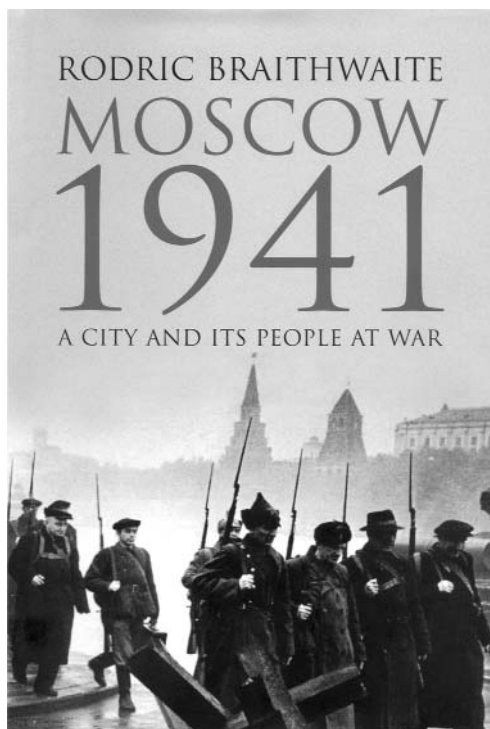
Да, человек неизбежно строит разные иерархии-вертикали. И это ничего не оправдывает. И мы знаем, к чему приводят супериерархии. Есть только одно лекарство от тотального единства – это многообразие и разделение. Участие в бесконечном количестве пирамид с разными интересами, независимыми друг от друга. Это и есть нормальная общественная жизнь.

Человек чувствует себя свободным, не угнетенным иерархической структурой, пишет профессор Дольник, если он, во-первых, знает, что может ни в одной из них не участвовать; во-вторых, участвовать во многих и занимать в каждой из них разный иерархический уровень; в-третьих, свободно покидать любую из них; в-четвертых, сам организовать группу, соответствующую его представлениям о целях, характере отношений и персональном составе. Это же гимн гражданскому обществу. И напротив, тоталитарные системы стремятся ограничить количество и разнообразие людских объединений, создавая суперструктуры и контролируя их административно.

*В статье прозвучали песни
Бориса Гребенщикова.*

*Независимый политический психиатр
Александр Мордовин*

Москва, 1941-й

Rodric Braithwaite. Moscow 1941. A City and Its People at War. — London: Profile Books, 2006. — 446 p.

То, что новая книга Родрика Брейтвейта посвящена России, совершенно естественно. Видный британский дипломат и историк уже много лет изучает нашу страну, стремясь понять ее и донести это понимание до своих соотечественников. На сей раз для постижения России он сосредоточил внимание на коротком по времени и ограниченном в пространстве участке исторической реальности. Всего один город — Москва. Всего один год — 1941-й. Главный город страны и переломный год в Великой Отечественной войне и в нашей истории.

Битва за Москву вроде бы не обижена вниманием историков, однако заметно проигрывает более поздним сражениям

Второй мировой войны — Сталинградскому, Курскому, Берлинскому. Между тем, как отмечает сэр Родрик, она была масштабнее, чем остальные. Под Москвой с обеих сторон сражалось вдвое больше людей, чем под Сталинградом или под Берлином! Почему же Московская битва отошла на второй план?

Как показывает в своей книге Р. Брейтвейт, именно в 1941 году и именно под Москвой советская система впервые дала трещину. Режим, основанный на коммунистической идеологии и страхе перед репрессиями, вынужден был обратиться к «неклассовым» ценностям патриотизма, любви к Родине, которые стали настоящим залогом победы. И можно сказать, что с этого момента начался долгий закат советского коммунизма.

«Москва, 1941-й» — книга не столько о войне, сколько о людях на войне. Брейтвейт мало пишет о боях, но много о человеческих судьбах. Город и год находятся в фокусе его внимания, но, как добросовестный историк, автор выходит за обозначенные географические и хронологические рамки. Прежде чем приступить к рассказу о том, как великий русский город боролся и победил, он старается ввести читателя в атмосферу того време-

ни и того пространства. Он обрисовывает исторический путь Москвы — от центра удельного княжества до «образцового социалистического города», сердца сталинской империи. Краткими, но точными мазками обрисовывает облик советского общества накануне войны. Через судьбы школьников и маршалов, партийных чиновников и простых рабочих, писателей и студентов он показывает, какой была страна к 1941 году и чем была для нее Москва.

Книга Родрика Брейтвейта не апологетическая и не разоблачительная. Совсем не бесстрастно, но очень внятно он говорит и о героизме, и о преступлениях. Картины бездумных репрессий, обрушившихся на армию в первые дни войны, соседствуют с картинами массового подвижничества. Народное ополчение и истребительные отряды, октябрьская паника, во время которой столица стала полем мародерства и трусости, и героизм солдат и ополченцев... Даже говоря о сталинском режиме, Брейтвейт старается быть объективным: он описывает не только его жестокость и антигуманность, но и способность к мобилизации масс, концентрации сил, к организации сопротивления...

Родрик Брейтвейт написал яркую полифоническую книгу. С ним можно спорить в каких-то исторических оценках, но воссозданная им атмосфера времени и места выглядит убедительной. И это не просто реконструкция ради реконструкции. Автора интересует ответ на вопрос: почему была одержана победа? Почему люди сражались за режим, который обратил их в рабство, — из страха или из любви к Родине? Для него самого ясно, что русские победили не благодаря, а вопреки режиму. Правда, режим сумел использовать победу народа в своих интересах, но его это уже не спасло. Разбуженное однажды национальное чувство в конечном итоге привело коммунизм к гибели.

Однако завершает свое повествование Р. Брейтвейт совсем не на оптимистической ноте. Он говорит о новом поколении россиян, которое не хочет помнить войну. О разочаровании. О ностальгии старых москвичей по военному времени, когда «не было такой горечи и такого одиночества, как сегодня» (слова советской кинозвезды Марины Ладыниной). Действительно ли прошлое — прошло, не оставив следа в наших душах? Это вопрос не к английскому историку — к российским современникам.

Юрий Гифенко

Региональное книжное обозрение

Меркушев В.Н. Права человека в контексте культурных различий: сравнительный анализ современных политических концепций. — Екатеринбург: УрО РАН, 2005. — 149 с.

В современной политике понятие «права человека» является одним из самых главных — и одним из самых спорных. При этом в оценках понятия преобладают крайности: либо это непреложная и неоспоримая ценность, либо вредный «общечеловеческий» миф. Не менее сложную проблему представляет собой и вопрос о культурных факторах политического процесса. И здесь также мы находим противоположные оценки — от абсолютизации до полного пренебрежения и от акцента на различиях и противоречиях (в духе знаменитого «Столкновения цивилизаций» С. Хантингтона) до сверхоптимистического мультикультурализма. И так же как в случае с правами человека, здесь почти отсутствует поле для консенсуса: некая средняя линия практически не находит последователей.

Уральский исследователь Виталий Меркушев свел вместе оба спорных вопроса. В книге, вышедшей в уже известной читателям нашего журнала серии «Феноменология политического пространства», сделана попытка рассмотреть проблему прав человека в культурном контексте. Попытка, надо признать, вполне интересная. Причем, сводя две спорные концепции, автор фактически вступает в спор по третьему, отнюдь не теоретическому, а вполне практическому вопросу современной глобальной политики — о допустимости насаждения либеральных ценностей извне.

В. Меркушев предельно лаконичен: например, обзор эволюции политической

мысли за четыре столетия занимает у него всего сорок страниц. Однако это ничуть не снижает качества текста, хотя, видимо, затрудняет восприятие для неискушенного читателя. Впрочем, тираж в 500 экземпляров все равно не дает оснований рассчитывать на широкий круг читателей, а специалистам не надо раздражать общеизвестное.

Естественно, в книге рассматриваются только западные концепции, поскольку теория прав человека родилась и развивается именно в западной политической мысли. Автор вычленяет три наиболее значимых подхода, на которых основываются современные концепты: этатистский, интернационалистский и космополитический. Рассмотрев их по отдельности и в сравнении, он приходит к выводу, что ни одна из них не отвечает современным условиям: «Указанные модели в условиях усиливающейся взаимозависимости, но при сохранении принципиального культурного многообразия, часто не срабатывают» (с. 127). И с ним трудно не согласиться, поскольку во всех трех вариантах сохраняется исходный евроцентристский импульс. Собственно, именно он делает возможным всякого рода гуманитарный интервенционизм, ничуть не приближающий «подопытные» страны к либеральному идеалу, но лишь усиливающий межкультурные противоречия — на радость Хантингтону.

Какой же подход нужен? Виталий Меркушев лишь обозначает направление, которое считает правильным: «минималистская культурно-релятивистская концепция», на основе которой, по его мнению, может быть построен широкий (глобальный?) политический консенсус. Как такая концепция может выглядеть на практике? Это уже сюжет для другой книги.

Гущин В.Р., Колобов А.В., Михалева А.В., Рязанова С.В. Традиционное политическое сознание: эволюция мифологии. — Екатеринбург: УрО РАН, 2005. — 275 с.

Политика всегда основана на мифе. Без мифологии нет идеологии, а без идеологии нет полноценного политического процесса — мы это ясно видим на примере сегодняшней России, да и не только России. «Разволшебствование» политики, о котором некогда писал Макс Вебер и которое приобрело глобальный масштаб в последние годы, нанесло сокрушительный удар политике как сфере деятельности. Не зря наиболее пронизательные мыслители (такие как Кристофер Коукер) говорят и пишут о необходимости ресакрализации политики.

Поэтому можно смело утверждать, что постижение смысла политики невозможно без осмысления ее мифологического субстрата. Вычленению и анализу такого субстрата посвящена книга четырех пермских историков и политологов, изданная в прошлом году в Екатеринбурге. Авторы стремятся перебросить мост от мифологических основ к современной политической реальности, прояснить истоки современной политической традиции и тем самым расшифровать ее базовые смыслы.

Сознавая иррациональность мифологического и религиозного опыта, авторы все же убеждены, что он «подвержен анализу картезианского толка» (с. 255). Поэтому они решительно препарируют механизмы функционирования мифов и преобразования их в политические идеи: они постарались максимально приблизить седую старину к актуальной современности, показав, что древние мифы продолжают жить в современных представлениях. Наиболее внятно им удалось сделать это на примере исламской традиции: рассмотрев основы исламского политического мышления (с. 230–240), они далее показывают, каким образом это мышление от-

ражается на современном политическом поведении мусульман (с. 241–254).

Пермскую четверку никак не упрекнешь в европоцентризме. Их монографии присущ широчайший географический и хронологический охват: от Древнего Египта до современного ислама и от Китая до Рима. На таком фоне особенно бросается в глаза полное отсутствие христианства. Исключение из рассмотрения христианской традиции нельзя объяснить тем, что авторы анализировали лишь более древние религиозно-мифологические системы или сосредотачивались только на «исходных» концепциях, не беря производные: ислам моложе и тоже вторичен по отношению к иудаизму (да и к самому христианству), но его исследуют. Объяснения в книге нет, нет его и у меня. Можно сказать, что авторы не просто сумели выйти за европейские рамки, но ушли за них слишком далеко.

Это порождает некоторые сомнения в правомерности сделанных в книге выводов: все же именно христианская мифология оказала наибольшее влияние на существующие сегодня политические концепты и современную политическую практику. Впрочем, авторы и сами это знают, о чем прямо говорят. Они не считают свою работу исчерпывающей и говорят, что исследовали лишь «один из компонентов деятельности огромного... социального механизма» (с. 258). Я бы уточнил — частично исследовали этот компонент. Что ж, будем надеяться на продолжение этой действительно важной и актуальной работы.

Юрий Гиренко

Александр Архангельский,
"Известия" - специально
для "Общей тетради"

Контрапункт

СКАЖИ МНЕ, КАКИЕ У ТЕБЯ ПРАВА, И Я СКАЖУ, КТО ТЫ

Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / Под ред. О. Малиновой и А. Сунгурова. – СПб.: Норма, 2005. – 272 с.

Среди понятий, которыми мы охотно оперируем, понятия «идентичность» и «права человека» занимают особое место. Ими не просто охотно жонглируют в политической, публицистической и даже обыденной речи, затыкая смысловые дыры звучными, но пустыми словесами; ими постоянно обмениваются как паролем или, наоборот, бросают в лицо противнику как вызов, влепят как пощечину: это противоречит нашей идентичности! сам ты правозащитник! Что же такое «права человека» и что же такое «идентичность» – об этом говорят крайне редко.

Если вообще говорят.

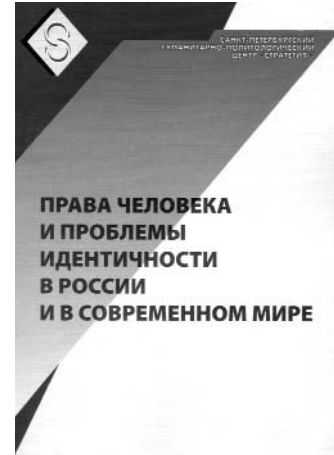
Питерский гуманитарно-политологический центр «Стратегия» этими проблемами занимается давно – и профессионально. Причем в отличие от большинства подобных центров «Стратегия» делает упор не на пропаганде *прав человека* (или, наоборот, традиционалистской *идентичности*), но на истории понятий и на исследовании общественно-политической и исторической реальности, которую они обозначают. На первых же страницах сборника мы узнаем, например, о том, как термин «идентичность» пришел в общественно-политический дискурс из психоанализа, какие шлейфы значений за ним тянутся, от каких чужеродных контекстов мыслимо избавиться, от каких нет и проч. Не могу сказать, что определение, которое при этом предложено О. Малиновой, само по себе отличается четкостью и вразумительностью: «Категория идентичности фиксирует важный элемент того, что в социологии знания называется субъективной реальностью, – социально детерминированные представления индивидов о своем “я”, складывающиеся в результате соотнесения с некоторыми “другими”». Можно было бы выражаться и попроще, и пояснее, и поконкретнее. Но в конце концов,

после некоторой интеллектуальной работы, тут можно разобрать, что к чему. А главное, когда дело доходит до обсуждения конкретных проблем окружающей нас социальной жизни, эти терминологические дефиниции начинают работать и все встает на свои места.

Один из нерешенных вопросов современной общественной теории, она же политическая практика, – вопрос о том, есть ли *коллективные права* разных общественных групп или только *личные права* человека и гражданина. Точнее, не то, есть ли они (когда разные группы, от этнических до религиозных общин, считают, что такие права у них имеются, стало быть, так тому и быть), а то, следует ли с этими правами считаться, их соблюдать, защищать и учитывать, если они приходят в противоречие с правами личности. Как только мы заявляем, что такие права должны учитываться и соблюдаться наравне с личными правами, на обочине нашей ойкумены тут же вспыхивает всежигающий огонь сепаратизма; сверхконсервативные группы, обособленно действующие внутри единых гражданских наций, начинают твердить о верховенстве коллективных прав над индивидуальными, поскольку без них, мол, невозможна государственная идентичность, причастность к историческому опыту нации; правозащитники восстают против этих групп, начинается раскол общества и т.д. Но стоит нам отказаться от признания коллективных прав, и тогда в нашем глобализирующемся мире под угрозой оказывается существование суверенных территорий, размывается культурный контекст, разрушаются религиозные общины...

В последнее время неоднократно предпринимались попытки выйти за пределы этого противоречия, на данном этапе человеческого развития представляющегося неразрешимым. Одна из них – декларация Всемирного русского собора о правах человека и достоинстве личности. Декларация эта вызвала бурную дискуссию в правозащитной среде, поскольку была воспринята не как религиозное *восполнение* светской философии прав человека, не как возвышение чересчур приземленной правозащитной доктрины до уровня христианского вероучения, а как замена и даже подмена начатками новой государственной идеологии России: национальные интересы выше личных судеб, соборное единение противостоит развращающему индивидуализму Запада. Многие увидели в тезисах Собора даже некий православный аналог индульгенции, которую Церковь готова выдать власти на преследование неугодных ей «индивидуалов».

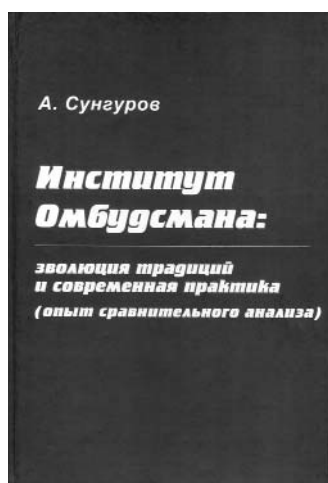
Не вдаваясь в спор по существу, отметим иное обстоятельство. То, что правозащитники и близкие им по духу исследователи чаще всего игнорируют проблему *религиозной идентичности* личности, общественных групп и целых сообществ, как раз и приводит к заведомому отторжению правовых ценностей религиозной средой. Всех ценностей, скопом, без разбора, анализа и попытки отделить приемлемое от неприемлемого. Между тем составители сборника являют в этом смысле приятное исключение;

здесь не только нашлось место для высказываний таких нетипичных «православных западников», как игумен Вениамин (Новик), но и серьезному, вдумчивому разговору о природе «коллективного сознательного» религиозных сообществ, как христианских, так и мусульманских. Такой разговор, начатый, между прочим, задолго до Всемирного русского собора, предоставляет шанс найти компромисс между *религиозной идентичностью* и *правами человека*. По крайней мере, нащупать «зоны спокойствия», бесконфликтного сосуществования разных мирозерцаний внутри единой российской культуры.

СКАЖИ МНЕ, КТО ТЫ, Я СКАЖУ, КАКИЕ У ТЕБЯ ПРАВА

А. Сунгуров. *Институт омбудсмана: эволюция традиций и современная практика (опыт сравнительного анализа)*. – СПб.: Норма, 2005. – 384 с.

Книга А. Сунгурова (он один из составителей только что отрецензированного сборника) вышла в том же издательстве, что и «Права человека и проблемы идентичности». Название издательства – «Норма». И оно очень характерно. Потому что существование омбудсмана в стране с разнородным населением, множеством культурных укладов, противоречивыми традициями, в стране, изломанной, искривленной советским опытом и никак не желающей выпрямляться, должно быть общепризнанной нормой. Как деревенский судья, старшина, избранный сходом, чтобы «по крестьянской правде», а не по барскому «закону» разбирает обыденные дела односельчан и своим личным авторитетом гарантировал непредвзятость решений, так *нормальный* омбудсман судит о делах города, области, страны «по правде» междуна-

родных норм и внутреннего законодательства (постольку, поскольку оно не противоречит этим нормам). Не считаясь с преходящими интересами власти и привходящими обстоятельствами политики. И заставляя суд, всю правовую систему действовать ради человека, а не ради компромисса с сильными мира сего.

Но то – *норма*. А есть реальность посткоммунистического мира. Есть страны, граждане которых не привыкли к тому, что человеческая личность неприкосновенна и ее права выше прав государства и даже выше закона, если этот закон расходится с общемировыми *нормами*. Есть бюрократические системы, отторгающие (а если отторгнуть не получается, то поглощающие) правозащитные сообщества. Есть ситуации, когда омбудсман должен заниматься тем, чем в *нормальной* ситуации он никогда заниматься не будет: непосредственно вторгаться в политику, отстаивая верховенство прав человека перед лицом враждующих кланов. Не становясь на сторону ни одного из них, но и не скрываясь в надмирные высоты от

приземленных проблем современности. Вот такую-то практику анализирует в своей книге А. Сунгуров. Он обращается к опыту Украины, где во времена «дела Гонгадзе» омбудсман вынужден (вынуждена) был бросить вызов полублатной кучмовской системе, затем, уже в разгар «оранжевой» революции, конфликтовать с младонационалистами, а теперь продолжает работать в ющенковской системе. Потому что на самом деле он (она) не принадлежит Кучме, Ющенко или Януковичу, он (она) принадлежит гражданину и работает непосредственно на него. Крайне интересный материал собран и о том, как действует институт омбудсмана в других сопредельных странах, выбирающихся, подобно России, из-под обломков коммунизма. Предложена разветвленная классификация. Описаны исключения.

Но главный вопрос остается. Когда же наконец отпадет необходимость описывать эти исключения? Когда *норма* восторжествует и омбудсман сможет действовать спокойно, в почти бюрократическом, регистрационном режиме? Так как он действует в Швеции, Дании, других *несовершенных* странах. Тут приходится тяжело вздыхать и призывать самих себя к долготерпению. Нескоро, очень нескоро... Политические элиты на значительной части пространства СНГ становятся все более авторитарными, все более замкнутыми, все более отъединенными от общемировых элит. Конкретные ближайшие задачи могут подталкивать их к таким стратегическим решениям, за которые мы будем расплачиваться годами, если не десятилетиями. Так, в России всерьез обсуждается перспектива отказа от моратория на смертную казнь — с одной-единственной целью: искусственно выпасть из юрисдикции Страсбургского суда, где российское государство на сегодняшний день проиграло *все* иски граждан против него. Все до единого.

Нормальная логика диктовала бы иной выбор: поменяйте систему судопроизводства, обеспечьте торжество законности, лишите чиновника разрешающих функций, соблюдайте сами закон в конце концов! Нет, к этому мы не готовы. А к исключению из страсбургского процесса — уже почти готовы. Потому что не знаем, как быть, когда Страсбург огласит вердикт по делу Ходорковского и вытекающей из него череде других дел. Причем нетрудно догадаться, каким будет этот вердикт. Правовым.

Но нельзя, ссылаясь на неблагоприятные исторические обстоятельства, отказаться от напряженной деятельности по созданию будущего; нельзя, указывая на невозможность *нормы* сегодня, перестать надеяться на ее обретение завтра. Это значило бы лишиться себя перспективы. Лучше путанные, противоречивые, не вписывающиеся в рамки привычных представлений, *нетипичные* ролевые ситуации, в которые ежедневно попадают наши омбудсманы, чем отказ от самого института. На том основании, что он далек от совершенства.

В конце концов, есть одно неоспоримое преимущество у нынешней путаной ситуации. Ее интересно исследовать, как всякий незавершенный, внутренне противоречивый процесс. Что и доказывает книга А. Сунгурова.

*Диана Пинто,
историк (Франция)*

Двенадцать апостолов демократии

Выступать с лекциями об «условиях демократии» всегда непросто. В воздухе витает подспудное ожидание того, что лектор, имеющий счастье жить в стране, осененной процветающей демократией, просветит студентов из не столь демократических земель. И отсюда возникает вопрос: что, демократия — это уязвимое растение, требующее особых качеств почвы, тщательного ухода, сбалансированных удобрений, чтобы вырасти высоким и сильным? Если так, то она никак не может взрасти на скудной почве, пока кто-нибудь не завезет импортные удобрения. Трудности такого выращивания приводят многих к выводу, что проще и функциональнее сажать неприхотливые авторитарные кактусы, чем возиться с выращиванием ветвистых дубов. Убеждена, что древо демократии может расти на любой почве. Необходимые «удобрения» не могут быть завезены извне, их надо искать у себя: это новые поколения приверженных демократии общественных и политических деятелей, готовых принять вызов укоренившихся культурных и политических предрассудков. Вечный вопрос — можно ли по-настоящему изменить историческое наследие страны в политической сфере или укорененные консервативные и прежде всего пассивные силы в обществе непременно размоют любые реформистские действия — требует позитивного ответа. Ответ: можно и нужно!

Демократия, однако, медленно пускает корни в странах, которыми руководили (или в какой-то степени продолжают руководить) авторитарные и тоталитарные режимы, если в дело не вступают коллективные «акторы» нескольких различных типов. Все вместе они должны преодолеть барьеры политической стагнации. Демократия — это процесс, а не законченный продукт. Она может давать сбои. Она не дает гарантий по праву рождения и должна открываться заново каждым следующим поколением — даже в стране, имеющей Великую хартию вольностей и Билль о правах. Невозможно построить демократию сверху вниз или силами одних политиков. Это коллективное упражнение, для которого требуются добровольцы и лидеры, в числе которых те,

кого я называю двенадцатью апостолами демократии.

Каждая из описанных ниже фигур воплощает какую-то жизненно важную грань созидания здоровой плюралистической демократии. Многие из них существуют (в несколько иных ролях) и в недемократическом контексте, а потому сам по себе факт их наличия не гарантирует успех демократии. Все определяется соотношением сил между ними. Критически важно, чтобы ни у кого не было слишком много власти. Между акторами должен быть установлен сложный баланс сотрудничества и дистанцирования. Этот баланс должен быть динамичным и приспособляемым к различным социально-политическим ситуациям. Демократическое взаимодействие двенадцати «апостолов» — не утопия; в недавнем прошлом оно было достигнуто в таких странах Юго-Западной Европы, как Италия, Испания и Португалия, медленно, но верно ставших полноценными демократиями. Это потребовало времени и коллективных усилий новых поколений, нацеленных на изменения, но это было сделано.

1. Молодой честный политик

У него нет политического опыта «старого режима». Далекий от номенклатуры, имеющий, как правило, научно-техническое образование, происходящий чаще всего из провинции молодой честный политик стремится оправдать ожидания электората, хорошо известные ему по собственному опыту. Будучи избранным, он открывает сложность власти, переплетение глубинных интересов и ужас междусобищ. Он боится, что не сумеет решить стоящие перед ним задачи и утратит доверие избирателей, желающих немедленных результатов. Такой политик — не «животное власти», иначе он нашел бы путь к власти еще при «старом режиме». Для не-

го естественно думать в понятиях общественного блага, быть непримиримым и видеть себя подвижником, который обязан действовать быстро, пока не опомнились ревнители старины. В своих начинаниях он может опираться на помощь более ис-

Невозможно построить демократию сверху вниз или силами одних политиков

кушенных столичных политиков, лучше ориентирующихся в экономической реальности и больше ориентированных на политический торг. Таким образом складывается динамичный тандем.

За честными молодыми политиками первого поколения непременно следуют другие, выбирающие «политику как работу» и не столь приверженные моральной необходимости оппозиции старому режиму. Для развития здорового политического климата такие молодые политики должны добиваться развития диалога на всех уровнях государства, политических партий и общества, компенсирующего десятилетия политического невежества. Борясь за интересы народа для воплощения демократической мечты, молодые политики должны быть сдержанными, скромными и готовыми к разумным компромиссам. Они незаменимы для осуществления перемен, особенно когда считают себя «консерваторами».

2. Оппозиционный деятель

Без его активного участия не может быть никакой демократической политической жизни и разумного диалога. Как правило, такие деятели были близки к последней волне реформаторов старого режима, но разочаровались в них. Они больше не верят, что «старики» (то есть те, кто раньше был у власти) могут измениться. Слишком молодые, чтобы преуспеть при старой системе, они «не заинтересованы» и рассмат-

Олег Жогин. Дом. 1992

ривают любой обновленный «коммунизм» всего лишь как одно из политических течений в плюралистическом контексте. Социально привязанный к рабочему классу или крестьянству, оппозиционер главным образом заинтересован в социально-экономических результатах для «народа». Гражданское общество — не та концепция, которая его зажигает: с ним в пивной не посидишь. Этот персонаж — не интеллектуал, он недолюбливает умников, которые си-

дят себе и «мыслят»; он человек действия. Он не демократический идеалист, но реалист, и реализм приводит его к пониманию важности политического плюрализма. Для него это не естественный взгляд, а вынужденный вывод, придя к которому он становится активным приверженцем плюрализма. Вовлечение таких деятелей в демократический диалог критически важно. Без этого ни одно общество не может найти дорогу к демократии. Если старые оппозиционеры не конвертируются в демократов, то общество остается хрупким и подверженным «путчам».

3. Представитель меньшинств

Политики из меньшинств играют важную роль во всех посткоммунистических странах, особенно Балканских. Для процветания демократии важно, чтобы такие «меньшевики» не замыкались на своих узких «этнических» вопросах. Чтобы быть эффективными как для своих особых сообществ, так и для страны в целом, они должны смотреть шире, не слишком втягиваясь в «этнические» интеллектуальные баталии и культурные дебаты (такие как проблема венгров в Румынии). В целом от таких лидеров ожидают, что они будут больше заниматься защитой социально-экономических прав меньшинства, а не проблемами национально-культурной идентичности или «наследия». Это само по себе стоит приветствовать, поскольку таким образом происходит развенчание идеи этнической нации, приближая восточноевропейские страны к западному пониманию национальности как гражданства. Разумеется, важно, чтобы такие лидеры были политически лояльны по отношению к тому государству, в котором они избираются. И последнее — по месту, но не по важности: демократический представитель меньшинства должен быть тесно связан со своей общиной, а не назначен сверху, как это бывало при коммунистическом режиме.

4. Судья

Демократия не может работать без сильного правосудия, которое делает всех государственных и гражданских акторов ответственными за их личные или коллективные действия. Большинство стран провозглашает, что у них есть независимое от политического давления правосудие, но на деле таких стран очень мало. Во Франции, например, судебная система очень слаба и политически зависима. Вообще в странах с революционными традициями «правительство судей» считается антитезисом «правительства народа». Опыт показывает, что это ложная теория. Судьи — от самого высшего, конституционного, уровня до низшего, местного, — должны быть уважаемыми и хорошо оплачиваемыми, дабы не впасть в коррупцию. Это ключ к стабильной демократии.

Если судебная система слаба, страдают все органы государства и общества. К примеру, если журналист разоблачает преступления или коррупцию, но виновные не привлекаются к ответственности, не осуждаются и не несут наказания, то открывается широкая дорога для популистской и цезарепапистской политической реакции, которая может разрушить фундаментальные свободы, в том числе свободу прессы, которую считают сонной и бесполезной сторожевой собакой. В плюралистическом обществе, развивающемся по рыночным законам, только правосудие может быть надежным костяком демократии, определяющим правила игры для всех и обеспечивающим максимальную прозрачность.

5. Служитель гражданского общества

Образованный, живущий в столице, как правило юрист по профессии, космополит по взглядам, много путешествующий и имеющий широкие связи, этот политический актер играет важнейшую роль, особенно в сфере справедливости.

Олег Жогин. Знамя социализма. 1992

Этот человек держит «кнут», при помощи него указывая путь, по которому страна должна идти, чтобы соответствовать своим зарубежным партнерам. Это «внешнее око» режима. Он не профессиональный политик, а рупор общества. Когда и если он приходит к власти, то действует без оглядки на бюрократию. Он торопится провести не всегда реалистичные реформы, исходя из идеальных принципов. Тем не менее его

динамизм необходим. Без него не может быть прогресса, даже если пребывание у власти оказывается недолгим. Юристы и экономисты, работающие для общества, играют центральные ро-

В плюралистическом обществе, развивающемся по рыночным законам, только правосудие может быть надежным костяком демократии, определяющим правила игры для всех

ли в строительстве демократического государства, поскольку своим служением умеют добиваться уважения. Если же они предпочитают заниматься только частной практикой и делать деньги, не отвлекаясь на исполнение гражданского долга, это не просто плохо для страны. Это оставляет общество без инновационной элиты. Кроме того, они должны понимать, что, находясь на государственной службе, они служат не себе; что государство принадлежит всем. Этот урок не так просто усвоить — что на Западе, что на Востоке: он ведь противоречит естественным эгоистическим побуждениям.

Демократия основывается на уважении к этому принципу. Кроме того, вышедшая из гражданского общества элита должна понимать, что она не может привести с собой во власть все гражданское общество с его преимущественно городскими и просвещенными взглядами. У государственной службы есть свои императивы, нужды и приоритеты; есть *Realpolitik*, международные и стратегические задачи, а также тяжелые экономические решения. Первой этот урок получила «Солидарность» в Польше, придя к власти в 1989 году, а за ней и гражданские группы в большинстве других восточноевропейских стран. Так что надо четко различать императивы государства и гражданского общества.

6. Дипломат / генерал

Для дипломатов и генералов сожителство с демократией традиционно непросто. Их сферы деятельности существуют с незапамятных времен и сосуществуют с любыми режимами, вплоть до самых диктаторских. Одним из величайших изменений конца XX века стало то, что ценности прав человека, верховенства права, демократического представительства, особенно связанные с правами меньшинств, оказывают все большее влияние на внешнюю политику и поддержание мира. Соответственно нужны новые типы дипломатов и генералов, принимающие в расчет гражданское общество (так же как гражданские активисты должны учиться принимать в расчет государство).

Дипломатия в будущем может стать искусством достижения наибольшего межрегионального влияния путем уменьшения числа врагов в международном окружении равных независимых демократических государств, а военное сотрудничество — искусством защиты демократических ценностей. Чтобы реализовывать эти цели, дипломаты и профессиональные солдаты должны ощутить себя гражданами, не отделенными от «народа» номенклатурными привилегиями. Короче говоря, дипломаты и генералы должны научиться быть еще и демократами.

7. Администратор / функционер

Поскольку такие деятели традиционно наблюдают, как режимы приходят и уходят с относительным равнодушием (с точки зрения сохранения работы), то в действительности именно они занимают ключевые позиции в деле демократи-

ческого транзита. Они гарантируют честность и нейтралитет государства по отношению к различным интересам. Как однажды сказал один итальянский судья, борьба с мафией начинается на самом нижнем административном уровне, в маленьком городке, с чиновника, отвечающего за распределение муниципальных контрактов. Только он может обеспечить честную конкуренцию и открытость рынка. Когда появляются высшие судьи по борьбе с мафией, раковая опухоль уже распространяется слишком далеко. Равно важны те функционеры и администраторы, которые находятся в постоянном контакте с «народом» и переводят директивы политического класса в повседневную практику, затрагивающую каждого гражданина. От того, как они исполняют свои обязанности — равнодушно, высокомерно или с пониманием собственной гражданственности, зависит, насколько успешным будет созидание демократии. Франции, несмотря на долгую революционную традицию «свободы, равенства, братства», понадобилось почти два столетия, чтобы усвоить этот урок.

8. Промышленник и предприниматель

Для открытого общества эти две фигуры наиболее характерны, поскольку в коммунистическом мире их не было. Промышленники, руководившие государственными предприятиями, были обычными партийными чиновниками. Советские «бизнесмены», которые занимались международными контрактами, были скорее дипломатами, чем предпринимателями, и служили государству.

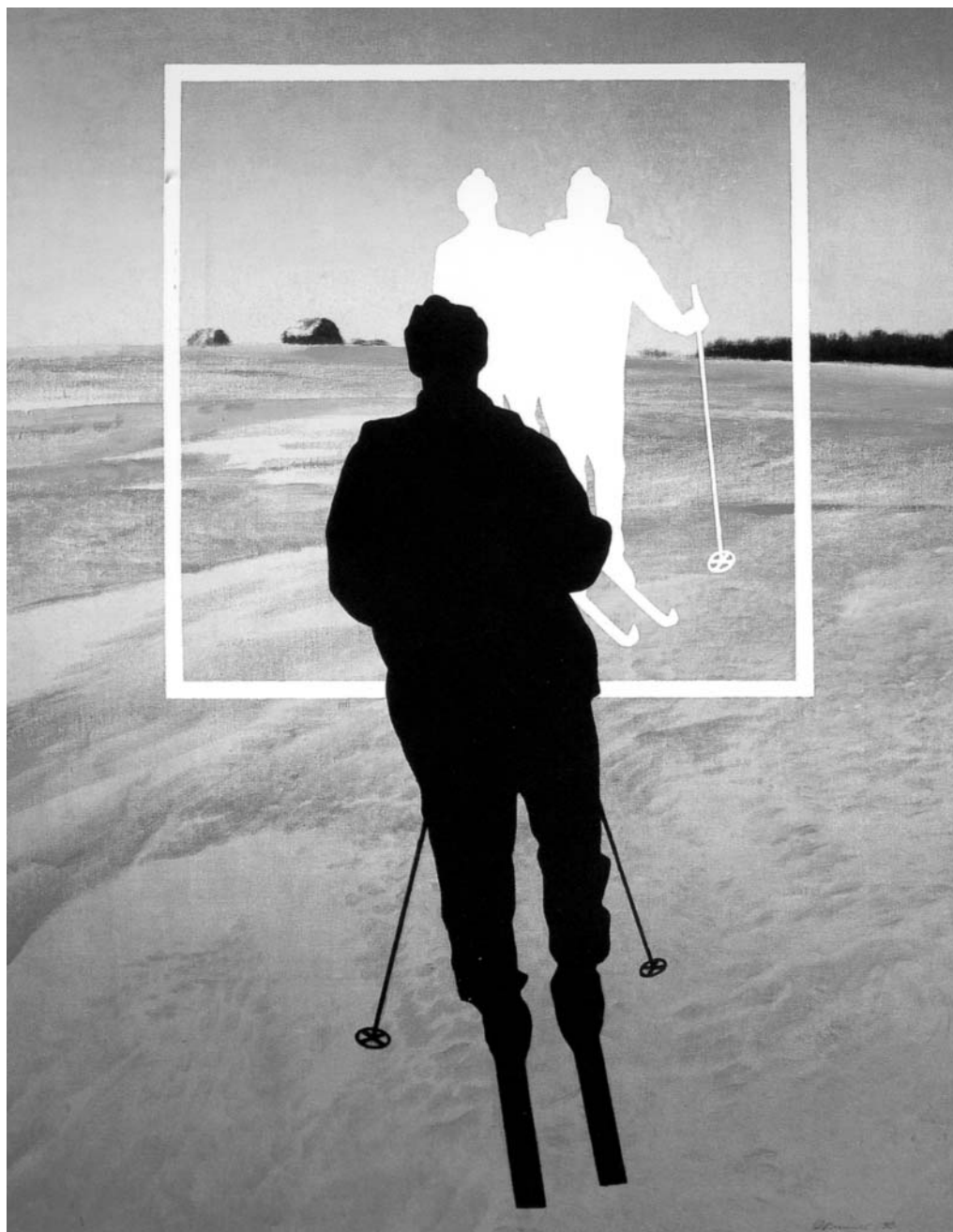
Новые промышленники и предприниматели, которые стали появляться в бывших коммунистических странах с конца 80-х годов, не имели представления о том, какова их роль в демократическом контексте. Добывая первоначальный капитал, они часто действовали как карикатурные манчестерские капиталисты 1844 года,

описанные Энгельсом. Чтобы добиться политического успеха, промышленники должны добавить к экономическим решениям социально-политическую ответственность, то есть иметь дело не только с рынками (и в еще меньшей степени — с машинами), но и с людьми.

Бизнесмен в демократической стране должен принять этику ответственности, платить налоги, участвовать в общественной деятельности, заниматься меценатством и благотворительностью. Нельзя обеспечить долгосрочную экономическую динамику без интенсивного общественного диалога и ответственности. Непростая задача, но критически важная для оздоровления посткоммунистической экономики, особенно в бедных странах.

9. Профсоюзный деятель

Эта профессия переживает кризис не только в бывших коммунистических странах, но и на Западе. Высокий уровень безработицы, сокращение членства в профсоюзах, утрата социально ориентированного подхода, глобализация экономики — все это способствовало упадку профсоюзов. Тем не менее они остаются важнейшим фактором поддержания нормальных трудовых отношений. Представительная промышленная элита может «разъяснить» особенности глобализированной экономики своей «базе» лучше, чем кто-либо другой. Она также может добиваться улучшения условий труда, которые зависят не только от финансовых обстоятельств, но и от доброй воли работодателей. Послевоенное восстановление Германии не было бы столь успешным, если бы не налаженное сотрудничество рабочих и работодателей. Но, разумеется, в будущем демократическим профсоюзам придется иметь дело с более индивидуалистическими и гибкими силами гражданского общества.

Олег Васильев. Белые лыжники. 1990

10. Ответственный интеллект

Любому обществу нужны люди, способные осмыслить повседневные сложности и долгосрочные проблемы для коллективного пользования. В наше время эта задача

возлагается в первую очередь на философов и социальных исследователей, а также, в несколько меньшей степени, чем раньше, на религиозных мыслителей. При демократии, однако, не надо путать интеллектуальную сферу с политической. Во

всяком случае, с западной точки зрения добродетели одной из них являются грехами для другой, особенно в двух случаях: когда интеллектуалы, верящие в абсолютные ценности, стремятся силой воплотить их в жизнь и когда они поддаются воздействию потребительского общества, становясь медийными звездами. Склонность к абстракциям, к моральной жесткости и глубоко личностному критическому мышлению в соединении с элитаристским взглядом на мир часто приводит интеллектуалов к выводу о своей несовместимости с демократическим миром политики, где важны конкретные действия, нюансами можно пренебрегать, а задумчивость есть признак слабости.

Однако есть и примечательные исключения из правил. Первое — интеллектуалы поневоле: прирожденные демократические политики, лишённые возможности играть публичные роли из-за природы коммунистического режима. Яркий пример — Бронислав Геремек, лидер «Солидарности», бывший министр иностранных дел, а в прошлом — видный историк-медиевист. Есть и другая вариация: поэт или эссеист, живущий в собственном литературном мире, но одновременно участвующий в гражданской жизни — без претензий на роль интеллектуального вершителя судеб мира. Такие люди по природе своей честны и сосредоточивают свою активность в гражданском обществе. Им свойственно здоровое уважение к власти в сочетании с твердой верой в социальную справедливость. Они нередко занимают государственные посты в странах, нуждающихся в сильном ценностном подходе, способностях к принятию решений и понимании нужд «обычных» людей. Такие политики-гуманисты пришли к власти в Восточной Европе в 1989 году. По моему впечатлению, для Рос-

сии это было не так свойственно: здесь экономическая и политическая власть оказалась в руках выходцев из научно-технической среды.

Интеллектуал — это, пожалуй, самая сложная и двойственная фигура из акто-

*НГО представляют собой
наилучшее средство противодействия
врожденному стремлению любого
государства контролировать все виды
деятельности внутри своих границ*

ров плюралистической демократии, поскольку его легитимность исходит не от народа, а из области идей.

11. Журналист

Эта фигура наиболее противоречива, поскольку может играть как конструктивную, так и деструктивную роль по отношению к новорожденной демократии — в зависимости от отношения к власти. Здесь часто происходит смешение ролей: одни журналисты нацеливаются на борьбу с властью, а другие загипнотизированы ею и работают «голосом своего хозяина». С другой стороны, журналисты склонны путать популистское разгребание грязи с критической позицией в отношении власти. Если к этому добавить присущий журналистской профессии коллективный эгоцентризм, то смесь получается взрывоопасная. В идеале журналист должен сохранять приличную дистанцию по отношению к власти и ее отравленным плодам, но это проще сказать, чем сделать.

Много говорится о СМИ в бывших коммунистических странах и об их интимных связях с бизнес-империями, что должно доказывать несовершенство этих демократий. Не уверена, что стоит

*Сергей Ковальский.
Память IV. Экспедиционная почта.
1970–2001*

быть столь категоричными, — не то чтобы мне нравились эти империи, но надо признать, что со временем многие страны создавали у себя богатую среду для общественного мнения, хотя медиа оставались в руках нескольких промышленных и экономических гигантов. Скажем, в Италии, где самые важные газеты принадлежат главным промышленным конгломератам (таким как ФИАТ).

С одной стороны, граждане учатся читать между строк и сравнивать различные источники информации. С другой — в интересах самих конгломератов не превращать СМИ в рабепных вассалов, а поддерживать плюрализм даже внутри собственных империй. Короче говоря, плюралистическое общество способно заставить себя услышать даже в условиях, когда медиа контролируются капиталом.

Журналистская самоцензура перед лицом государства гораздо опаснее для демократии, чем экономические интересы. На Западе журналистика сильно продвинулась в своей независимости. Сейчас уже никто не боится нападать на государство, обсуждать слабости судебной системы или расследовать экономические скандалы. Нет никаких причин, по которым журналистика в Восточной Европе пошла бы другим путем. Но, чтобы это произошло, журналисты должны по-настоящему уважать разделение властей.

12. Активист НГО

Эта роль появилась совсем недавно. Негосударственные организации стали признанными глашатаями гражданского общества только в последние двадцать пять лет. Их появление, несомненно, обогатило демократическую жизнь и политическую дискуссию. Активисты НГО действуют на всех фронтах, от социальных до экологических сфер, от вопросов защиты прав человека до защиты культурного наследия. Они играют решающую роль в развитии международных и межрегиональных связей, так как члены международных НГО совместно вырабатывают стратегии давления на соответствующие правительства и межгосударственные институты. НГО представляют собой наилучшее средство противодействия врожденному стремлению любого государства контролировать все виды деятельности внутри

своих границ. Они исполняют жизненно важную роль в области контроля за соблюдением прав человека и демократической практики.

Но, как и все в демократическом контексте, избыточная активность НГО может быть вредной. Некоторые активисты НГО становятся могущественными защитниками специфических интересов в ущерб интересам остального общества. Оставаясь вне контроля, некоторые НГО радостно берут на себя политическую ответственность, но надо помнить, что они зачастую никого не представляют, поскольку их никто не выбирал. Они сами выбрали себе занятие. Чтобы функционировать правильно, НГО должны быть открыты для контроля как в финансовом, так и в операционном смысле, иначе они могут становиться экстерриториальными мини-империями. Активисты НГО легко могут превратиться в привилегированную касту с международными связями. Создаваемые для присмотра за государством, избранными служащими, экономическими акторами и социальными службами, НГО и сами должны быть подконтрольными. Присматривать за ними должны выборные представители, суды и СМИ. Превентивные действия в этом направлении позволят избежать многих неприятностей в будущем. Надо устранять липовые НГО до того, как они разрушат положительный образ этой действительно полезной деятельности.

Post-Scriptum

Когда я впервые делала презентацию этой темы на семинаре для молодых демократических лидеров из Македонии, Сербии и Албании, один молодой человек спросил, кто же из демократических «апостолов» играет роль Иуды? Вопрос провокационный, но ответ на него

прост. Каждый из двенадцати «апостолов» по отдельности потенциально может стать антидемократическим Иудой. Никто не может быть вне подозрений. Демократия работает лишь тогда, когда

Надо устранять липовые НГО до того, как они разрушат положительный образ этой действительно полезной деятельности

между всеми «апостолами» есть надежные соединяющие мосты, но есть и не менее надежные разделяющие барьеры.

Другой студент поинтересовался, почему я не включила в число «апостолов» ведущих представителей церкви. Я о них не забыла, но не считаю, что они являются важным компонентом демократической системы. Религиозные силы играют важную роль в демократическом транзите от тоталитаризма (как это было в Польше, а также в ГДР). Но когда демократическое пространство открыто, некоторые церкви начинают работать в своих частных интересах. Последствия такой смеси теологии и политики могут быть политически разрушительными. Так что религиозных лидеров стоит числить среди акторов гражданского общества, не давая им функционального статуса морального «превосходства». Такого статуса заслуживают только исключительные моральные личности, независимо от их происхождения и рода деятельности.

Список «апостолов» ни в коем случае не исчерпывающий. Я лишь пыталась показать, что в каждой стране уже имеются все необходимые для демократического транзита акторы. Чтобы произвести на свет демократию, не надо завозить из-за рубежа магические формулы. Нужна общая воля к демократическому развитию через разрушение ограничений, создаваемых существующими структурами.

*Перевод с английского
Юрия Гиренко*

CONTENTS

Hiroshima International Award for Elena Nemirovskaya, MSPS' founder and director. Inviting speeches on the ceremony	5
Seminar	
Corruption and Globalization	
<i>Georgy Satarov</i>	13
Discussion	25
Notes from the seminar	
<i>Olga Petrova</i>	30
Theme of the issue	
Patriotism and universal values	
<i>Michael Mertes</i>	34
Civil Nation as universal value	
<i>Yuri Senokosov</i>	41
Concept	
Middle Class in the West and in Russia	
<i>Alexander Sogomonov</i>	48
Discussion	
Renaissance of social darvinism	
<i>Alexander Volkov</i>	55
Public opinion and democracy	
<i>Jesus Eloy Bedoya Chocan</i>	61
Quantity of quality	
<i>Andrey Perla</i>	66
Announcement	
Given democracy	
<i>Vladimir Ryzhkov</i>	68
«Second philosophy» of Russian	
<i>Collected by S.K. Ivanov</i>	69
Freedom and Culture	
This strange word «Freedom»	
<i>Sergey Egorov</i>	72
Individual experience	
Natalia Loseva: «Thank you, friends»	
<i>Indira Dunayeva</i>	78

Ideas and notions

Souverenity <i>Irina Busygina, Andrey Zakharov</i>	82
---	----

Horizons of understanding

Lessons of power <i>Jeff Malhan</i>	90
Don't loose the main thing <i>Alexander Mordovin</i>	100

Books

Moscow, 1941 <i>Yuri Girenko</i>	104
Regional book review <i>Yuri Girenko</i>	106
Counter-point <i>Alexander Arkhangelskiy</i>	108

Nota bene

Twelve apostels of democracy <i>Diana Pinto</i>	112
--	-----

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

СЕМИНАР

(Ленинградская область, февраль 2006)

Наши авторы:

Александр Архангельский

Ирина Бусыгина

Юрий Гиренко

Даниэль Дэтлинг

Андрей Захаров

Николай Злобин

Юрий Ковыршин

Бобо Лу

Ольга Малинова

Александр Мордовин

Александр Согомонов

Максим Сергеев

Роберт Скидельский

Фрэнсис Фукуяма

Джеффри Хоскинг

<p>квитанция кассир</p>	<p><u>АНО «Московская школа политических исследований»</u> (получатель платежа) ИНН 7703153998 КПП 770101001 Сч. № 40703810900001002316 в ОАО «НК Банк» г. Москва БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) <u>Подписка на журнал "Общая тетрадь" на 2006 г. (4 выпуска)</u> (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа 600 рублей</p> <p>Дата _____ Подпись плательщика _____</p>
<p>квитанция кассир</p>	<p><u>АНО «Московская школа политических исследований»</u> (получатель платежа) ИНН 7703153998 КПП 770101001 Сч. № 40703810900001002316 в ОАО «НК Банк» г. Москва БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) <u>Подписка на журнал «Общая тетрадь» на 2006 г. (4 выпуска)</u> (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа 600 рублей</p> <p>Дата _____ Подпись плательщика _____</p>

**Оформить подписку на журнал «Общая тетрадь»
можно следующим образом:**

- 1. Заполните квитанцию.** Укажите Ф.И.О., адрес с индексом, на который будет приходить бандероль с журналом.
- 2. Оплатите квитанцию в любом отделении Сбербанка РФ.** Копию оплаченной квитанции отправьте нам по факсу (495)937-76-10 или по эл. почте kira@co.ru
В цену подписки не включена комиссия Сбербанка.
- 3. Подписка для юридических лиц оформляется на основании заявки и оплаты выставленного счета.** Оформить заявку вы можете по эл. почте kira@co.ru или по тел. (495)937-76-10.

Подписано в печать 12.04.2006.

Формат 70×108/16.

Бумага мелованная.

Гарнитура NewBaskerville.

Усл.печ. л. 8.

Тираж 1000 экз.

Заказ №

Московская школа политических
исследований

121854, ГСП-2, Москва, ул. Большая

Никитская, 44-2.

e-mail: mmps@co.ru

<http://www.mmps.ru>

ЛР № 00972 от 14.02.2000.

Отпечатано с готовых диапозитивов

Московская школа политических исследований

Sapere aude!

**ИМЕЙ МУЖЕСТВО
МЫСЛИТЬ!**

Вам помогут

наши книги

В СЕРИЯХ

- **БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Условия свободы и культура демократии

- **КУЛЬТУРА. ПОЛИТИКА. ФИЛОСОФИЯ**

Исторический опыт и политическая практика

- **СВОЕВРЕМЕННАЯ МЫСЛЬ**

Вызовы и угрозы XXI века

наш журнал

- **ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ**

Вестник Московской школы политических исследований

Заказать книги и подписаться на журнал
можно по тел./факс: **(495) 937-76-10**
Эл. почта: **kira@co.ru**

Почтовый адрес:
121069, Москва, ул. Большая Никитская, д. 44, стр. 2, ком. 22

Получить информацию о книгах вы можете
на сайте Школы **www.msps.ru**

ISBN 5-93895-081-3

9 785938 950818 >